

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 2 № 2
2022

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 2 № 2
2022

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 2 № 2 2022

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддержка молодого поколения ученых.

Журнал принимает к опубликованию материалы по следующим специальностям Перечня ВАК при Минобрнауки России:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования
- 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология
- 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, И. А. Шадрин, Л. М. Букина
Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 2 № 2 2022

“**Russian Journal of Deviant Behavior**” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal’s priority is to support young scholars.

The journal accepts for publication materials on the following specialties of the VAK List Ministry of Education and Science of Russia:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal Psychology and Security Psychology
- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich’s Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G. N. Golyadkin, I. A. Shadrina, L. M. Bukina
Design and layout – S. N. Gorbunova

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А., доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой психологии воспитания и профилактики девиантного поведения МПГУ (Россия, Москва)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, Российская академия образования (РАО) (Россия, Москва)

Гаррисон Е. – доктор, профессор (США, Вашингтон)

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Злоказов К. В. – кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Ляскова К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, Институт педагогики, психологии и социальных проблем (заместитель директора по науке, ведущий научный сотрудник) (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, председатель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Chairman of the Scientific Coordination Council of the Russian Academy of Education (RAO) on Family and Childhood Issues, Dr.Sci. (Pedagogy), Member of Russian Academy of Education, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University. Head of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of MPGU, (Russia, Moscow)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, PhD in Philology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology,) (Russia, Izhevsk)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Russian Academy of Education (RAO) (Russia, Moscow)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Zlokazov K. V. – PhD in Psychology, Associate Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Illakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lyaskovska K. – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Javorchikova J. – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А.	132
-------------------------	-----

Современная девиантология: теории и концепции

Клейберг Ю. А. Системная девиантология: концептуализация проблемы.....	134
---	-----

Методология изучения девиантного поведения

Попинако Е. А. Профессиональная дезадаптация как предмет современных научных исследований.....	139
---	-----

Психологические исследования девиантного поведения

Дорфман Л. Я., Курочкин Е. А. Интегративный подход, 4-факторный Опросник самодеструкции личности и его психометрические характеристики. Сообщение 1. Локализация и интеграция самодеструкцию.....	151
--	-----

Кириллова Т. В., Рогов А. В. Исследование феномена суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных.....	164
---	-----

Кобозев И. Ю. Ценностные ориентации бывших сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение коррупционных преступлений.....	181
--	-----

Пастушеня А. Н. Характеристика проявления криминальной склонности личности: интериндивидуальное описание.....	193
--	-----

Сарсенова А. А. Отношение к деятельности, руководителю и самоотношение сотрудника правоохранительных органов как детерминанты его служебной лояльности..	201
---	-----

Криминологические исследования девиантного поведения

Рахманова Е. Н., Берестовой А. Н., Цветков П. В. Криминологические проблемы российского спорта.....	211
--	-----

Назаренко Г. В. Криминогенность и криминотаксис акцентуаций.....	219
---	-----

Сообщения о научных событиях

Рожков А. А., Юренкова В. А. Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2022). Обзор международной научно-практической конференции	225
--	-----

Обзоры и рецензии научных девиантологических публикаций

Ерофеева М. А. Психолого-педагогические детерминанты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних.....	236
--	-----

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A.	132
-------------------------	-----

Current trends in deviance: theories and concepts

Klejberg Yu. A. Systemic deviantology: conceptualization of the problem.....	134
---	-----

Methods in deviance studies

Popinako E. A. Professional maladaptation as a subject of modern scientific research.....	139
--	-----

Psychological research of deviant behavior

Dorfman L. Ya., Kurochkin E. A. An integrative approach, 4-factor Self-destructive behavior Questionnaire, and its psychometric features. Report 1. Localization and integration of the self-destruction.....	151
--	-----

Kirillova T. V., Rogov A. V. Suicidal behavior of suspected, accused and convicted persons – a study.....	164
--	-----

Kobozev I. Yu. Value orientations of former employees of the internal affairs bodies convicted of corruption crimes.....	181
---	-----

Pastushenya A. N. Characteristics of the manifestation of criminal personality propensity: interindividual description.....	193
--	-----

Sarsenova A. A. Professional attitude, attitude towards senior staff, and self-perception of a law enforcement officer as determinants of their professional loyalty.....	201
--	-----

Criminological research of deviant behavior

Rakhmanova E. N., Berestovoy A. N., Tsvetkov P. V. Criminological problems of Russian sports	211
---	-----

Nazarenko G. V. Criminogenicity and criminotaxis of accentuations.....	219
---	-----

Reports on scientific events

Rozhkov A. A., Yurenkova V. A. Modern Topics in Psychology in the Field of Law Enforcement: Concepts, Approaches, Technologies (Vasiliev readings – 2022). Review of international research and practice conference.....	225
---	-----

Reviews and reviews of scientific deviantological publications

Erofeeva M. A. Psychological and pedagogical determinants of prevention of deviant behavior of minors.....	236
---	-----

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-132-133

Уважаемые читатели!

Предлагаю вашему вниманию очередной номер «Российского девиантологического журнала», материалы которого представляют многообразие точек зрения на проблемы девиантного поведения в современном обществе.

Раздел «Современная девиантология: теории и концепции» открывает статья «Системная девиантология: концептуализация проблемы», автор которой предпринял попытку представить системную девиантологию с онтологических и эпистемологических позиций, генеральной целью которой является устранение затянувшегося концептуального безвременья, падения глубины теоретической мысли и создание девиантологической науки на основе системной теории, разработать для этого единый системный тезаурус и с единых теоретических позиций научно охарактеризовать важнейшие элементы девиантологического знания, тем самым восполнить теоретический вакуум в науке.

Статья «Профессиональная дезадаптация как предмет современных научных исследований», включенная в раздел «Методология изучения девиантного поведения», представляет обзор, актуальность которого связана со спецификой профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, высокими эмоциональными и физическими нагрузками. Автор определил цель в изучении актуальных в настоящее время направлений в разработке проблемы дезадаптации, определении ее видов и факторов дезадаптации в целом и профессиональной дезадаптации сотрудников органов внутренних дел в частности. В результате выявлены психологические детерминанты, способствующие развитию дезадаптивного поведения различных субъектов, определены наиболее разработанные направления по проблеме дезадаптации в области педагогической и медицинской психологии, обнаружено отсутствие в рамках юридической психологии диссертационных исследований по проблеме дезадаптации.

В следующем разделе представлены различные психологические исследования девиантного поведения. Так, авторы научной публикации «Интегративный подход, 4-факторный опросник самодеструкции личности и его психометрические характеристики. Сообщение 1. Локализация и интеграция самодеструкции», обозначили теоретико-эмпирические предпосылки и разработали интегративную модель самодеструкции личности. При этом они отмечают, что существующие взгляды на самодеструкцию являются локальными и разобщенными, не рассматривают самодеструкцию в совокупности множества ее факторов и источников. Новый шаг в исследованиях самодеструкции состоит в том, чтобы изучать ее в плане интеграции в дополнение к локальным подходам. Авторы видят два пути интеграции самодеструкции: индуктивный и дедуктивный. В следующем номере читателям будет предложено продолжение данного исследования.

Авторы статьи «Исследование феномена суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных» рассмотрели психологические особенности суицидентов, условия и обстоятельства совершения суицидов, в результате пришли к выводу о том, что социально-демографические и уголовно-правовые характеристики осужденных связаны с их суицидальными наклонностями и могут способствовать совершению ими самоубийств. Практическую значимость исследователи видят в применении полученных результатов в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы при профилактике суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Проблемам ценностных ориентаций бывших сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение коррупционных преступлений, посвящена следующая публикация раздела. Проведенный анализ подтвердил существенное влияние ценностной сферы личности на проявление коррупционного поведения. При этом у лиц, совершивших коррупционные преступления, выявлены доминирование материальных ценностей, личностных и семейных ценностей, стремление выделиться и быть независимым. Результаты исследования могут быть использованы при проведении профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел и при организации психологической работы по профилактике коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел.

В статье «Характеристика проявления криминальной склонности личности: интериндивидуальное описание» отмечается, что данная характеристика широко используется в социальной, в том числе правоохранительной прак-

тике и призвана отображать комплекс параметров такой склонности как потенциального явления, указывая вид преступления, которое может совершить индивид, и при каких обстоятельствах ситуации это возможно, а также в связи с каким мотивационным и функциональным психическим состоянием. Автором приводится систематизация параметров такой характеристики и некоторые типологические ее описания.

Автор исследования «Отношение к деятельности, руководителю и самоотношение сотрудника правоохранительных органов как детерминанты его служебной лояльности» значимость полученных результатов видит в расширении теоретических представлений о субъективных факторах формирования лояльности сотрудников правоохранительных органов, в частности, выявлении роли руководителя в формировании лояльности сотрудника как производной от его самоотношения и отношения к деятельности, а также в операционализации конструкта лояльности и разработке инструмента его измерения.

Раздел «Криминологические исследования девиантного поведения» открывает статья, автор которой рассматривает недостаточно исследованные в отечественной криминологии феномены криминогенности и криминотаксиса акцентуаций, характерные для несовершеннолетних и взрослых лиц, предрасположенных к совершению вполне определенных преступлений. Сравнительное сопоставление противоправного поведения лиц с различными акцентуациями показывает, что они обладают разным криминогенным потенциалом – от очень высокого до предельно низкого. В результате проведенного исследования установлено, что акцентуации различного типа тесно связаны с преступлениями определенного вида, то есть образуют криминотаксис акцентуаций. Особенности преступного поведения акцентуированных лиц дают возможность не только прогнозировать и предупреждать совершение ими определенных видов преступлений, но и более результативно раскрывать и расследовать ряд преступлений, а также со знанием дела осуществлять профилактику преступлений акцентуированных подростков.

Особенно актуальной представляется статья, посвященная криминологическим проблемам российского спорта, авторы которой предприняли попытку проведения комплексного криминологического исследования, посвященного преступности в сфере спорта. Результаты показали, что уголовная политика и действующее уголовное законодательство в сфере спорта вызывают вполне обоснованную критику ученых, юристов и спортсменов, прежде всего, за его неэффективность.

В этом номере представлен обзор международного научного форума, посвященного актуальным проблемам психологии правоохранительной деятельности, где были представлены результаты исследований научных школ Российской Федерации, Республики Узбекистан и Республики Беларусь по проблемам совершенствования психологической работы в системе морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, психологического сопровождения выполнения сотрудниками правоохранительных органов оперативно-служебных задач, интеграции достижений психологии в практику раскрытия и расследования преступлений, защиты сотрудников правоохранительных органов от деструктивного воздействия в информационно-коммуникативном пространстве, детерминант преступного поведения. Кроме этого, читатели журнала имеют уникальную возможность не только обзорно ознакомиться с темами, но и с помощью видеоматериалов, любезно предоставленных редакции журнала оргкомитетом конференции, посмотреть выступления участников.

Впервые на страницах журнала публикуем рецензию «Психолого-педагогические детерминанты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних», посвященную критическому осмыслению одноименной монографии и ставшую, по мнению редакционной коллегии, не менее интересным и значимым исследованием, чем рецензируемый материал.

«Российский девиантологический журнал» стал информационным партнером международной научно-практической конференции «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (https://mvd.ru/upload/site125/nauka/2022/IP_2022-09-30.pdf), которая пройдет 30 сентября 2022 года в Санкт-Петербургском университете МВД России. Обзор, посвященный данному научному мероприятию, читайте в следующем номере.

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи
и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики
асоциального поведения Московского педагогического государственного
университета, заведующий кафедрой психологии воспитания
и профилактики девиантного поведения МПГУ
А. А. Реан**

УДК 316

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-134-138

Системная девиантология: концептуализация проблемы

Юрий Александрович Клейберг

Академия Национального образования и науки,
Международная Ассоциация девиантологов
(Тверь, Россия)
yury.klejberg@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6757-0102

Аннотация

В статье предпринята попытка представить системную девиантологию с онтологических и эпистемологических позиций, генеральной целью которой является устранение затянувшегося концептуального безвременья, падения глубины теоретической мысли и создание девиантологической науки на основе системной теории, разработав для этого единый системный тезаурус и с единых теоретических позиций научно охарактеризовать важнейшие элементы девиантологического знания, тем самым восполнив теоретический вакуум в науке.

Ключевые слова

система, девиантология, системная девиантология, концептуализация

Для цитирования: Клейберг, Ю. А. (2022). Системная девиантология: концептуализация проблемы. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 134–138. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-134-138.

Original paper

Yuriy A. Klejberg

Academy of National Education
and Science, International
Association of Deviantologists
(Tver, Russia)

yury.klejberg@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6757-0102

Systemic deviantology: conceptualization of the problem

Abstract

The article attempts to present systemic deviantology from ontological and epistemological points of view with the general goal to put an end to the protracted conceptual timelessness and to stop the degradation of the academic thought. The author strives to recreate the deviantological science on the basis of the system theory. In order to accomplish that the author has developed a unified systemic thesaurus and characterized the most important elements of the deviantological knowledge from a unified theoretical standpoint, thereby filling the theoretical vacuum in science.

Keywords

system, deviantology, systemic deviantology, conceptualization

For citation: Klejberg, Yu. A. (2022). Systemic deviantology: conceptualization of the problem. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(2), 134–138. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-134-138.

Введение

Как известно, в мире нет ни одного представителя рода *Homosapiens*, который существовал бы автономно, изолированно от общества (общины, социальной группы, коллектива и т.п.), сам по себе. Общество – многоуровневая система сложных взаимодействий и взаимозависимостей социальных групп, связанных историей, традициями, обычаями, культурой, совместно выработанными ценностями, нормами, идеалами и т.п. Люди в обществе объединены в единую систему отношений.

Известно, что основой любого общества являются *социальные группы*, которые сплачивают, объединяют общество, делают его целостным, устойчивым и динамичным, причем социальные группы не дистанцированы и изолированы друг от друга, они имеют тесную взаимосвязь, пересечение и взаимопроникновение, тем самым обогащая друг друга и наполняя отношения сущностно-содержательным, ценностным смыслом. Сущностью этого смысла является *ментальность*, состоящая из представлений, мотивов, установок, имплицитных ценностей, традиций, стереотипов, практических действий и моделей поведения. Ментальность – это мировоззренческая система, психологической основой которой выступает общественная идеология, играющая важную интегрирующую, консолидирующую и стабилизирующую роль. Как справедливо отмечает А. В. Косов, ментальность формируется на основе генетически и социально обусловленных компонентов (социального опыта, здравого смысла, интересов, эмоциональности, рефлексивности и др.), раскрывая представления человека об окружающем мире и о себе, проявляя привычки, пристрастия, коллективные и индивидуальные эмоциональные стереотипы и паттерны (Косов, 2007, с. 76).

Концептуализация проблемы

Однако современное общество – это система взаимоотношений намного более сложная, чем, скажем, первобытная или даже средневековая община. Современное общество – это система высоких нанобио-ИТ-технологий, имеющая свои направления развития: когнитивное, эмоциональное, потребностно-мотивационное, ценностно-ориентационное, семантическое, образно-символическое, поведенческое (бихевиоральное) и др. А это значит, что в такой системе могут возникнуть (и возникают!) противоречия, непонимание, конфликты и отклонения от существующих

институциональных норм морали, закона. Как отмечает Я. И. Гишинский, очевидна проблемная ситуация: неадекватность (рассогласование, несоответствие) социальных реалий (девиаций, девиантности общества), реакции общества на них (социальный контроль) и научного их осмысления (девиантологические теории) (Гишинский, 2021, с. 12).

Однако любое общество – от архаичного до цивилизованного, современного – по своей сути противоречиво, конфликтно, девиантно. И в этом смысле давно настал час системной девиантологии, необходимость «новой, «сумасшедшей» теории, способной понять непонимаемое» (по Я. И. Гишинскому).

Системная девиантология ставит целью построить девиантологическую науку на единой основе системной теории, разработав для этого системный понятийный аппарат и с единых теоретических позиций предложить научное описание важнейших элементов девиантологического знания.

Тем не менее современная реальность указывает на то, что девиантология, несмотря на свою молодость, прочно заняла место одной из наиболее востребованных научных и учебных дисциплин (модулей). По мнению Я. И. Гишинского, девиантология (*deviantology*) – это наука, изучающая социальные девиации (девиантность) и реакцию общества на них (социальный контроль) (Гишинский, 2021, с. 24).

На многих российских гуманитарных факультетах вузов и колледжей читаются курсы и спецкурсы девиантологической направленности – «Психология девиантного поведения», «Социология девиантного поведения», «Девиантология», «Педагогика и психология девиантного поведения» и др. Минобрнауки России утвержден ФГОС ВО по направлению 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения»¹, появились специализации, по которым готовятся выпускники, освоившие программу специалитета: «Социальная педагогика»; «Пенитенциарная педагогика»; «Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения»; «Психолого-педагогическое сопровождение детей и подростков группы риска»; «Психолого-педагогическая коррекция и реабилитация лиц с девиантным поведением» (Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования, п. 4.2). Образовано учебно-методическое объединение (УМО) вузов России по направлению «Педагогика и психология девиантного поведения». Подготовлены и реализуются в учебно-образовательной и научной деятельности вузов монографии, учебники, учебные пособия

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2016 г. № 1611). Москва.

(Гилинский, Клейберг, Комлев, Хагуров)², хрестоматии, защищаются диссертации и мн. др.

Как видно, создана серьезная учебно-образовательная и научная система подготовки девиантологов и последующей научной аттестации данных специалистов (Клейберг, 2014, 2016).

Создание системной теории (синтагмы) девиантологии – актуальная и вместе с тем чрезвычайно сложная проблема современной девиантологической науки. Синтагма (греч. – систематизация, классификация) – категория науковедения, означающая специально созданную для решения насущных научных задач целостную, многокомпонентную, проблемно ориентированную, нестандартную эвристичную систему знаний, определяющую направленность, методологию и методологию исследований (Клейберг, 2015).

Девиантологическая наука с точки зрения онтологии и эпистемологии, как нам кажется, выступает сегодня в виде *социального куматоида* (от греч. kuma – волна) – волнообразной формы организации научного познания и образцов продуктов науки. Это и есть то, что передается, воспроизводится и развивается (за счет механизма новаций и нововведений) в науке. Анализируя различные научные направления, подходы и теории, с помощью которых изучается феномен девиаций, девиантного поведения, мы задаем тем самым основное содержание девиантологической науки как социального куматоида (Клейберг, 2015).

Создавая системную девиантологию, мы должны ориентироваться прежде всего на то знание, которое дает возможность понять генезис, первопричинность девиантного поведения человека. Уже у эмбриона закладывается некая программа, индивидуальные свойства, развивая которые, личность может эту программу не только максимально реализовать, но и эффективно развивать и совершенствовать. Успешная реализация данной программы вызывает чувство удовлетворения жизнью, наполняет ее смыслом и порождает новую мотивацию. Напротив, при неуспешной реализации программы личность испытывает дискомфорт, неудовлетворенность, дисфункциональные состояния, деструкции, болезни и др.

Генеральной целью системной девиантологии является устранение затянувшегося концептуального

безвременья, падения глубины теоретической мысли и создание девиантологической науки на основе системной теории. Для этого необходимо разработать единый системный тезаурус и с единых теоретических позиций научно охарактеризовать важнейшие элементы девиантологического знания, тем самым восполнив теоретический вакуум в науке. Необходимо найти новую перспективу, реальную и достижимую.

После создания такой основы «гребень» научной волны всегда высоко поднимается, следует расцвет любой науки и связанных с ней нововведений и технологий.

Наука, не имеющая такой основы и пытающаяся выводить свои закономерности из непосредственного знания принадлежащих ей фактов, сродни строящемуся многоэтажному зданию, которое пытаются возвести без фундамента. В определенной мере эта аналогия уместна по отношению к большинству ранее предложенных теоретических концепций девиантологии (об этом более подробно в (Гилинский, 2021; Клейберг, 2015; Комлев, 2014).

Однако следует заметить, что среди многих понятий, прочно вошедших в гуманитарную науку, концепты «системность», «системный подход», «системное знание», «системное мышление», «системный анализ» стали одними из наиболее часто употребляемых в научном лексиконе. Они составляют основу научного тезауруса системного подхода, выступают методологическим фактором развития системогенеза – становления и совершенствования системы в процессе онтогенеза для удовлетворения доминирующей потребности (согласно иерархической очередности), с целью выживания и максимальной адаптации к внешней среде (по А. А. Ухтомскому).

При этом, как это нередко происходит с любым научным концептом, системный подход, в частности, в гуманитарных науках, существует в двух весьма далеких друг от друга смыслах. Наиболее распространенное понимание системного подхода связано с рассмотрением различных социальных и психологических явлений не изолированно, а в их совокупности и совместно с порождающими их причинно-следственными закономерностями. То есть «системно» то, что любой продукт

² Клейберг, Ю. А. (2001). Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов (3-е изд., перераб. и доп.). «Сфера» при участии «Юрайт»; Клейберг, Ю. А. (2003). Психология девиантного поведения: учебное пособие (4-е изд., перераб. и доп.). «Сфера» при участии «Юрайт»; Клейберг, Ю. А. (2017). Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов (5-е изд., перераб. и доп.). Юрайт; Клейберг, Ю. А. (2017). Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов (6-е изд., перераб. и доп.). Московский государственный областной университет; Клейберг, Ю. А. (2017). Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов (9-е изд., перераб. и доп.). Юрайт; Клейберг, Ю. А. (2017). Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов (10-е изд., перераб. и доп.). Московский государственный областной университет; Клейберг, Ю. А. (2019). Психология девиантного поведения: учебник и практикум для СПО (Профессиональное образование, 11-е изд., перераб. и доп.). Юрайт; Клейберг, Ю. А. (2020). Психология девиантного поведения: учебное пособие с кейсами и практикумом (12-е изд., перераб. и доп.). Тверской государственный университет; Комлев, Ю. А. (2014). Теории девиантного поведения: учебное пособие (2-е изд., испр. и доп.). Алеф-Пресс; Хагуров, Т. А. (2003). Введение в современную девиантологию: учебное пособие.

психической деятельности всегда является следствием многих явлений объективного и субъективного характера. Перефразировав положение Б. Ф. Ломова относительно психологии, замечу, что девиантология тоже не может развиваться на основе одной-единственной категории – категории деятельности; девиантология должна развиваться на основе системы категорий, указывая на важность разработки понятийного аппарата науки (Ломов, 1984).

”

Если девиантологическая наука сохранит и усилит свой авторитет и продолжит свое развитие, она придет к необходимости раскрытия общесистемных закономерностей социальной и психической жизни, на решение которых нацелена системная девиантология.

“

Иной содержательный смысл заложен в понятие «системный подход» (от англ. – *systems approach*), связанное с построением научного каркаса, в частности, девиантологии, использующее метод системного анализа, основывающееся на методологических принципах системологии – «фундаментальной науки, предметом которой являются общие законы развития сложных систем физической, биологической и социальной природы» (Уемов, 1978; Флейшман, 1982), а также логику системогенеза – процесса формирования самой системы, с одной стороны, и образование и преобразование внешней, социальной среды для развития и совершенствования социальных групп, институтов и отдельной личности, – с другой. По мнению А. Н. Аверьянова, системность, системный подход, системное мышление проникли во все сферы деятельности, и системная ориентация становится исторической характеристикой современного научного мышления и преобразовательной деятельности (Аверьянов, 1985). Действительно, мыслить и действовать системно сегодня становится общественно мотивированной потребностью.

Системный подход в девиантологии – это способ познания, определяемый гносеологической установ-

кой рассматривать «предмет как систему», предполагающий наличие определенной логики когнитивных процедур. Ключевым моментом здесь является целостность объекта исследования.

Системность – это свойство, качество объекта девиантологического исследования, выступающее также объектом созидательной (творческой) и деструктивной (разрушительной) деятельности человека.

Мы используем термин «*системная девиантология*» для обозначения всего комплекса входящих в нее «базовых» наук: теории систем (системологии), системного анализа, системотехники (системного синтеза).

К середине XX века системность становится одним из принципов, характеризующих общенаучную методологию – системный подход, который в свою очередь формирует единую гносеологическую установку на разных уровнях познания: конкретно-научном, общенаучном, мировоззренческом.

Системный анализ XXI века ориентирован на реализацию системного подхода с учетом специфики изучаемых девиантологией систем (ментальных, поведенческих и др.) как объектов определенного качества и использующей понятийный аппарат системного подхода как методологическое средство анализа.

Заключение

Таким образом, представленный нами абрис системной девиантологии с онтологических и эпистемологических позиций, безусловно, нуждается в теоретической корректировке и эмпирической апробации и верификации. Однако даже в таком виде абрис системной девиантологии откроет перспективы для дальнейшей институционализации девиантологии, а исследовательские данные этой науки приобретут общезначимый характер, что, несомненно, будет способствовать появлению новых теоретических подходов, концепций и парадигм, подкрепленных полезными эмпирическими исследованиями.

Динамичность структурных изменений социальных девиаций вызывает неудовлетворенность существующими девиантологическими объяснительными концепциями, но это только актуализирует изучение проблематики и мотивирует исследования. Глобальная «девиантизация» современных обществ, по меткому выражению Я. И. Гилинского, – лишний довод в пользу радикальной смены девиантологических парадигм.

Если девиантологическая наука сохранит и усилит свой авторитет и продолжит свое развитие, она придет к необходимости раскрытия общесистемных закономерностей социальной и психической жизни, на решение которых нацелена системная девиантология. Это станет одной из атрибутивных характеристик познавательного движения, поступательных изменений в девиантологической науке на всех этапах ее развития.

Список литературы

- Аверьянов, А. Н. (1985). *Системное познание мира: методологические проблемы*. Москва: Политиздат.
- Гилинский, Я. И. (2021). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»* (4-е изд., перераб. и доп.). Санкт-Петербург: Алетейя.
- Клейберг, Ю. А. (2014). *Основы психологии девиантного поведения*. Монография. Санкт-Петербург: Алетейя-Пресс.
- Клейберг, Ю. А. (2015). Девиантное поведение: синтагма, онтология, эпистемология. *Общество и право*, 1 (51), 262-269.
- Клейберг, Ю. А. (2016). *Современная девиантология: методология, теория, практика*. Коллективная монография (под ред. Ю. А. Клейберга). Лондон: Академии образования Великобритании.
- Косов, А. В. (2007). Ментальность как мировоззренческая система и компонента миросознания. *Методология и история психологии*, 2 (3), 75-90.
- Ломов, Б. Ф. (1984). *Методологические и теоретические проблемы психологии*. Москва: Наука.
- Уемов, А. И. (1978). *Системный подход и общая теория систем*. Москва: Мысль.
- Флейшман, Б. С. (1982). *Основы системологии*. Москва: Радио и связь.

References

- Aver'yanov, A. N. (1985). *Sistemnoepoznanie mira: metodologicheskie problemy*. Moscow: Politizdat.
- Gilinskij, Ya. I. (2021). *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»* (4-e izd., pererab. i dop.). Saint Petersburg: Aletejya.
- Klejberg, Yu. A. (2014). *Osnovy psihologii deviantnogo povedeniya*. Monografiya. Saint Petersburg: Alef-Press.
- Klejberg, Yu. A. (2015). Deviantnoe povedenie: sintagma, ontologiya, epistemologiya. *Obshchestvo i pravo*, 1 (51), 262-269.
- Klejberg, Yu. A. (2016). *Sovremennaya deviantologiya: metodologiya, teoriya, praktika*. Kollektivnaya monografiya (pod red. Yu.A. Klejberga). London: Akademii obrazovaniya Velikobritanii.
- Kosov, A. V. (2007). Mental'nost' kak mirovozzrencheskaya sistema i komponenta mirosoznaniya. *Metodologiya i istoriya psihologii*, 2 (3), 75-90.
- Lomov, B. F. (1984). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii*. Moscow: Nauka.
- Uyomov, A. I. (1978). *Sistemnyj podhod i obshchaya teoriya sistem*. Moscow: Mysl'.
- Fleishman, B. S. (1982). *Osnovy sistemologii*. Moscow: Radio i svyaz'.

Информация об авторе:

Юрий Александрович Клейберг – лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор. Президент Академии Национального образования и науки и Международной Ассоциации девиантологов, главный редактор научного журнала «Вопросы девиантологии».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 29.04.2022

Одобрена после рецензирования 15.06.2022

Опубликована 29.07.2022

About the author:

Yuriy A. Klejberg – Laureate of the State Prize of the Government of the Russian Federation in the field of education, Dr. of Sciences (Psychology), Dr. of Sciences (Pedagogy), Professor. President of the Academy of National Education and Science and the International Association of Deviantologists, editor-in-chief of the scientific journal “Issues of Deviantology”.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted April 29, 2022

Approved after reviewing June 15, 2022

Accepted July, 29 2022

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-139-150

Профессиональная дезадаптация как предмет современных научных исследований

Екатерина Алексеевна Попинако

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
tatainchik@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1242-9467**Аннотация**

Введение. Дезадаптация оказывает негативное влияние на различные сферы жизнедеятельности человека, детерминируя проблемы в межличностной коммуникации, профессиональной деятельности. Актуальность данной проблемы в сфере правоохранительных органов связана со спецификой профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, высокими эмоциональными и физическими нагрузками.

Цель исследования состоит в изучении актуальных в настоящее время направлений в разработке проблемы дезадаптации, определении ее видов и факторов дезадаптации в целом и профессиональной дезадаптации сотрудников органов внутренних дел в частности.

Методология, методы исследования. В качестве метода исследования использовался контент-анализ, позволяющий выявить общие и частные закономерности развития проблемы дезадаптации. Эмпирическая база исследования представлена диссертационными исследованиями по исследуемой проблеме (в том числе по проблеме дезадаптации сотрудников правоохранительных органов), защищенными в период с 2001 по 2022 год.

Результаты исследования. Определены основные направления психологических исследований по исследуемой проблеме. Выявлены психологические детерминанты, способствующие развитию дезадаптивного поведения различных субъектов. Определены наиболее разработанные направления по проблеме дезадаптации в области педагогической и медицинской психологии. Обнаружено отсутствие в рамках юридической психологии диссертационных исследований по проблеме дезадаптации. Изучение деятельности сотрудников правоохранительных органов как субъектов дезадаптации осуществляется в медицинской психологии с позиции экстремальности профессиональной деятельности, где в качестве детерминанты также выступает аддиктивное поведение.

Ключевые слова

дезадаптация, контент-анализ, сотрудники органов внутренних дел, профессиональная дезадаптация, девиантное поведение

Для цитирования: Попинако, Е. А. (2022). Профессиональная дезадаптация как предмет современных научных исследований. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 139–150. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-139-150.

Original paper

Ekaterina A. Popinako

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
tatainchik@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1242-9467

Professional maladaptation as a subject of modern scientific research

Abstract

Introduction. Maladaptation has a negative impact on various spheres of human life, determining problems in interpersonal communication, professional activity. The relevance of this problem in the field of law enforcement agencies is associated with the specifics of the professional activity of police officers, its stress, high emotional and physical strain.

The purpose of the work is to study current trends in the development of the problem of maladaptation, determining its types and factors of maladaptation in general, and professional maladaptation of police officers in particular.

Methodology, research methods. The author has used a method of content analysis to identify general and particular patterns in the development of the problem of maladaptation. The empirical base of the research is represented by theses defended in the period from 2001 to 2022 on the problem in hand including the problem of maladaptation of law enforcement officers.

Research results. The main directions of psychological research on the problem under study are determined. The article reveals psychological determinants that contribute to the development of maladaptive behavior of various subjects. The most developed directions on the problem of maladjustment in the field of pedagogical and medical psychology are determined. The author has detected an absence of dissertation research on the problem of maladaptation within the framework of legal psychology. The study of the activities of law enforcement officers as subjects of maladjustment is carried out in medical psychology from the position of extreme professional activity, where addictive behavior also acts as a determinant.

Keywords

maladaptation, content analysis, law enforcement officers, professional maladaptation, deviant behavior

For citation: Popinako, E. A. (2022). Professional maladaptation as a subject of modern scientific research. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(2), 139–150. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-139-150.

Введение

Деятельность сотрудников органов внутренних дел сопряжена с необходимостью исполнения служебных обязанностей в состоянии повышенного психоэмоционального напряжения, что в условиях стрессовой нагрузки является серьезным испытанием профессиональной надежности сотрудника, его здоровья и может привести к дезадаптации, которая выражается в негативном изменении личности сотрудника, нарушениях служебной дисциплины и законности, ухудшении его самочувствия и взаимоотношений в коллективе, увеличении суицидальных рисков и других форм девиантного поведения. Стрессогенный характер профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел способствует возникновению физиологических и психологических признаков дезадаптации личности, что может выражаться как в нарушении взаимодействия в коллективе, снижении уровня мотивации, работоспособности и эффективности деятельности, так и в появлении стойких нарушений психического здоровья, способствовать прекращению выполнения служебных обязанностей с последующим увольнением.

Обзор литературы

Дезадаптация рассматривается как противоположный феномен «адаптации» и также является одной из важнейших характеристик состояния человека, субъекта деятельности.

В настоящее время нет единого понимания и определения понятия «дезадаптация», что связано с междисциплинарным характером данного явления: в пси-

хологии это нарушения в мотивационной сфере личности, проявление акцентуаций характера, в педагогике – педагогическая запущенность, в социологии – изменения в процессе воздействия различных факторов социума. В медицине большое внимание уделяется патологиям систем и нарушению функционирования организма в новых условиях, а также нарушению психической адаптации. Так, в «Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем» (МКБ-10) группа состояний, характеризующаяся как «Расстройства приспособительных реакций», представлена отдельный рубрикой.

Теоретический анализ научных источников позволяет выделить два основных направления в исследовании проблемы дезадаптации: социально-психологический и клинический.

Представители клинического подхода к исследованию проблемы дезадаптации определяют ее как нарушение механизмов приспособления организма, детерминирующее психосоматические расстройства, что способствует активизации биологических ресурсов организма для сохранения жизнедеятельности.

Так, Ю. А. Александровский в качестве проявлений дезадаптации рассматривает психическую травму и естественную «экспериментальную модель» социальных стрессовых расстройств, а также невротические состояния и реакции, обусловленные ухудшением соматического здоровья и усилением декомпенсации невротических и патохарактерологических нарушений под воздействием «биогенного» воздействия экологических вредностей (Александровский, 1976).

Деадаптацию также определяют как перманентный процесс, характеризующийся деформированием личности и разрушением организма, приводящим к соматическим нарушениям и патологическим изменениям личности (Осницкий, 2003), акцентируя внимание на психических нарушениях, выявленных под влиянием психогений (психических нарушений при акцентуациях характера)¹.

Ряд авторов определяет психическую деадаптацию специалистов как непрерывный процесс, включающий биологическую, психологическую и социальную подструктуры (Корехова и др., 2014).

Представители социально-психологического подхода к исследованию проблемы деадаптации акцентируют внимание на неспособности личности адаптироваться к социальным условиям, требованиям окружающей среды. Ряд авторов определяет деадаптацию как нарушение взаимодействия личности с социумом, нарушение социальной адаптации (Реан, Коломинский, 2000). В рамках векторной модели социальной адаптации проявление деадаптации по внешнему критерию определяется как «конфликтное, асоциальное, контрнормативное и делинквентное (крайний случай – криминальное) поведение» (Реан и др., 2006, с. 67).

Б. Н. Алмазов понимает под деадаптацией снижение адаптационного ресурса личности, несоответствие между возможностями в достижении цели и достигнутыми в процессе деятельности результатами, сопровождающееся неспособностью личности к адаптации в данных условиях. Также указывается на важность непостоянства ситуационных возможностей личности и его состояния (Алмазов, 2020).

По мнению П. Б. Ганнушкина, склонность к деадаптации является одним из признаков поведенческой патологии и может выражаться в виде деадаптации, направленной вовне (проявляется в конфликтности, социально-психологической изоляции, противостоянии реальному миру), или внутренней деадаптации (для которой характерна неудовлетворенность собой как личностью). В качестве особенностей деадаптации автор отмечает стабильность и длительность проявления, сформированность ее в процессе социализации (Ганнушкин, 1964). Причиной деадаптации называется отсутствие согласованности оценок между реальными и потенциальными возможностями развития социума и личности (Петровский, 1992).

Исследуя проблему девиантного поведения и опираясь на понимание деадаптации как «состояния сниженной способности (нежелания, неумения) принимать и выполнять требования среды как личностно значи-

мые, а также реализовывать свою индивидуальность в конкретных социальных условиях», Е. В. Змановская выделяет девиантную адаптацию, которую определяет как «самореализацию посредством выхода за существующие социальные требования (нормы)», и социально-психологическую деадаптацию – «состояние блокировки процессов самореализации и адаптации»².

Ж. Фишер считает деадаптацию одним из конструктов феномена девиации как типа культуры, который структурирует изменяющуюся социальную реальность. При этом он выделяет в качестве аспектов деадаптации отторжение девиантной личности и ее социально-психологическую иммунизацию (Fisher, 1991, 116-124).

”

Стрессогенный характер профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел способствует возникновению физиологических и психологических признаков деадаптации личности, что может выражаться как в нарушении взаимодействия в коллективе, снижении уровня мотивации, работоспособности и эффективности деятельности, так и в появлении стойких нарушений психического здоровья, способствовать прекращению выполнения служебных обязанностей с последующим увольнением.

“

А. А. Налчаджян указывает на специфическую особенность деадаптации: усугубление и усиление трудностей неприятных переживаний личности в связи с невозможностью разрешения проблемной ситуации. Автор выделяет три уровня социально-психологической деадаптации: устойчивый ситуативный, временный и общий (Налчаджян, 2010).

Не менее интересным представляется понимание деадаптации как деструктивного результата преодоления различных кризисов, возникающих в процессе жизнедеятельности человека (возрастных, профессиональных и др.) (Выготский, 2000). При этом профессионально-личностная деадаптация детерминирована

¹ Личко, А. Е. (2016). *Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков*: учебное пособие. Институт общегуманитарных исследований.

² Змановская, Е. В. (2003). *Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения)*: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Издательский центр «Академия».

факторами риска неразрешенных проблем, возникших в кризисный период профессионального развития личности сотрудников.

Так, М. А. Дмитриева в качестве детерминант профессиональной деформации личности указывает на изменения в личности сотрудников и повышение требований к ним (Никифоров, 2010).

С. В. Бондаренко, исследуя проблему профессиональной дезадаптации, выделяет три уровня факторов, при которых происходит нарушение адаптационных механизмов: организменный (нарушение физиологических функций), субъектный (нарушение психологических механизмов, оказывающих влияние на жизнедеятельность человека в целом), личностный (нарушение приспособления к системе ценностей и моральных норм общества) (Бондаренко, 2003).

Ряд авторов указывает на связь дезадаптации с профессиональной деформацией (Мартиросова, Ксенофонтов, 2021), со стажем службы³, эмоциональным (профессиональным) выгоранием (Никифоров, 2010, с. 201), высоким уровнем профессионального стресса (Кабанова, Дубинский, Московская, 2019) и гендерным критерием в процессе восприятия стресс-факторов (Московская, Булыгина, 2017), снижением субъективного качества жизни (Савченко, Головина, 2019), что, в свою очередь, негативно влияет на процесс профессионального становления молодого специалиста (Иванов, Коваленко, 2012) и субъектно-профессиональную трансформацию личности сотрудников ОВД, в том числе и руководителей подразделений (Поршук, 2019).

Исследования зарубежных авторов позволяют выделить несколько субтипов дезадаптации, относительно не зависящих друг от друга по характеру проявления и порождающим их психологическим механизмам (Pschyk, Kaminska, 2015).

Первым субтипом выступает эмоциональное выгорание. Общим психологическим механизмом его формирования является неспособность сотрудников преодолевать эмоциональное напряжение, накапливающееся на фоне беспристрастности во взаимодействии с гражданами. Таким образом, незнание либо неумение конструктивно выразить собственные эмоции наряду с необходимостью скрывать их от граждан и коллег формирует несколько проявлений эмоционального выгорания: либо эмоциональную холодность и отстраненность, названную феноменом «робота-полицейского» (Lennie et. al., 2020), либо тревожно-депрессивные переживания, сочетающиеся с пессимизмом, цинизмом, чувством вины и апатией (Queirós et. al., 2020).

Вторым субтипом дезадаптации выступают нарушения профессионального поведения, обусловленные

ценностно-смысловым отчуждением. Данный тип дезадаптации выражается в избыточном насилии по отношению к подозреваемым и обвиняемым, враждебности и подозрительности к гражданам, коллегам, членам семьи и родственникам (Brooks, 2020). Мнения исследователей относительно причин нарушений поведения различаются. Признавая их следствием профессиональной дезадаптации, одни исследователи видят причиной изъяны профессиональной подготовки (Arvate & Souza, 2022), другие связывают с эмоциональным выгоранием (Van Gelderen et. al., 2007), третьи видят личностные черты, потенциально препятствующие службе в полиции (Herzog, 2000). В соответствии с этой концепцией предлагаются и инструменты противодействия – от обучающих тренингов (Mehari et. al., 2021) до введения этических норм поведения (Crowder et. al., 2013) и формирования профессиональной культуры (Yalley & Olutayo, 2020) сотрудников полиции.

Таким образом, в настоящее время исследованию различных аспектов проблемы дезадаптации посвящены работы в различных направлениях психологической науки. Одними из наиболее актуальных являются исследования профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов, которая представляет собой нарушение взаимодействия сотрудника и профессиональной среды, способствующее снижению работоспособности и эффективности профессиональной деятельности, проявлению деструктивных изменений личности сотрудника (профессионально-деятельностный аспект), ухудшению здоровья, выраженному в проявлении психосоматических расстройств (физиологический аспект), и повышению конфликтности в коллективе (социально-психологический аспект).

Методология, методы и материалы исследования

С целью определения актуальных в настоящее время направлений в исследовании проблемы дезадаптации проведен контент-анализ диссертационных исследований. Были изучены диссертационные исследования за период с 2001 года по 2022 год.

Этапы исследования:

1 этап – за единицу исследования было принято понятие «Дезадаптация», единицу счета – «Специальности ВАК».

2 этап – исследование распределения диссертационных исследований по психологическим наукам по критерию «Год защиты и опубликования работы».

3 этап – исследование распределения диссертационных исследований по проблеме дезадаптации по критерию «Специальность» в рамках 19.00.00 – Психология.

³ Марьин, М. И., Буданов, А. В., Борисова, С. Е., Такасаева, К. Р., Петров, В. Е., Адаев, А. И. (2004). *Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел*: учебное пособие. Главное управление кадров МВД России.

4 этап – исследование распределения диссертационных исследований по психологическим наукам по критериям «Исследуемый вид дезадаптации», «Субъект дезадаптации».

Результаты исследования

Проведенный контент-анализ указывает на незначительное количество исследований по проблеме дезадаптации в период 2001–2022 гг. В табл. 1 отражено количество диссертационных исследований по проблеме дезадаптации и их распределение по научным специальностям ВАК.

Согласно данным таблицы, в период 2001–2022 гг. по проблеме дезадаптации защищено всего 99 диссертационных исследований. Однако отмечается специфика в изучении данной проблемы, которая хоть и указывает на междисциплинарный характер, но отражает важность данной проблемы исключительно для психологических наук (45,45 %), медицинских (27,27 %), педагогических (18,18 %), в меньшей степени – для биологических (7,07 %) и социологических (2,03%).

Однако если сравнить результаты контент-анализа по проблеме адаптации (Попинако, 2019), согласно которой в период 1998–2018 гг. было проведено более

2677 исследований по 18 специальностям ВАК, можно сделать вывод, что проблема дезадаптации является малоисследованной.

На следующем этапе исследования было изучено распределение диссертационных исследований по году защиты и опубликования работы (рис. 1).

Наибольший интерес у исследователей данная проблема вызывала в период 2002–2010 гг., психологические аспекты дезадаптации наиболее активно рассматривались в 2003 и 2005 годах. С 2009 года по настоящее время отмечается тенденция к снижению исследовательского интереса к проблеме дезадаптации как в целом, так и в рамках специальности 19.00.00. С 2015 по 2022 год защищены две диссертации по психологическим специальностям.

Далее было проведено исследование распределения диссертаций по исследуемой проблеме по специальностям в рамках 19.00.00 – Психология (табл. 2).

Наибольший интерес к проблеме дезадаптации отмечается в исследованиях по специальности 19.00.04 – Медицинская психология (24,4 %), Педагогическая психология (20 %), 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (15,6 %) и 19.00.10 – Коррекционная психология (15,6 %), что указывает

Таблица 1. Исследования по проблеме дезадаптации по научным специальностям за период с 2001 по 2022 гг.

Table 1. Papers on maladjustment distributed by the branches of science from 2001 to 2022

№ п\п	Код специальности	Научная специальность	Кол-во	Частота встречаемости
1	01.00.00	Физика и математика	0	0 %
2	02.00.00	Химия	0	0 %
3	03.00.00	Биология	7	7,07 %
4	05.00.00	Техника	0	0 %
5	06.00.00	Сельское хозяйство	0	0 %
6	07.00.00	История и археология	0	0 %
7	08.00.00	Экономика	0	0 %
8	09.00.00	Философия	0	0 %
9	10.00.00	Филология	0	0 %
10	12.00.00.	Юриспруденция	0	0 %
11	13.00.00.	Педагогика	18	18,18 %
12	14.00.00.	Медицина	27	27,27 %
13	17.00.00	Искусствоведение	0	0 %
14	19.00.00	Психология	45	45,45 %
15	22.00.00	Социология	2	2,03 %
16	23.00.00	Политология	0	0 %
17	24.00.00	Культурология	0	0 %
18	25.00.00	Науки о Земле	0	0 %
19	26.00.00	Теология	0	0 %
Итого			99	100 %

Рис. 1. Распределение диссертационных исследований по году защиты

Fig 1. Thesis papers distribution by the date of defense

Таблица 2. Распределение диссертационных исследований по проблеме дезадаптации по психологическим специальностям (19.00.00 – Психология)

Table 2. Thesis papers on maladjustment distributed by the branches of psychology

№ п/п	Код специальности	Название специальности	Кол-во	Частота встречаемости
1	19.00.01	Общая психология, психология личности, история психологии	7	15,6 %
2	19.00.02	Психофизиология	1	2,2 %
3	19.00.03	Психология труда, инженерная психология, эргономика	1	2,2 %
4	19.00.04	Медицинская психология	11	24,4 %
5	19.00.05	Социальная психология	4	8,9 %
6	19.00.06	Юридическая психология	0	0 %
7	19.00.07	Педагогическая психология	9	20 %
8	19.00.10	Коррекционная психология	7	15,6 %
9	19.00.12	Политическая психология	0	0 %
10	19.00.13	Психология развития, акмеология	4	8,9 %
11	19.00.14	Психология труда в особых условиях	1	2,2 %
Итого			45	100 %

на актуальность данной проблемы в образовательной и медицинской сферах.

В рамках специальностей 19.00.03 – Психология труда и 19.00.06 – Юридическая психология исследования по данной проблеме отсутствуют, что вызыва-

ет некоторую озабоченность, так как факторы профессиональной среды, экстремальность деятельности субъектов труда способствует не только психической, но и социально-психологической дезадаптации, что существенно снижает эффективность профессиональ-

ной деятельности сотрудника и требует проведения профилактических мероприятий.

На следующем этапе было рассмотрено распределение в психологических исследованиях видов дезадаптации (табл. 3).

Согласно полученным результатам, наибольший научный интерес представляет школьная дезадапта-

ция, что во многом согласуется с данными, полученными при исследовании распределения диссертационных исследований по психологическим специальностям (табл. 2). Психологическая (17,8 %), социально-психологическая (11,1 %) эмоциональная (8,9 %), и психическая (8,9 %) дезадаптации также привлекли внимание исследователей. Профессиональная дезадаптация со-

Таблица 3. Виды дезадаптации, рассмотренные в диссертационных исследованиях по психологическим специальностям (19.00.00 – Психология)

Table 3. Types of maladjustment explored in the psychology thesis papers

№ п/п	Виды дезадаптации	Кол-во	Частота встречаемости
1	Школьная дезадаптация	15	33,3 %
2	Психологическая дезадаптация	8	17,8 %
3	Социально-психологическая дезадаптация	5	11,1 %
4	Эмоциональная дезадаптация	4	8,9 %
5	Психическая (нервно-психическая, психосоматическая) дезадаптация	4	8,9 %
6	Коммуникативная дезадаптация	3	6,6 %
7	Личностная дезадаптация	3	6,6 %
8	Профессиональная дезадаптация	2	4,4 %
9	Аффективная дезадаптация	1	2,2 %
10	Когнитивная дезадаптация	1	2,2 %
Итого		45	100 %

Таблица 4. Субъекты дезадаптации, рассматриваемые в диссертационных исследованиях

Table 4. Maladjusted personalities described in the thesis papers

№ п/п	Субъекты дезадаптации	Количество	Частота встречаемости
1	Обучающиеся	14	31,1 %
2	Подростки (несовершеннолетние)	11	24,4 %
3	Студенты	4	8,9 %
4	Дети	4	8,9 %
5	Специалисты экстремального профиля (сотрудники ОВД, военнослужащие)	4	8,9 %
6	Молодежь	2	4,4 %
7	Население Европейского Севера	1	2,2 %
8	Медицинские работники	1	2,2 %
9	Учителя	1	2,2 %
10	Безработные	1	2,2 %
11	Беременные женщины	1	2,2 %
12	Люди, пережившие насилие в детстве	1	2,2 %
Итого		45	100 %

ставляет всего 4,4 % от общего количества работ, что указывает на ее актуальность (всего 4 процента).

На следующем этапе был проведен анализ субъектов дезадаптации. Результаты исследования представлены в табл. 4.

Как видно из представленной таблицы, чаще всего субъектами психологических исследований различных видов дезадаптации становятся обучающиеся (31,1 %) и подростки (несовершеннолетние) (24,4 %), что указывает на разработанность данной проблемы в образовательной сфере. Значительно реже субъектами выступают представители других профессиональных групп: специалисты экстремального профиля (8,9 %), медицинские работники (8,9 %), учителя (8,9 %), однако эти профессии предъявляют высокие требования к личности специалиста.

Обсуждение результатов исследования

На основании результатов, полученных в результате контент-анализа, можно заключить, что проблема дезадаптации рассматривается исключительно в гуманитарных науках: психологии, педагогике и медицине. При этом психологические исследования чаще всего проводятся в медицинской и педагогической психологии.

Часто дезадаптация связана с различными расстройствами психики, однако не всегда имеется прямая зависимость между отклоняющимся поведением и патологической дезадаптацией. Факторами, характерными для психической дезадаптации, являются аффективная ригидность и психоэмоциональное напряжение, депривационные состояния, характеризующиеся психосоматическими, конативными и аффективными явлениями, низкий эмоционально-волевой контроль, невротизация с зависимыми формами поведения в межличностных отношениях, проявление различных аддиктивных форм поведения: алкоголизма, наркомании. Так, в эмпирическом исследовании отмечается наличие прямой взаимосвязи между уровнем психических дисфункций и риском развития дезадаптации у школьников, однако частота встречаемости нарушений регуляторных функций, эмоциональной сферы значительно выше по сравнению с остальными видами нарушений (Хохлов, Словенко, 2020). Особое внимание уделяется негативному влиянию депрессивного состояния на повышение уровня школьной дезадаптации (Баландина, Божкова, Дворянинова, 2019) и отсутствие коммуникации со сверстниками (Minkkinen, 2014).

Подчеркнем, что разработка проблемы дезадаптации у сотрудников силовых структур осуществляется в рамках специальности 19.00.04 – Медицинская психология, где в качестве предикторов дезадаптации выступают паттерны потребления спиртных напитков, нервно-психические нарушения, проявление психосоматических симптомов, изменение в эмоциональной

сфере личности, неадаптивные копинг-стратегии, потеря смысло-жизненной мотивации, аддиктивные проявления. Так, М. Е. Ковалева и В. Г. Булыгина, исследуя психофизиологические предикторы психической адаптивности военнослужащих, выявили характерные для психической дезадаптации факторы: снижение уровня саморегуляции, изменение вегетативного баланса, высокий уровень ситуативной тревоги (Ковалева, Булыгина, 2017). Диссертационные исследования в области юридической психологии по данной проблеме отсутствуют. Однако современные эмпирические исследования затрагивают деятельность сотрудников следственных органов. Согласно исследованию, проведенному на выборке сотрудников следственных органов, в группу риска по развитию дезадаптации необходимо включать сотрудников со стажем от 1 до 5 лет, что связано с высокой психологической нагрузкой и уровнем организационного стресса, а также отсутствием эффективных стратегий совладающего поведения (Кабанова и др., 2019).

Не менее актуальными являются исследования, рассматривающие дезадаптацию как фактор суицидального поведения личности. Так, среди факторов дезадаптации, способствующих суицидальному поведению подростков, выделяются высокий уровень эмоционального напряжения, низкие интеллектуальные способности, эгоцентричность, амбивалентность в межличностном взаимодействии, что подтверждается исследованием А. Г. Амбрумовой, которая расценивает суицидальное поведение как следствие дезадаптации личности в условиях микросоциального конфликта (Амбрумова, 1996).

Не менее актуальным является исследование проблемы дезадаптации в педагогической психологии, что подтверждается данными в распределении по видам и субъекту дезадаптации. Актуальность исследования продиктована необходимостью адаптироваться к изменяющимся условиям социума, начиная с детского сада до поступления в вузы. Трудности, возникающие в процессе адаптации, связанные с процессом вхождения в новую организационную среду, с необходимостью коммуникации со сверстниками в школьной (вузовской) среде, изменение социальной роли, повышение уровня ответственности могут привести к проявлению признаков дезадаптации, появлению агрессивности в общении, снижению обучаемости, конфликтам на различных уровнях взаимодействия в обществе, нарушению правил и норм, принятых в социуме, и проявлению различных форм девиантного поведения. Необходимо отметить, что с точки зрения педагогического подхода к проблеме дезадаптации понятия «девиантное поведение» и «дезадаптация» рассматриваются как синонимы и включают в себя социальные проявления, выраженные в таких формах, как прогулы, нарушения норм общества, бродяжничество, алкоголизм и многое другое.

В диссертационных исследованиях рассмотрены различные факторы, оказывающие влияние на развитие дезадаптации, которые можно условно разделить на социальные: ожидание негативного отношения со стороны взрослых, нарушение взаимоотношения со сверстниками, дисфункция событийной и предметно-содержательной форм детско-родительских отношений; и личностные: ограниченность интересов в жизни и снижение мотивации и уровня нейротизма, самооценки, когнитивных способностей, повышение уровня тревожности, агрессивности, напряженности, эмоциональной неуравновешенности, импульсивности. Аналогичные данные получены Н. В. Литвиненко. Как отмечает автор, для дезадаптированных школьников характерны повышение тревожности, низкий уровень умственного развития, наличие негативного отношения к педагогам и сверстникам (Литвиненко, 2019).

Е. В. Змановская, исследуя проблему девиантного поведения, рассматривает социальную дезадаптацию как последствие нарушения социальных норм и нанесение ущерба как обществу, так и самому человеку. Автор выделяет социальные и индивидуальные проявления дезадаптации личности, отмечает наличие тесной связи девиантного поведения с социальной дезадаптацией на индивидуальном уровне⁴.

При анализе факторов социальной дезадаптации в диссертационных исследованиях были выделены следующие факторы дезадаптации: низкая осмысленность жизненной ориентации, социальная неопределенность и неуверенность в социальных контактах, отсутствие потребности в общении, избыточная экстернальность, слабая заинтересованность в будущей профессии, равнодушие к учебе. А. Р. Ратинов рассматривает чересчур высокий уровень самооценки как фактор социальной дезадаптации, что при условии конфликтной ситуации способствует делинквентному поведению (Ратинов, 1983).

Профессиональная дезадаптация в диссертационных исследованиях представлена только анализом факторов дезадаптации учителей, и значимыми являются утрата смысла выполнения профессиональной деятельности, а также нарушение саморегуляции и снижение показателей социально-психологической адаптации: эмоционального комфорта, принятия себя и окружающих.

Выводы

Проведенный контент-анализ диссертационных исследований за период 2001–2022 гг. показал, что проблема дезадаптации является междисциплинарной и характеризуется гуманитарной направленностью. Выявлена разработанность проблемы дезадаптации в педагогической психологии, субъектами которой являются обучающиеся, дети, подростки, так как именно в период возрастных кризисов чаще всего наблюдаются отклонения в поведенческих реакциях, что способствует развитию дезадаптации, нарушению самоактуализации личности и выработке неадекватных паттернов поведения.

Актуальность и разработанность проблемы дезадаптации в медицинской психологии обусловлена взаимосвязью между психическим состоянием человека, часто патологическим, и развитием аддиктивного поведения, а также необходимостью разработки профилактических программ.

Диссертации по проблеме дезадаптации в юридической психологии отсутствуют, однако в медицинской психологии сотрудники силовых структур исследуются в качестве субъектов психической дезадаптации.

Низкий процент исследований по профессиональной дезадаптации указывает на актуальность данной проблемы. Необходимо отметить наличие исследований некоторых аспектов профессиональной дезадаптации сотрудников органов внутренних дел в рамках проблематики стресса и профессиональной адаптации.

Список литературы

- Александровский, Ю. А. (1976). *Состояние психической дезадаптации и их компенсация: Пограничные нервно-псих. расстройства*. Москва: Наука.
- Алмазов, Б. Н. (2020). *Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних*: монография. Москва: Юрайт.
- Амбрумова, А. Г. (1996). Психология самоубийства. *Социальная и клиническая психиатрия*, 4, 14–20.
- Баландина, О. В., Божкова, Е. Д., Дворянинова, В. В. (2019). Коррекция школьной дезадаптации на основе междисциплинарного подхода. *Медицинский альманах*, 2(59), 24–29. <https://doi.org/10.21145/2499-9954-2019-2-24-29>
- Бондаренко, С. В. (2003). *Проблема дезадаптации личности*: материалы XXXII научно-технической конференции по результатам работы профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов СевКавГТУ за 2002 год. Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет.
- Выготский, Л. С. (2000). *Психология*. Москва: Эксмо-Пресс.
- Ганнушкин, П. Б. (1964). *Избранные труды*. Москва: Медицина.
- Иванов, Г. П., Коваленко, Е. Ф. (2012). Личностные факторы, влияющие на процесс становления профессионала

⁴ Змановская, Е. В. (2003). *Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения)*: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Издательский центр «Академия».

- в период получения высшего профессионального образования. *Прикладная юридическая психология*, 2, 135-142.
- Кабанова, Т. Н., Дубинский, А. А., Московская М. С. (2019). Стаж профессиональной деятельности как фактор, детерминирующий различия в восприятии стресса у сотрудников следственных органов. *Прикладная юридическая психология*, 1(46), 59-68. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.1\(46\).059-068](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.1(46).059-068)
- Ковалева, М. Е., Булыгина, В. Г. (2017). Психофизиологические предикторы психической адаптивности у специалистов опасных профессий (на примере военнослужащих). *Психология и право*, 7(4), 137-150. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070411>
- Корехова, М. В., Соловьев, А. Г., Новикова, А. И. (2014). *Психическая дезадаптация специалистов в экстремальных условиях деятельности*: монография. Архангельск: Издательство Северного государственного медицинского университета.
- Литвиненко, Н. В. (2019). Психологические особенности дезадаптированных к образовательной среде детей и подростков. *Мир науки. Педагогика и психология*, 5(7), 56-63.
- Мартиросова, Н. В., Ксенофонов, А. М. (2021). Опыт организации психологической работы по профилактике дезадаптивных состояний сотрудников органов внутренних дел. В Р.Е. Булат (ред.), *Психолого-педагогические аспекты подготовки кадров к профессиональной деятельности в экстремальных условиях*: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (стр. 158-163). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.
- Московская, М. С., Булыгина, В. Г. (2017). Влияние гендерных различий на особенности восприятия стресса у сотрудников полиции (обзор зарубежных исследований). *Прикладная юридическая психология*, 3, 76-82.
- Налчаджян, А. А. (2010). *Психологическая адаптация: механизмы и стратегии* (2-е изд., перераб. и доп.). Москва: ЭКСМО.
- Никифоров, Г. С. (2010). *Психологическое обеспечение профессиональной деятельности: теория и практика*: монография. Санкт-Петербург: Речь.
- Осницкий, А. В. (2003). *Проблемы психического здоровья и адаптации личности*. Санкт-Петербург: Серебряный век.
- Петровский, В. А. (1992). *Психология неадаптивной активности*. Москва: ТОО «Горбунок».
- Попинако, Е. А. (2019). Проблема профессиональной адаптации в современных научных исследованиях: контент-анализ. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*, 3(48), 240-247.
- Поршуков, А. С. (2019). Теоретико-методологические аспекты исследований субъектной трансформации сотрудников органов правоохранительной деятельности. *Прикладная юридическая психология*, 4(49), 135-140. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.4\(49\).135-140](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.4(49).135-140)
- Рапинов, А. Р. (1983). Методологические вопросы юридической психологии. *Психологический журнал*, 4(4), 107-118.
- Реан, А. А., Коломинский, Я. Л. (2000). *Социальная педагогическая психология*. Санкт-Петербург: Питер.
- Реан, А. А., Кудашев, А. Р., Баранов, А. А. (2006). *Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика*. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК.
- Савченко, Т. Н., Головина, Г. М. (2019). Взаимосвязь идентичности личности субъективного качества жизни и удовлетворенности ею. *Прикладная юридическая психология*, 4(49), 99-111. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.4\(49\).099-111](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.4(49).099-111)
- Хохлов, Н. А., Словенко, Е. Д. (2020). Нейропсихологические предикторы школьной неуспеваемости. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3(3), 291–313. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.13>
- Arvate, P., & Souza, A. P. (2022). Armed police and violence: Evidence from a quasi-natural experiment in Brazil. *Economic Modelling*, 111, 105825. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2022.105825>
- Brooks, O. (2020). Police Brutality and Blacks: An American Immune System Disorder. *Journal of the National Medical Association*, 112(3), 239–241. <https://doi.org/10.1016/j.jnma.2020.06.003>
- Crowder, S., Savino, J. O., & Turvey, B. E. (2013). Chapter 6 - Ethical Issues for Police Officers and Criminal Investigators. *Ethical Justice*, 147–194. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-404597-2.00006-1>
- Ficher, G.-N. (1991). *Les domaines de la Psychologie sociale. 2. Les process du social*. Paris: DUNOD.
- Herzog, S. (2000). Is there a distinct profile of police officers accused of violence? The Israeli case. *Journal of Criminal Justice*, 28(6), 457–471. [https://doi.org/10.1016/s0047-2352\(00\)00062-3](https://doi.org/10.1016/s0047-2352(00)00062-3)
- Lennie, S.-J., Crozier Sarah, E., & Sutton, A. (2020). Robocop - The depersonalisation of police officers and their emotions: A diary study of emotional labor and burnout in front line British police officers. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 61, 100365. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2019.100365>

- Mehari, K. R., Rodgers, C. R. R., Blanton, M. A., & Turner, L. A. (2021). Evaluation of a police training on de-escalation with trauma-exposed youth. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 66, 100491. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2021.100491>
- Minkinen, J. (2014). Associations between school-related factors and depressive symptoms among children: A comparative study, Finland and Norway. *School Psychology International*, 35(5), 463-474.
- Pschyk, N., Kaminska, A. (2015). Some Individual Psychological Predictors of Professional Disadaptation Forming in Surgeons and Physicians. *European Psychiatry*, 30(1), 1783. [https://doi.org/10.1016/s0924-9338\(15\)31375-4](https://doi.org/10.1016/s0924-9338(15)31375-4)
- Queirós, C., Passos, F., Bártolo, A., Marques, A. J., da Silva, C. F., & Pereira, A. (2020). Burnout and Stress Measurement in Police Officers: Literature Review and a Study with the Operational Police Stress Questionnaire. *Frontiers in Psychology*, 11, 587. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00587>
- Van Gelderen, B., Heuven, E., van Veldhoven, M., Zeelenberg, M., & Croon, M. (2007). Psychological strain and emotional labor among police-officers: A diary study. *Journal of Vocational Behavior*, 71(3), 446-459. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2007.09.001>
- Yalley, A. A., & Olutayo, M. S. (2020). Gender, masculinity and policing: An analysis of the implications of police masculinised culture on policing domestic violence in southern Ghana and Lagos, Nigeria. *Social Sciences & Humanities Open*, 2(1), 100077. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100077>

References

- Aleksandrovskij, Yu. A. (1976). *Sostoyanie psicheskoy dezadaptacii i ih kompensaciya: Pogranichnye nervno-psih. rasstrojstva*. Moscow: Nauka.
- Almazov, B. N. (2020). *Psichicheskaya sredovaya dezadaptaciya nesovershennoletnih: monografiya*. Moscow: Yurajt.
- Ambrumova, A. G. (1996). Psihologiya samoubijstva. *Social'naya i klinicheskaya psichiatriya*, 4, 14-20.
- Balandina, O. V., Bozhkova, E. D., Dvoryaninova, V. V. (2019). Korrekciya shkol'noj dezadaptacii na osnove mezhdisciplinarnogo podhoda. *Medicinskij al'manah*, 2(59), 24-29. <https://doi.org/10.21145/2499-9954-2019-2-24-29>
- Bondarenko, S. V. (2003). *Problema dezadaptacii lichnosti: materialy XXXII nauchno-tehnicheskoy konferencii po rezul'tatam raboty professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov SevKavGTU za 2002 god*. Stavropol': Severo-Kavkazskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet.
- Vygotskij, L. S. (2000). *Psihologiya*. Moscow: Eksmo-Press.
- Gannushkin, P. B. (1964). *Izbrannye trudy*. Moscow: Medicina.
- Ivanov, G. P., Kovalenko, E. F. (2012). Lichnostnye faktory, vliyayushchie na process stanovleniya professionala v period polucheniya vysshego professional'nogo obrazovaniya. *Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya*, 2, 135-142.
- Kabanova, T. N., Dubinskij, A. A., Moskovskaya M. S. (2019). Stazh professional'noj deyatel'nosti kak faktor, determiniruyushchij razlichiya v vospriyatii stressa u sotrudnikov sledstvennyh organov. *Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya*, 1(46), 59-68. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.1\(46\).059-068](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.1(46).059-068)
- Kovaleva, M. E., Bulygina, V. G. (2017). Psihofiziologicheskie prediktory psicheskoy adaptivnosti u specialistov opasnyh professij (na primere voennosluzhashchih). *Psihologiya i pravo*, 7(4), 137-150. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070411>
- Korekhova, M. V., Solov'ev, A. G., Novikova, A. I. (2014). *Psichicheskaya dezadaptaciya specialistov v ekstremal'nyh usloviyah deyatel'nosti: monografiya*. Arhangel'sk: Izdatel'stvo Severnogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta.
- Litvinenko, N. V. (2019). Psihologicheskie osobennosti dezadaptirovannyh k obrazovatel'noj srede detej i podrostkov. *Mir nauki. Pedagogika i psichologiya*, 5(7), 56-63.
- Martirosova, N. V., Ksenofontov, A. M. (2021). Opyt organizacii psichologicheskoy raboty po profilaktike dezadaptivnyh sostoyanij sotrudnikov organov vnutrennih del. V R.E. Bulat (red.), *Psihologo-pedagogicheskie aspekty podgotovki kadrov k professional'noj deyatel'nosti v ekstremal'nyh usloviyah: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (str. 158-163). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby Ministerstva Rossijskoj Federacii po delam grazhdanskoj oborony, chrezvychajnym situacijam i likvidacii posledstvij stihijnyh bedstvij.
- Moskovskaya, M. S., Bulygina, V. G. (2017). Vliyanie gendernyh razlichij na osobennosti vospriyatija stressa u sotrudnikov policii (obzor zarubezhnyh issledovanij). *Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya*, 3, 76-82.
- Nalchadzhyan, A. A. (2010). *Psichologicheskaya adaptaciya: mekhanizmy i strategii* (2-e izd., pererab. i dop.). Moscow: EKSMO.
- Nikiforov, G. S. (2010). *Psichologicheskoe obespechenie professional'noj deyatel'nosti: teoriya i praktika: monografiya*. Saint Petersburg: Rech'.
- Osnickij, A. V. (2003). *Problemy psicheskogo zdorov'ya i adaptacii lichnosti*. Saint Petersburg: Serebryanij vek.
- Petrovskij, V. A. (1992). *Psihologiya neadaptivnoj aktivnosti*. Moscow: TOO «Gorbunok».

- Popinako, E. A. (2019). Problema profesional'noj adaptacii v sovremennyh nauchnyh issledovaniyah: kontent-analiz. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya*, 3(48), 240-247.
- Porshukov, A. S. (2019). Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniy sub'ektnoj transformacii sotrudnikov organov pravoohranitel'noj deyatel'nosti. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4(49), 135-140. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.4\(49\).135-140](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.4(49).135-140)
- Ratinov, A. R. (1983). Metodologicheskie voprosy yuridicheskoy psihologii. *Psihologicheskij zhurnal*, 4(4), 107-118.
- Rean, A. A., Kolominskij, Ya. L. (2000). *Social'naya pedagogicheskaya psihologiya*. Saint Petersburg: Piter.
- Rean, A. A., Kudashev, A. R., Baranov, A. A. (2006). *Psihologiya adaptacii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika*. Saint Petersburg: Prajm-EVROZNAK.
- Savchenko, T. N., Golovina, G. M. (2019). Vzaimosvyaz' identichnosti lichnosti sub'ektivnogo kachestva zhizni i udovletvorennosti eyu. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4(49), 99-111. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.4\(49\).099-111](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.4(49).099-111)
- Hohlov, N. A., Slovenko, E. D. (2020). Nejropsihologicheskie prediktory shkol'noj neuspevaemosti. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*, 3(3), 291–313. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.13>
- Arvate, P., & Souza, A. P. (2022). Armed police and violence: Evidence from a quasi-natural experiment in Brazil. *Economic Modelling*, 111, 105825. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2022.105825>
- Brooks, O. (2020). Police Brutality and Blacks: An American Immune System Disorder. *Journal of the National Medical Association*, 112(3), 239–241. <https://doi.org/10.1016/j.jnma.2020.06.003>
- Crowder, S., Savino, J. O., & Turvey, B. E. (2013). Chapter 6 - Ethical Issues for Police Officers and Criminal Investigators. *Ethical Justice*, 147–194. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-404597-2.00006-1>
- Ficher, G.-N. (1991). *Les domaines de la Psychologie sociale. 2. Les process du social*. Paris: DUNOD.
- Herzog, S. (2000). Is there a distinct profile of police officers accused of violence? The Israeli case. *Journal of Criminal Justice*, 28(6), 457–471. [https://doi.org/10.1016/s0047-2352\(00\)00062-3](https://doi.org/10.1016/s0047-2352(00)00062-3)
- Lennie, S.-J., Crozier Sarah, E., & Sutton, A. (2020). Robocop - The depersonalisation of police officers and their emotions: A diary study of emotional labor and burnout in front line British police officers. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 61, 100365. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2019.100365>
- Mehari, K. R., Rodgers, C. R. R., Blanton, M. A., & Turner, L. A. (2021). Evaluation of a police training on de-escalation with trauma-exposed youth. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 66, 100491. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2021.100491>
- Minkkinen, J. (2014). Associations between school-related factors and depressive symptoms among children: A comparative study, Finland and Norway. *School Psychology International*, 35(5), 463-474.
- Pschyk, N., Kaminska, A. (2015). Some Individual Psychological Predictors of Professional Disadaptation Forming in Surgeons and Physicians. *European Psychiatry*, 30(1), 1783. [https://doi.org/10.1016/s0924-9338\(15\)31375-4](https://doi.org/10.1016/s0924-9338(15)31375-4)
- Queirós, C., Passos, F., Bártolo, A., Marques, A. J., da Silva, C. F., & Pereira, A. (2020). Burnout and Stress Measurement in Police Officers: Literature Review and a Study with the Operational Police Stress Questionnaire. *Frontiers in Psychology*, 11, 587. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00587>
- Van Gelderen, B., Heuven, E., van Veldhoven, M., Zeelenberg, M., & Croon, M. (2007). Psychological strain and emotional labor among police-officers: A diary study. *Journal of Vocational Behavior*, 71(3), 446–459. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2007.09.001>
- Yalley, A. A., & Olutayo, M. S. (2020). Gender, masculinity and policing: An analysis of the implications of police masculinised culture on policing domestic violence in southern Ghana and Lagos, Nigeria. *Social Sciences & Humanities Open*, 2(1), 100077. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100077>

Информация об авторе:

Екатерина Алексеевна Попинако – преподаватель, кафедра юридической психологии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 28.04.2022

Одобрена после рецензирования 15.06.2022

Опубликована 29.07.2022

About the author:

Ekaterina A. Popinako – Lecturer, Department of Legal Psychology.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted April 28, 2022

Approved after reviewing June 15, 2022

Accepted July, 29 2022

Оригинальная статья

УДК 159.9.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-151-163

Интегративный подход, 4-факторный опросник самодеструкции личности и его психометрические характеристики

Сообщение 1. Локализация и интеграция самодеструкции

Леонид Яковлевич Дорфман

Пермский государственный институт культуры,
Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
(Пермь, Россия)
dorfman07@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4396-6652

Евгений Александрович Курочкин

Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
(Пермь, Россия)

ORCID: 0000-0001-8268-1177

Аннотация

Обозначены теоретико-эмпирические предпосылки и разрабатывается интегративная модель самодеструкции личности. Существующие взгляды на самодеструкцию являются локальными и разобщенными. Они не рассматривают самодеструкцию в совокупности множества ее факторов и источников. Новый шаг в исследованиях самодеструкции состоит в том, чтобы изучать ее в плане интеграции в дополнение к локальным подходам. Намечаются два пути интеграции самодеструкции: индуктивный и дедуктивный. При индуктивном подходе выделяется некоторое множество факторов самодеструкции (их локализация) и ставится вопрос о том, есть ли у них общая основа. При дедуктивном подходе, наоборот, в первую очередь постулируется некое общее понятие, из которого затем выводится множество локальных факторов самодеструкции. В рамках интегративного подхода эти направления исследований самодеструкции рассматриваются как дополнительные. Они положены в основу интегративной модели самодеструкции и развиваются с позиций концептуальной модели полимодального Я. В ее свете речь идет о деформациях полимодального Я, и самодеструкция предстает антиподом полимодального Я. В самодеструкции здоровой личности выделяются четыре домена: недовольство собой, властность, нетерпимость, обособление. Данная модель конкретизирует представления о гетерогенности самодеструкции в терминах ее доменного строения, в значительной степени преодолевает разрозненные представления о ней и обобщает их.

Ключевые слова

самодеструкция, локализация, интеграция, полимодальное Я, деформации, домены самодеструкции

Для цитирования: Дорфман, Л. Я., Курочкин, Е. А. (2022). Интегративный подход, 4-факторный Опросник самодеструкции личности и его психометрические характеристики. Сообщение 1. Локализация и интеграция самодеструкции. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 151–163. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-151-163.

Original paper

Leonid Ya. Dorfman

Perm State Institute of Culture,
Perm military Institute
of National Guard Troops
(Perm', Russia)
dorfman07@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4396-6652

Evgenij A. Kurochkin

Perm military Institute
of National Guard Troops
(Perm', Russia)

ORCID: 0000-0001-8268-1177

An integrative approach, 4-factor self-destructive behavior questionnaire, and its psychometric features Report 1. Localization and integration of the self-destruction

Abstract

The author explores a theoretic background and develops an integrative model of self-destruction of personality. The existing views on self-destruction are local and isolated. The self-destruction has not been researched in the whole commonality of its many factors and sources. A new step in self-destruction research is to study it in terms of integration. The following research turns to the two ways on integration: inductive and deductive. In inductive approach, the author chooses a certain set of self-destruction factors (their localization) and raises a question whether they have a common basis. In the deductive approach, on the contrary, the author offers a certain general concept that leads to a set of local factors of self-destruction. Within the framework of the integrative approach, these areas of self-destruction research are considered to be complementary. They form the basis of an integrative model of self-destruction and develop from the standpoint of the conceptual model of the plural Self. Concerning the deformations of the plural Self, the self-destruction appears as its antipode. There are four domains in the self-destruction of a healthy personality: dissatisfaction with oneself, need to dominate, intolerance, detachment. This model concretizes the heterogeneous picture of self-destruction in terms of its domain structure, largely overcomes the isolated notions and generalizes them.

Keywords

self-destruction, locality, integration, plural self, deformation, domains of self-destruction

For citation: Dorfman, L. Ya., Kurochkin, E. A. (2022). An integrative approach, 4-factor Self-destructive behavior Questionnaire, and its psychometric features. Report 1. Localization and integration of the self-destruction. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(2), 151–163. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-151-163.

Введение

Под самодеструкцией (самодеструктивностью) личности условимся понимать склонности к мыслям и действиям, которые наносят ей вред. Они осознанно или бессознательно направлены на себя и в той или иной степени приводят к саморазрушению.

Самодеструкция пересекается с рядом смежных понятий. К примеру, самодеструктивность трактуется

как разновидность патохарактерологического, психопатологического и аддиктивного типов девиантного поведения. Поступки человека направлены не на развитие и личностный рост и не на гармоничное взаимодействие с реальностью, а на деструкцию личности. Самодеструкция проявляется в виде суицидального поведения, наркотизации и алкоголизации и некоторых других разновидностей девиаций. Мотивами к са-

моразрушающему поведению становятся аддикции, патологические изменения характера, а также психопатологические симптомы и синдромы (Менделевич, 2005). Агрессия, жестокость, насилие, а также травма, посттравматический стресс, фрустрация, депрессия – понятия, с которыми самодеструктивность в каких-то аспектах пересекается. В этот ряд вписываются также месть, ненависть, зависть, ревность. В связи с этим в отношении самодеструкции порой возникает впечатление понятийной неразберихи.

В отечественной психологии эмпирические исследования деструкции набирают силу, но недостаточно освещают, в частности, вопросы ее теории и инструментов измерения¹ (Антонова и др., 2014, с. 213-252; Дорфман, Злоказов, 2016а, 2016б, 2017а, 2017б; Зейгарник и др., 1989; Злоказов, 2012; Калинин и др., 2014; Короленко, Донских, 1990; Митина, 2004; Реан, 2015; Суслонов, Злоказов, 2013; Сыманюк, 2005).

Одним из первых идею деструкции в духе психоанализа разработывал З. Фрейд (Freud, 1933/1965). Он выделял несколько значений деструкции. (1) Агрессия, следующая за фрустрацией: человек разрушает объекты, которые служат источником его негативных чувств. (2) Защитная агрессия: призвана отдалить деструктивную опасность извне. К деструктивности относят также (3) садизм: деструкцию объекта, приводящую к сексуальному удовольствию; (4) нарцисстическую деструктивность как результат инстинкта влечения к смерти; (5) мазохизм: склонность получать удовольствие, испытывая унижения, насилие или мучения.

Пионером в постановке проблемы самопоражения и самодеструкции в современных зарубежных исследованиях можно считать Baumeister (Baumeister, 1990, 1997; Baumeister & Scher, 1988). Отправной точкой анализа у него служит представление о рациональном поведении личности. Стремление к самосохранению и поддержке собственных интересов является рациональным. Самодеструкция, напротив, служит ярким примером иррациональности. Понимание человеческой деструктивности проливает некоторый свет на пределы человеческой рациональности. Как отмечают Callan, Kay and Dawtry (Callan et al., 2014), саморазрушающие мысли и соответствующее поведение кажутся весьма странными в свете распространенного взгляда, что люди фундаментально ориентированы на максимизацию удовольствия и минимизацию боли. Насколько возможно, они воспринимают себя позитивно. Почему же в ряде случаев люди обесценивают и наказывают себя? Так возникает тема самодеструкции. Речь идет о неудачах, уроне, ущербе, вреде, страданиях, причиняемых личностью самой себе. Нежелательные, бесполезные, тщетные для личности действия с неожиданными

(негативными) последствиями также рассматриваются как саморазрушающие.

В настоящей работе ставится, во-первых, проблема интегративных представлений о самодеструкции в оппозиции к локальным (одномерным) представлениям о самодеструкции. Во-вторых, разрабатывается опросник самодеструкции личности и приводятся его психометрические характеристики.

Локальные и интегративные подходы к самодеструкции

Локальные конструкты и инструменты измерения самодеструкции

Условно концепции самодеструкции по большей части можно обозначить как локальные. Они носят частный характер, разрознены и разобщены, обращаются к отдельным явлениям, факторам и источникам, которые вызывают самодеструкцию. Ее источники рассматриваются односторонне – в том смысле, что они не учитывают множественность факторов, обуславливающих самодеструкцию, в совокупности. Полагается, что поскольку у самодеструкции некоторое множество источников, она является разнородной, а это может означать гетерогенность происхождения самодеструкции.

Скажем, выделяются три направления и соответственно три области исследований деструкции. Первая область – самодеструкции как таковые, вторая область – социально обусловленные самодеструкции, третья область – ментальные самодеструкции (Дорфман, Злоказов, 2016а). Хотя эти области так или иначе пересекаются, все же они прежде всего обособляются и расходятся. Когда в качестве факторов самодеструкции выделяют самоуважение, угрозу самолюбию, заслуженное самонаказание, выпадение из социальных связей (Дорфман, Злоказов, 2016б; Baumeister, 1997), опять-таки преобладает дифференциация факторов самодеструкции. Это приводит к тому, что инструменты ее измерения тоже оказываются односторонними.

Так, с позиций Диагностического и статистического руководства расстройств психики, изданного Американской психиатрической ассоциацией (прежде всего, DSM-III-R) в 1987 г., враждебное отношение человека к себе рассматривается как личностное расстройство. Хотя данная традиция в той или иной степени продолжается, эти же вопросники применяются для изучения деструктивности психически здоровых людей (Baumeister, 1997; Baumeister & Scher, 1988; Briones et al., 2007; Hawton et al., 2002; Minocha et al., 2014; Reed & Bullis, 2009; Schill, 1990; Wei & Ku, 2007). Вопросник диагностики личности (Hyler & Rieder, 1987) разработан

¹ Змановская, Е. В. (2003). *Девиантология (Психология отклоняющегося поведения)*: учебное пособие. Издательский центр «Академия».

с позиций DSM–III–R и включает шкалы, направленные на измерение 13 личностных расстройств, в том числе шкалу самодеструкции. Эта шкала определяет склонность личности испытывать неприязнь и быть придирчивой к себе, бояться успеха и счастья. Популярной является шкала самопоражающей личности (Schill, 1990). В ее основу также положен DSM–III–R, причем личность рассматривается как жертва внешних обстоятельств.

В основе шкалы самодеструкции (Kelly et al., 2002) лежит идея о том, что стремление к немедленному эмоциональному удовольствию при росте вероятности отдаленных негативных последствий приводит человека к самодеструкции. Предпосылки этой шкалы просматриваются в концепции самодеструкции Baumeister and Scher (Baumeister & Scher, 1988). Kelly, Richardson, Hunter and Knapp (Kelly et al., 1985) выделили четыре склонности самодеструктивной личности: беспечность, пренебрежительное отношение к своему здоровью, непослушание, изъяды в планировании собственных действий. В конечном итоге авторы приходят к мысли о том, что их шкала включает пункты, сближающие ее с конструктами поиска ощущений, нейротизма и импульсивности.

Все эти примеры исследования самодеструкции иллюстрируют ее «фасеточность». В психологической науке существует множество слабо связанных между собой моделей процессов, свойств, состояний, но нет целостного видения психики человека. Модели описывают лишь отдельные аспекты из многоликого человеческого существования. В результате складывается психология «фасеточного типа»; модели оказываются несвязанными или слабо связанными между собой (Ушаков, 2018, 2020; Дорфман, Калугин, 2021). Все это присуще и работам в области самодеструкции.

Интегративная перспектива

Новый шаг в исследованиях самодеструкции может состоять в том, чтобы не только локализовать (дифференцировать) ее особенности, учитывать не только отдельные факторы, но и поставить вопрос об их совокупности в плане интеграции. К примеру, интегративный тренд намечается в исследованиях деструктивного лидерства: осознается востребованность построения объединенной теории, которая позволила бы обозначить его общие базовые посылки (Krasikova et al., 2013). Пока, однако, эта идея заужена и распространяется лишь на область деструктивного лидерства. Общее же видение деструктивности сдерживается рядом нерешенных, прежде всего концептуальных проблем. Их своевременное изучение имеет интегративную перспективу и позволит существенно уменьшить имеющиеся пробелы в этой сфере. Так будут преодолеваются разрывы между исследованиями локальных (частных) форм самодеструкции в разных явлениях. Поиск инте-

гративной базы – это новый методологический поворот в исследованиях самодеструкции. Ожидается приращение новых порций знания о ней.

Вместе с тем идея интеграции самодеструкции оформлена концептуально недостаточно. Также остается открытым вопрос о многофакторных инструментах измерения. Чаще всего применяемые опросники почти не учитывают множественность факторов, обуславливающих самодеструкцию. Одной из причин этого является отсутствие концепций самодеструкции, принимающих во внимание множество разнородных факторов, с одной стороны, и наличие у них общей основы, с другой. Таким образом, возникает фундаментальное противоречие между разрозненными теоретическими представлениями о самодеструкции и отсутствием подходов, объединяющих их в общую, т.е. интегративную концепцию. Ситуация усугубляется также тем, что локальные опросники закрывают психометрическую перспективу многоаспектных эмпирических исследований самодеструкции с единых позиций, в то время как собственно многофакторные опросники самодеструкции с позиций интегративного подхода не разработаны.

”

*Самодеструкция проявляется
в виде суицидального
поведения, наркотикизации
и алкоголизации и некоторых
других разновидностей
девиаций*

“

Кроме того, противоречие между гетерогенностью самодеструкции, с одной стороны, и локальными инструментами их измерения, с другой, также налагает существенные ограничения на интегративные исследования самодеструкции. Это противоречие требует неотложного разрешения. Создание многофакторных инструментов измерения самодеструкции позволяет более строго и аккуратно ставить задачи интегративных исследований самодеструкции.

Можно наметить по меньшей мере два пути интеграции самодеструкции: индуктивный и дедуктивный. При индуктивном подходе выделяется некоторое множество факторов самодеструкции (их локализация) и ставится вопрос, есть ли у них общая основа? Например, если самоуважение, угроза самолюбию, заслуженное самонаказание, выпадение из социальных связей являются факторами самодеструкции (Дорфман, Злоказов, 2016б; Baumeister, 1997), значит ли это, что они образуют целостную совокупность, или они все же существуют по отдельности? При дедуктивном подходе, наоборот, в первую очередь постулируется некое общее понятие, из которого затем выводится некоторое множество частных (локальных) факторов самодеструкции. При индукции ее факторы известны, а их общая и единая совокупность предполагается. Она нуждается в эмпирическом тестировании и эмпирической проверке. При дедукции имеет место противоположная картина: из общего выводится частное, и потому самодеструкция подлежит эмпирической проверке на предмет существования у нее некой общности. Также эмпирическому тестированию подвергаются факторы, гипотетически выделяемые из общей основы самодеструкции.

В конечном итоге обозначим два относительно независимых направления интегративных исследований самодеструкции, причем в режиме их дополнительности.

К первому направлению, «снизу», отнесем исследования от локальных (частных) факторов самодеструкции к ее общему представлению, от низких степени обобщения и уровня абстракции к более высоким и перекрывающим разобщенность частных факторов. Отношения частного и общего в самодеструкции вписываются в подход И. Канта (Кант, 2021 (пер.): частные факторы самодеструкции существуют вне и внутри ее общей основы. В последнем случае появляется понимание самодеструкции как *многокачественного* и *разнокачественного* явления. Общая самодеструкция – это интегративное качество, разнородное и гетерогенное в силу наличия у него множества частных факторов.

К второму направлению, «сверху», отнесем исследования, которые идут от теории, описывающей фрагмент реальности, который шире сферы деструктивности. Данное направление наименее разработано и понятно. В первом приближении заметим, что это не обратное движение к частным формам деструктивности, которые включаются в исследования «снизу» – это ход к деструктивности как части более широкой реальности. Деструктивность «сверху» и деструктивность «снизу» расходятся и прямо не соотносятся друг с другом, поскольку происходят из разных источников. В то же время деструктивность «сверху» и деструктивность «снизу», предположительно, сосуществуют и сопоставимы по степени обобщения и уровню абстракции. Не исключено, что они связаны друг с другом.

В данном пункте анализа возникает несколько задач. Во-первых, более широкую, чем область деструктивности, теорию следует верифицировать (теоретически и эмпирически) на предмет ее релевантности деструктивным следствиям. Не всякая общая теория приводит к выявлению деструктивных паттернов. Во-вторых, как часть более широкой реальности деструктивность возникает скорее всего как неспецифичное и более широкое по масштабу явление, чем частные формы деструктивности и даже общая деструктивность, создаваемая на их основе в исследованиях «снизу». В самом деле, появление деструктивности «сверху» не может не страдать избыточной абстрактностью. В-третьих, избыточную абстрактность исследований деструктивности «сверху» возможно преодолевать, обращаясь к результатам исследований деструктивности «снизу». Без их поддержки исследования деструктивности «сверху» вряд ли будут продуктивными в теоретико-эмпирическом плане.

Интегративная (метаиндивидуальная) модель самодеструкции

Предпосылки построения 4-факторного опросника самодеструкции личности

При исследованиях самодеструкции «сверху» выбор релевантной теории в известном смысле является произвольным. Например, самодеструкцию можно изучать в рамках теории деятельности А. Н. Леонтьева (Леонтьев, 2005), теории жизненного мира С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 2003), теории интегральной индивидуальности человека В. С. Мерлина (Мерлин, 1986). Одна теория не исключает другую, и один подход вряд ли можно рассматривать как имеющий преимущества в сравнении с другими. Но каждая теория ведет к открытию общих корней у самодеструкции, а стратегии ее исследования в рамках каждой теории могут быть разными. Теория «сверху» определяет в той или иной степени логическую структуру самодеструкции; теоретически последняя попадает в контекст теории «сверху» и ведет к макроанализу самодеструкции. Иначе говоря, теория «сверху» предполагает контекст, в рамках которого осуществляются переносы ее организации с высоких на более низкие уровни обобщения и абстракции при изучении самодеструкции.

Что касается собственно самодеструкции, поиск ее содержания предполагает выход на его анализ «снизу». Анализ самодеструкции «сверху» и «снизу» полагается дополнительным. Скажем, анализ «снизу» ведет к пониманию самодеструкции как мазохизма, угрозы самолюбию и заслуженного самонаказания (Дорфман, Злоказов, 2016б; Baumeister, 1997). Теория же «сверху» помогает наметить макропсихологические рамки самодеструкции. Значит, основой самодеструкции может

быть дуальность ее интегративного качества: локальность и обобщенность.

Концептуальная модель полимодального Я

Теоретической предпосылкой постановки проблемы разработки 4-факторного опросника самодеструкции личности является концептуальная модель полимодального Я (Дорфман, 2004). Этот применяемый далее подход характеризуется многоаспектностью и вступает в оппозицию к унитарным представлениям о Я-концепции (Дорфман, 2004; Петровский, 2013; Martindale, 1980).

D. G. Myers (Myers, 2009) определил Я-концепцию как ментальную репрезентацию человеком особенностей его личности. Подобным же образом можно понимать Я-концепцию с позиций метаиндивидуального подхода – ментальная репрезентация человеку его метаиндивидуального мира (МИМ) или представления, рефлексия, переживания МИМ, которые даны сознанию человека (Вяткин, Дорфман, 2018; Dorfman & Barashkova, 2018). Я-концепция – это единое и расчлененное, ментальный стержень личности, ее мира и их отношений (Дорфман, 2016). Далее мы будем опираться на концептуальную модель полимодального Я – подхода к Я-концепции с позиций МИМ.

Общие особенности полимодального Я сводятся к следующему: 1. Представления человека о своем мире (полимодальное Я) являются множественными. Они содержат представления человека о себе и его окружении. 2. Полимодальное Я выражает позиции человека к себе и своему окружению. 3. Полимодальное Я характеризуется динамичностью и вариативностью, поскольку сочетает в себе множество разных представлений и позиций.

В полимодальном Я ментально отображаются области (домены) МИМ: Авторство, Обладание, Принятие и Принадлежность. Соответственно в полимодальном Я выделяются четыре субмодальности, каждая из них есть ментальная репрезентация отдельной области МИМ. Первая субмодальность – Авторское Я, в нем ментально репрезентируется область Авторства в МИМ. Вторая субмодальность – Воплощенное Я, в нем ментально репрезентируется область Обладания в МИМ. Третья субмодальность – Превращенное Я, в нем ментально репрезентируется область Принятия в МИМ. Четвертая субмодальность – Вторящее Я, в нем ментально репрезентируется область Принадлежности в МИМ.

Полимодальное Я выражает внутренние позиции, за которыми угадывается личностное начало. Внутренняя позиция – это положение, которое занимает личность в отношениях к себе и миру. Каждая субмодальность служит маркером уникальной позиции: Авторское Я выражает позицию автора, инициатора,

деятеля; Воплощенное Я – реформатора, покорителя, обладателя; Превращенное Я – «лица», которое понимает, принимает, облегчает; Вторящее Я выражает позицию последователя, подражателя, исполнителя. Приняв одну из этих позиций, человек как бы подстраивает под нее свои переживания и эмоции, представления и мысли, поведение и межличностные отношения. В то же время позиции субмодальностей в полимодальном Я характеризуются дискретностью и находятся в оппозиции друг к другу, занимают уникальное место и предполагают исполнение уникальных ролей.

Обычно разные позиции принято относить к разным людям. В полимодальном Я, напротив, разные позиции относятся к одному и тому же человеку. Совместно они определяют полифонию и многоголосие полимодального Я. В нем проявляется динамика внутренних позиций. Возможны переходы от одних позиций к другим. В то же время одни позиции личности могут быть предпочтительнее других, приобретая черты типичности.

Тема ментальных репрезентаций и внутренних позиций полимодального Я имеет продолжение в языке и речи.

Мы ограничимся именными грамматическими категориями в части местоимений. Сосредоточимся на личных и притяжательных местоимениях. Личные местоимения указывают на лицо, о котором идет речь, выражают и присутствуют в имени, а притяжательные местоимения указывают на принадлежность объекта тому или иному лицу. Лицо является базовым понятием и личных, и притяжательных местоимений. При этом притяжательные местоимения производны от личных. Те и другие выступают в роли автономных словоформ лица. Что касается личных местоимений, они кодируют лицо и идентифицируют говорящего (1-е лицо), адресата речи (2-е лицо) и лицо, не принимающее участия в данном речевом акте (3-е лицо). Языковая форма, называемая третьим лицом, содержит указание на высказывание о ком-то, но не соотносится с лицом как личным, индивидуальным. Здесь возникает парадокс. «Он» есть грамматическое лицо, но не действительное лицо в том смысле, что «он» не является субъектом речевого общения, а выступает в роли объекта, к которому участники речевого общения обращают свои высказывания.

Есть основания полагать, что каждой субмодальности присуща «своя» местоименная форма. В частности, это можно объяснить тем, что класс местоимений лишен грамматического и лексико-семантического единства. Данное положение можно развить и довести до определения конкретных местоименных форм, характерных каждой субмодальности Я. Авторское Я характеризуется самостью и самоидентичностью (автономность), независимостью и инициативностью. Его местоименным маркером может быть личное ме-

стоимение первого лица в именительном падеже – «я». Местоимение «я» обозначает лицо говорящего (пишущего) и указывает на него, отсылает к автору высказывания (письма). Посредством «я» человек заявляет и выражает себя, утверждает свою самоидентичность. Через местоимение «я» субмодальность Авторского Я опредмечивается в языке и речи. Во Вторящем Я фиксируется стремление сознания и личности принадлежать Другому, подражать и уподобляться ему. Местоименным маркером Вторящего Я могут быть косвенные падежи личного местоимения первого лица «я». Местоимения «меня», «мне», «мной», «обо мне» выражают отношения принадлежности и выражают нетождественность лица себе. Через эти местоиме-

”

*Основой самодеструкции
может быть дуальность
ее интегративного
качества: локальность
и обобщенность.*

“

ния субмодальность Вторящего Я выражается в языке и речи. Воплощенное Я указывает на Другого, на обладание им. Местоименным маркером Воплощенного Я могут быть личные местоименные прилагательные – притяжательные местоимения «мой», «моя», «мое». Эти местоимения выражают не собственное лицо, как личные местоимения «я» и «меня», «мне», «мной», «обо мне», а выражают другое лицо. Превращенное Я обозначает самоотстранение, переход в Другого, принятие его таким, каким он есть безотносительно к себе. Местоименными маркерами Превращенного Я (или наиболее близкими ему) могут быть личные местоимения в третьем («он», «она», «оно», «они») лицах. Они указывают на кого-то в роли объекта высказывания и помещаются в контекст позитивной модальности: принятие, терпимость, а не безразличие или враждебность.

Субмодальности Я и домены самодеструкции

Выше выдвигалась идея о гетерогенной природе самодеструкции. Эта идея основывалась на том, что существует некоторое множество частных факторов самодеструкции и выделяются разрозненные теоретические представления о них. Вместе с тем предполагалось, что локальные факторы самодеструкции имеют общий корень и для его выявления необходима соответствующая концепция, которая позволила бы свести частные факторы самодеструкции к единой основе. В связи с этим была предпринята попытка наметить перспективу изучения самодеструкции с позиций интегративного подхода.

Модель полимодального Я преодолевает в определенной степени разрозненные представления о самодеструкции и подводит под них общие основания. В свете полимодального Я понятие самодеструкции можно уточнить. Речь может идти о деформациях полимодального Я как в целом, так и по линиям его субмодальностей. Деформации происходят из полимодального Я, но предстают как его антиподы.

Если полимодальное Я может подвергаться деформациям и из него «вырастает» самодеструкция, не исключено, что ее строение имеет домены, подобные субмодальностям полимодального Я.

Формально-логически это значит, во-первых, что деформации субмодальностей Я приводят к самодеструкции, разнородной и разной по линиям ее доменов. Во-вторых, деформации полимодального Я могут возникать через одни субмодальности и не возникать через другие. Наиболее полным будет случай деформации всех четырех субмодальностей Я. В-третьих, домены самодеструкции могут соотноситься с несколькими уже известными частными факторами самодеструкции. Родство одних факторов самодеструкции с другими будет определяться их принадлежностью одному домену, а их различия – принадлежностью разным доменам. Самодеструкция дифференцирует ее факторы по новому, доменному основанию. Специальной является задача поиска критериев для содержательных переходов от субмодальностей полимодального Я к доменам самодеструкции. По сути, это задача на операционализацию доменов самодеструкции. Наиболее внятное, экономное и простое решение состоит в том, чтобы обозначить домены самодеструкции как негативно-деструктивную альтернативу позитивно-конструктивным особенностям субмодальностей полимодального Я, включая их сравнения по критерию домены самодеструкции – субмодальности полимодального Я.

Подобно субмодальностям полимодального Я, выделим в самодеструкции здоровой личности четыре домена: недовольство собой, властность, нетерпимость, обособление. Дадим им краткую характеристику (Дорфман, Злоказов, 2017а, 2017б).

Негативно-деструктивной особенностью домена недовольства собой служат, судя по литературе, пониженное самоуважение, желание принести себе вред и ущерб, неприятие себя (Baumeister & Scher, 1988), негативное мнение о себе (Lundh et al., 2007; Renaud & McConnell, 2007). К ним можно отнести также заслуженное самонаказание (Callan et al., 2014), ментальное поражение, утрату самоидентичности (Ehlers et al., 1998, 2000), бессилие (Frederick, 1986; Herman, 1992), склонность личности испытывать неприязнь и быть придирчивой к себе, бояться успеха и счастья (Hyler & Rieder, 1987).

Негативно-деструктивной особенностью домена властности, судя по литературе, выступают стремление к превосходству, вмешательство, давление, оскорбление (Muller et al., 2000; Taussig & Litrownik, 1997), негативное лидерство (Krasikova et al., 2013; Reed & Bullis, 2009; Thoroughgood et al., 2012), тирания (Ashforth, 1994), деструктивные фантазии, в том числе имеющие креативный характер (Knauss, 1999; Minocha et al., 2014).

Негативно-деструктивной особенностью домена нетерпимости служат, судя по литературе, категоричность, повышенная критичность, тщеславие, нарциссизм (Baumeister, 1997; Miller et al., 2009; Vazire & Funder, 2006).

Негативно-деструктивной особенностью домена обособления, судя по литературе, служат избегание социальных контактов и замыкание на себе, изоляционизм. Личность не интересуется людьми или отвергает тех, кто относится к ней благожелательно (Schill, 1990), выпадает из социальных связей и тяготеет к социальной изоляции (Twenge et al., 2002).

В итоге появляются концептуальные основания в пользу метаиндивидуальной модели самодеструкции личности. Данная модель конкретизирует представления о гетерогенности самодеструкции в терминах ее доменного строения, в значительной степени преодолевает разрозненные представления о ней и объединяет ее.

Заключение

Под самодеструкцией личности понимаются склонности к мыслям и действиям, которые наносят ей вред. Они осознанно или бессознательно направлены на себя и приводят в той или иной степени к саморазрушению. В настоящей работе ставилась проблема развития интегративных представлений о самодеструкции в дополнение к локальным представлениям о ней. Под локальными подразумеваются исследования самодеструкции, которые носят частный характер, разрознены и разобщены, обращаются к отдельным явлениям, факторам и источникам самодеструкции. Полагается, что поскольку у самодеструкции некоторое множество источников, она является разнородной, а это может означать гетерогенность происхождения самодеструкции и ее «фасеточность».

Новый шаг в исследованиях самодеструкции состоит в том, чтобы не только локализовать ее особенности, учитывать не только отдельные факторы, но и поставить вопрос об их совокупности в плане интеграции. Вместе с тем идея интеграции самодеструкции оформлена концептуально недостаточно. Также открытым остается вопрос о многофакторных инструментах измерения. Чаще всего применяемые опросники почти не учитывают множественность факторов, обуславливающих самодеструкцию. Одной из причин этого является отсутствие концепций самодеструкции, принимающих во внимание множество разнородных факторов, с одной стороны, и наличие у них общей основы, с другой.

Намечены индуктивный и дедуктивный пути интеграции самодеструкции. При индуктивном подходе («снизу») выделяется некоторое множество факторов самодеструкции и ставится вопрос об их общей основе. При дедуктивном подходе («сверху»), наоборот, в первую очередь постулируется некое общее понятие, из которого затем выводится множество локальных факторов самодеструкции. Подходы «сверху» и «снизу» берутся как дополнительные. Концептуальная модель полимодального Я использовалась как подход «сверху». Ставился вопрос о деформациях полимодального Я и его субмодальностях. Было показано, что деформации происходят из полимодального Я, но предстают как его антиподы. Из него «вырастает» самодеструкция, а она имеет доменное строение, подобно субмодальностям полимодального Я. В самодеструкции здоровой личности были выделены четыре домена: недовольство собой, властность, нетерпимость, обособление. Так появляются концептуальные основания в пользу метаиндивидуальной модели самодеструкции личности. Данная модель конкретизирует представления о гетерогенности самодеструкции в терминах ее доменного строения, в значительной степени преодолевает разрозненные представления о ней и объединяет ее.

(Продолжение статьи будет опубликовано в следующем номере журнала).

Список литературы

- Антонова, Ю. А., Веснина, Л. Е., Ворошилова, М. Б., Злоказов, К. В., Тагильцева, Ю. Р., Карапетян, А. А. (2014). *Экстремистский текст и деструктивная личность*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Вяткин, Б. А., Дорфман, Л. Я. (2018). *Системная интеграция индивидуальности человека*. Москва: Институт психологии РАН.

- Дорфман, Л. Я. (2004). Я-концепция: дифференциация и интеграция. В *Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность* (стр. 96-123). Москва: Смысл.
- Дорфман, Л. Я. (2016). Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(1), 115–153.
- Дорфман, Л. Я., Злоказов, К. В. (2016а). Поражение и деструкция и их исследование в зарубежной психологии. Сообщение 1. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология»*, 9(1), 5–16.
- Дорфман, Л. Я., Злоказов, К. В. (2016б). Поражение и деструкция и их исследование в зарубежной психологии. Сообщение 2. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология»*, 9(2), 5–13.
- Дорфман, Л. Я., Злоказов, К. В. (2017а). Метаиндивидуальная модель деструктивности. Сообщение 1. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 14(1), 105–122. <https://doi.org/10.17323/1813-8918.2017.1.105.122>
- Дорфман, Л. Я., Злоказов К. В. (2017б). Метаиндивидуальная модель деструктивности. Сообщение 2. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 14(3), 501–518. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-3-501-518>
- Дорфман, Л. Я., Калугин, А. Ю. (2021). *Индивидуально-интеллектуальные интеграции человека*. Москва: Институт психологии РАН.
- Зейгарник, Б. В., Холмогорова, А. Б., Мазур, Е. С. (1989). Саморегуляция поведения в норме и патологии. *Психологический журнал*, 10(2), 122–131.
- Злоказов, К. В. (2012). Психологический анализ деструктивной личности. В *Антропология деструктивности: коллективная монография* (стр. 163-169). Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России.
- Калиниченко, А. В., Собольников, В. В., Волков, Г. В. (2014). Наркозависимость как форма проявления деструктивной личности. *Медицина и образование в Сибири* (сетевое издание), 2. URL: ngmu.ru/cozo/mos/article/abautho (дата обращения: 26.10.2015)
- Кант, И. (2021) (пер.). Критика чистого разума. Москва: АСТ.
- Короленко, Ц. П., Донских, Т. А. (1990). *Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире*. Новосибирск: Наука.
- Леонтьев, А. Н. (2005). *Деятельность. Сознание. Личность* (2-е изд.) Москва: Смысл: Академия.
- Менделевич, В. Д. (2005). *Психология девиантного поведения*. Санкт-Петербург: Речь.
- Мерлин, В. С. (1986). *Очерк интегрального исследования индивидуальности*. Москва: Педагогика.
- Митина, Л. М. (2004). *Психология труда и профессионального развития учителя*. Москва: Издательский центр «Академия».
- Петровский, В. А. (2013). *«Я» в персонологической перспективе*. Москва: Издательский дом Национального исследовательского университета Высшей школы экономики.
- Реан, А. А. (2015). Семья, социальные установки и асоциальное поведение детей и подростков. *Russian Psychological Journal*, 12(1), 29-40.
- Рубинштейн, С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. Санкт-Петербург: Питер.
- Суслонов, П. В., Злоказов, К. В. (2013). Методика проведения социально-психологических исследований по проблемам экстремизма и деструктивности в молодежной среде. *Российский научный журнал*, 5(36). 219–224.
- Сыманюк, Э. Э. (2005). *Психологические основания профессиональных деструкций педагога: дис. ... д-ра психол. наук*. Екатеринбург.
- Ушаков, Д. В. (2018). Анатомия психологического знания. В А. Л. Журавлев, А. В. Юревич (ред.), *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития* (стр. 71–114). Москва: Институт психологии РАН.
- Ушаков, Д. В. (2020). На пути к целостному видению человека. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(4), 617–629. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-617-629>
- Ashforth, B. E. (1994). Petty tyranny in organizations. *Human Relations*, 47, 755–778. <https://doi.org/10.1177/001872679404700701>
- Baumeister, R. F. (1990). Suicide as escape from self. *Psychological Review*, 97(1), 90–113. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.97.1.90>
- Baumeister, R. F. (1997). Esteem threat, self-regulatory breakdown, and emotional distress as factors in self-defeating behavior. *Review of General Psychology*, 1(2), 145–174. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.1.2.145>
- Baumeister, R. F., & Scher, S. J. (1988). Self-defeating behavior patterns among normal individuals: Review and analysis of common self-destructive tendencies. *Psychological Bulletin*, 104(1), 3–22. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.104.1.3>
- Briones, E., Tabernero, C., & Arenas, A. (2007). Effects of disposition and self-regulation on self-defeating behavior. *The Journal of Social Psychology*, 147(6), 657–680.
- Callan, M. J., Kay, A. C., & Dawtry, R. J. (2014). Making sense of misfortune: Deservingness, self-esteem, and patterns of self-defeat. *Journal of Personality and Social Psychology*, 107(1), 142–162. <https://doi.org/10.1037/a0036640>
- American Psychiatric Association, (2013). *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*, 5th edition: DSM-5.

- Dorfman, L. Ya., Barashkova, E. A. (2018). Meta-individual account of personality studies. *Journal of Psychology and Psychotherapy Research*, 5, 40–45. <https://doi.org/10.12974/2313-1047.2018.05.4>
- Ehlers, A., Clark, D. M., Dunmore, E., Jaycox, L., Meadows, E., & Foa, E. B. (1998). Predicting the response to exposure treatment in PTSD: The role of mental defeat and alienation. *Journal of Traumatic Stress*, 11 (3), 457–471. <https://doi.org/10.1023/A:1024448511504>
- Ehlers, A., Maercker, A., & Boos, A. (2000). Post-traumatic stress disorder following political imprisonment: The role of mental defeat, alienation, and perceived permanent change. *Journal of Abnormal Psychology*, 109 (1), 45–55. <https://doi.org/10.1037/0021-843X.109.1.45>
- Frederick, C. J. (1987). Psychic trauma in victims of crime and terrorism. In G.R. VandenBos, B.K. Bryant (Eds.), *Cataclysms, crises, and catastrophes: Psychology in action* (pp. 55–108). Washington, DC: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/11106-002>
- Freud, S. (1965). *New introductory lectures on psychoanalysis*. New York: Norton. (Original work published 1933). ISBN-13: 9780393010640
- Hawton, K., Rodham K., Evans E., & Weatherall, R. (2002). Deliberate self-harm in adolescents: A self-report survey in schools in England. *BMJ: British Medical Journal*, 325, 1207–1211. <https://doi.org/https://doi.org/10.1136/bmj.325.7374.1207>
- Herman, J. L. (1992). Complex PTSD: A syndrome in survivors of prolonged and repeated trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 5 (3), 377–391. <https://doi.org/10.1002/jts.2490050305>
- Hyer, S. E., & Rieder, R. O. (1987). *Personality Disorder Questionnaire – Revised*. New York: New York State Psychiatric Institute.
- Knauss, W. (1999). The creativity of destructive fantasies. *Group Analysis*, 32 (3), 397–411. <https://doi.org/10.1177/05333169922076914>
- Lundh, L., Karim, J., & Quilish, E. (2007). Deliberate self-harm in 15-year-old adolescents: A pilot study with a modified version of the deliberate self-harm inventory. *Scandinavian Journal of Psychology*, 48 (1), 33–41. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2006.00567.x>
- Kelly, T., Richardson, G., Hunter, R., & Knapp, M. (2002). Attention and executive function deficits in adolescent sex offenders. *Child Neuropsychology*, 8 (2), 138–143. <https://doi.org/10.1076/chin.8.2.138.8722>
- Krasikova, D. V., Green, S. G., & LeBreton, J. M. (2013). Destructive leadership: A theoretical review, integration, and future research agenda. *Journal of Management*, 39 (5), 1308–1338. <https://doi.org/10.1177/0149206312471388>
- Martindale, C. (1980). Subelves: the internal representation of situational and personal dispositions. In L. Wheeler (ed.), *Review of personality and social psychology* (Vol. 1., pp. 193–218). Beverly Hills: Sage Publications.
- Miller, J. D., Campbell, W. K., Young, D. L., Lakey, C. E., Reidy, D. E., Zeichner, A., & Goodie, A. S. (2009). Examining the relations among narcissism, impulsivity, and self-defeating behaviors. *Journal of Personality*, 77 (3), 761–794. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2009.00564.x>
- Minocha, S., Stonehouse, G., & Reynolds, M. (2014). Bollywood on creativity: An interview with the internationally acclaimed film director Shekhar Kapur. *Journal of Management Inquiry*, 23 (2), 137–147. <https://doi.org/10.1177/1056492613499825>
- Muller, R. T., Sicoli, L. A., & Lemieux, K. E. (2000). Relationship between attachment style and posttraumatic stress symptomatology among adults who report the experience of childhood abuse. *Journal of Traumatic Stress*, 13 (2), 321–332. <https://doi.org/10.1023/A:1007752719557>
- Myers, D. G. (2009). *Social psychology* (10th Edition). New York: McGraw-Hill Higher Education.
- Renaud, J. M., & McConnell, A. R. (2007). Wanting to be better but thinking you can't: Implicit theories of personality moderate the impact of self-discrepancies on self-esteem. *Self and Identity*, 6 (1), 41–50. <https://doi.org/10.1080/15298860600764597>
- Reed, G. E., & Bullis, R. C. (2009). The impact of destructive leadership on senior military officers and civilian employees. *Armed Forces & Society*, 36 (1), 5–18. <https://doi.org/10.1177/0095327X09334994>
- Schill, T. (1990). A measure of self-defeating personality. *Psychological Reports*, 66 (3), 1343–1346. <https://doi.org/10.2466/pr0.1990.66.3c.1343>
- Taussig, H. N., & Litrownik, A. J. (1997). Self- and Other-directed destructive behaviors: Assessment and relationship to type of abuse. *Child maltreatment*, 2 (2), 172–182. <https://doi.org/10.1177/1077559597002002010>
- Thoroughgood, C. N., Tate, B. W., Sawyer, K. B., & Jacobs, R. (2012). Bad to the bone: Empirically defining and measuring destructive leader behavior. *Journal of Leadership & Organizational Studies*, 19 (2), 230–255. <https://doi.org/10.1177/1548051811436327>
- Twenge, J. M., Catanese, K. R., & Baumeister, R. F. (2002). Social exclusion causes self-defeating behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83 (3), 606–615. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.83.3.606>

- Vazire, S., & Funder, D. C. (2006). Impulsivity and the self-defeating behavior of narcissists. *Personality and Social Psychology Review*, 10 (2), 154–165. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1002_4
- Wei, M., & Ku, T.-Y. (2007). Testing a conceptual model of working through self-defeating patterns. *Journal of Counseling Psychology*, 54 (3), 295–305. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.54.3.295>

References

- Antonova, Yu. A., Vesnina, L. E., Voroshilova, M. B., Zlokazov, K. V., Tagil'ceva, Yu. R., Karapetyan, A. A. (2014). *Ekstremistskij tekst i destruktivnaya lichnost'*. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Vyatkin, B. A., Dorfman, L. Ya. (2018). *Sistemnaya integraciya individual'nosti cheloveka*. Moscow: Institut psihologii RAN.
- Dorfman, L. Ya. (2004). Ya-koncepciya: differenciaciya i integraciya. V *Integral'naya individual'nost', Ya-koncepciya, lichnost'* (str. 96-123). Moscow: Smysl.
- Dorfman, L. Ya. (2016). Kauzal'nyj plyuralizm i holizm v koncepcii metaindividual'nogo mira. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 13(1), 115–153.
- Dorfman, L. Ya., Zlokazov, K. V. (2016a). Porazhenie i destrukciya i ih issledovanie v zarubezhnoj psihologii. Soobshchenie 1. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psihologiya»*, 9(1), 5–16.
- Dorfman, L. Ya., Zlokazov, K. V. (2016b). Porazhenie i destrukciya i ih issledovanie v zarubezhnoj psihologii. Soobshchenie 2. *Vestnik Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psihologiya»*, 9(2), 5–13.
- Dorfman, L. Ya., Zlokazov, K. V. (2017a). Metaindividual'naya model' destruktivnosti. Soobshchenie 1. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 14(1), 105–122. <https://doi.org/10.17323/1813-8918.2017.1.105.122>
- Dorfman, L. Ya., Zlokazov, K. V. (2017b). Metaindividual'naya model' destruktivnosti. Soobshchenie 2. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 14(3), 501–518. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-3-501-518>
- Dorfman, L. Ya., Kalugin, A. Yu. (2021). *Individual'no-intellektual'nye integracii cheloveka*. Moscow: Institut psihologii RAN.
- Zeigarnik, B. V., Holmogorova, A. B., Mazur, E. S. (1989). Samoregulyaciya povedeniya v norme i patologii. *Psihologicheskij zhurnal*, 10(2), 122–131.
- Zlokazov, K. V. (2012). Psihologicheskij analiz destruktivnoj lichnosti. V *Antropologiya destruktivnosti: kollektivnaya monografiya* (str. 163-169). Ekaterinburg: Ural'skij juridicheskij institut MVD Rossii.
- Kalinichenko, A. V., Sobol'nikov, V. V., Volkov, G. V. (2014). Narkozavisimost' kak forma proyavleniya destruktivnoj lichnosti. *Medicina i obrazovanie v Sibiri* (setevoe izdanie), 2. URL: ngmu.ru/cozo/mos/article/abautho (data obrashcheniya: 26.10.2015)
- Kant, I. (2021) (per.). *Kritika chistogo razuma*. Moscow: AST.
- Korolenko, C. P., Donskih, T. A. (1990). *Sem' putej k katastrofe: Destruktivnoe povedenie v sovremennom mire*. Novosibirsk: Nauka.
- Leont'ev, A. N. (2005). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* (2-e izd.) Moscow: Smysl: Akademiya.
- Mendelevich, V. D. (2005). *Psihologiya deviantnogo povedeniya*. Saint Petersburg: Rech'.
- Merlin, V. S. (1986). *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti*. Moscow: Pedagogika.
- Mitina, L. M. (2004). *Psihologiya truda i professional'nogo razvitiya uchitelya*. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya».
- Petrovskij, V. A. (2013). «Ya» v personologicheskoy perspektive. Moscow: Izdatel'skij dom Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta Vysshej shkoly ekonomiki.
- Rean, A. A. (2015). Sem'ya, social'nye ustanovki i asocial'noe povedenie detej i podrostkov. *Russian Psychological Journal*, 12(1), 29-40.
- Rubinshtejn, S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir*. Saint Petersburg: Piter.
- Suslonov, P. V., Zlokazov, K. V. (2013). Metodika provedeniya social'no-psihologicheskikh issledovanij po problemam ekstremizma i destruktivnosti v molodezhnoj srede. *Rossijskij nauchnyj zhurnal*, 5(36), 219–224.
- Symanyuk, E. E. (2005). *Psihologicheskie osnovaniya professional'nyh destrukcij pedagoga*: dis. ... d-ra psihol. nauk. Ekaterinburg.
- Ushakov, D. V. (2018). Anatomiya psihologicheskogo znaniya. V A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich (red.), *Psihologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* (str. 71–114). Moscow: Institut psihologii RAN.
- Ushakov, D. V. (2020). Na puti k celostnomu videniyu cheloveka. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 17(4), 617–629. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-617-629>
- Ashforth, B. E. (1994). Petty tyranny in organizations. *Human Relations*, 47, 755–778. <https://doi.org/10.1177/001872679404700701>
- Baumeister, R. F. (1990). Suicide as escape from self. *Psychological Review*, 97(1), 90–113. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.97.1.90>
- Baumeister, R. F. (1997). Esteem threat, self-regulatory breakdown, and emotional distress as factors in self-defeating behavior. *Review of General Psychology*, 1(2), 145–174. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.1.2.145>

- Baumeister, R. F., & Scher, S. J. (1988). Self-defeating behavior patterns among normal individuals: Review and analysis of common self-destructive tendencies. *Psychological Bulletin*, 104(1), 3–22. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.104.1.3>
- Briones, E., Taberero, C., & Arenas, A. (2007). Effects of disposition and self-regulation on self-defeating behavior. *The Journal of Social Psychology*, 147(6), 657–680.
- Callan, M. J., Kay, A. C., & Dawtry, R. J. (2014). Making sense of misfortune: Deservingness, self-esteem, and patterns of self-defeat. *Journal of Personality and Social Psychology*, 107(1), 142–162. <https://doi.org/10.1037/a0036640>
- American Psychiatric Association, (2013). *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*, 5th edition: DSM-5.
- Dorfman, L. Ya., Barashkova, E. A. (2018). Meta-individual account of personality studies. *Journal of Psychology and Psychotherapy Research*, 5, 40–45. <https://doi.org/10.12974/2313-1047.2018.05.4>
- Ehlers, A., Clark, D. M., Dunmore, E., Jaycox, L., Meadows, E., & Foa, E. B. (1998). Predicting the response to exposure treatment in PTSD: The role of mental defeat and alienation. *Journal of Traumatic Stress*, 11 (3), 457–471. <https://doi.org/10.1023/A:1024448511504>
- Ehlers, A., Maercker, A., & Boos, A. (2000). Post-traumatic stress disorder following political imprisonment: The role of mental defeat, alienation, and perceived permanent change. *Journal of Abnormal Psychology*, 109 (1), 45–55. <https://doi.org/10.1037/0021-843X.109.1.45>
- Frederick, C. J. (1987). Psychic trauma in victims of crime and terrorism. In G.R. VandenBos, B.K. Bryant (Eds.), *Cataclysms, crises, and catastrophes: Psychology in action* (pp. 55–108). Washington, DC: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/11106-002>
- Freud, S. (1965). *New introductory lectures on psychoanalysis*. New York: Norton. (Original work published 1933). ISBN-13: 9780393010640
- Hawton, K., Rodham K., Evans E., & Weatherall, R. (2002). Deliberate self-harm in adolescents: A self-report survey in schools in England. *BMJ: British Medical Journal*, 325, 1207–1211. <https://doi.org/10.1136/bmj.325.7374.1207>
- Herman, J. L. (1992). Complex PTSD: A syndrome in survivors of prolonged and repeated trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 5 (3), 377–391. <https://doi.org/10.1002/jts.2490050305>
- Hyer, S. E., & Rieder, R. O. (1987). *Personality Disorder Questionnaire – Revised*. New York: New York State Psychiatric Institute.
- Knauss, W. (1999). The creativity of destructive fantasies. *Group Analysis*, 32 (3), 397–411. <https://doi.org/10.1177/053333169922076914>
- Lundh, L., Karim, J., & Quilish, E. (2007). Deliberate self-harm in 15-year-old adolescents: A pilot study with a modified version of the deliberate self-harm inventory. *Scandinavian Journal of Psychology*, 48 (1), 33–41. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2006.00567.x>
- Kelly, T., Richardson, G., Hunter, R., & Knapp, M. (2002). Attention and executive function deficits in adolescent sex offenders. *Child Neuropsychology*, 8 (2), 138–143. <https://doi.org/10.1076/chin.8.2.138.8722>
- Krasikova, D. V., Green, S. G., & LeBreton, J. M. (2013). Destructive leadership: A theoretical review, integration, and future research agenda. *Journal of Management*, 39 (5), 1308–1338. <https://doi.org/10.1177/0149206312471388>
- Martindale, C. (1980). Subselves: the internal representation of situational and personal dispositions. In L. Wheeler (ed.), *Review of personality and social psychology* (Vol. 1., pp. 193–218). Beverly Hills: Sage Publications.
- Miller, J. D., Campbell, W. K., Young, D. L., Lakey, C. E., Reidy, D. E., Zeichner, A., & Goodie, A. S. (2009). Examining the relations among narcissism, impulsivity, and self-defeating behaviors. *Journal of Personality*, 77 (3), 761–794. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2009.00564.x>
- Minocha, S., Stonehouse, G., & Reynolds, M. (2014). Bollywood on creativity: An interview with the internationally acclaimed film director Shekhar Kapur. *Journal of Management Inquiry*, 23 (2), 137–147. <https://doi.org/10.1177/1056492613499825>
- Muller, R. T., Sicoli, L. A., & Lemieux, K. E. (2000). Relationship between attachment style and posttraumatic stress symptomatology among adults who report the experience of childhood abuse. *Journal of Traumatic Stress*, 13 (2), 321–332. <https://doi.org/10.1023/A:1007752719557>
- Myers, D. G. (2009). *Social psychology* (10th Edition). New York: McGraw-Hill Higher Education.
- Renaud, J. M., & McConnell, A. R. (2007). Wanting to be better but thinking you can't: Implicit theories of personality moderate the impact of self-discrepancies on self-esteem. *Self and Identity*, 6 (1), 41–50. <https://doi.org/10.1080/15298860600764597>
- Reed, G. E., & Bullis, R. C. (2009). The impact of destructive leadership on senior military officers and civilian employees. *Armed Forces & Society*, 36 (1), 5–18. <https://doi.org/10.1177/0095327X09334994>
- Schill, T. (1990). A measure of self-defeating personality. *Psychological Reports*, 66 (3), 1343–1346. <https://doi.org/10.2466/pr0.1990.66.3c.1343>
- Taussig, H. N., & Litrownik, A. J. (1997). Self- and Other-directed destructive behaviors: Assessment and relationship to

type of abuse. *Child maltreatment*, 2 (2), 172–182. <https://doi.org/10.1177/1077559597002002010>

Thoroughgood, C. N., Tate, B. W., Sawyer, K. B., & Jacobs, R. (2012). Bad to the bone: Empirically defining and measuring destructive leader behavior. *Journal of Leadership & Organizational Studies*, 19 (2), 230–255. <https://doi.org/10.1177/1548051811436327>

Twenge, J. M., Catanese, K. R., & Baumeister, R. F. (2002). Social exclusion causes self-defeating behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83 (3), 606–615. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.83.3.606>

Vazire, S., & Funder, D. C. (2006). Impulsivity and the self-defeating behavior of narcissists. *Personality and Social Psychology Review*, 10 (2), 154–165. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1002_4

Wei, M., & Ku, T.-Y. (2007). Testing a conceptual model of working through self-defeating patterns. *Journal of Counseling Psychology*, 54 (3), 295–305. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.54.3.295>

Информация об авторах:

Леонид Яковлевич Дорфман – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин.

Евгений Александрович Курочкин – кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры военной педагогики и психологии.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 13.05.2022

Одобрена после рецензирования 20.06.2022

Опубликована 29.07.2022

About the authors:

Leonid Ya. Dorfman – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Humanitarian Disciplines.

Evgenij A. Kurochkin – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Military Pedagogy and Psychology.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted May 13, 2022

Approved after reviewing June 20, 2022

Accepted July 29, 2022

УДК 159.972:343.81

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-164-180

Исследование феномена суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных

Татьяна Васильевна Кириллова

Научно-исследовательский институт ФСИН России
(Москва, Россия)
tatiana-kirillova@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8394-897X

Александр Викторович Рогов

Межрегиональный отдел психологической работы УФСИН России
по Владимирской области
(Владимир, Россия)

ORCID: 0000-0001-7808-1611

Аннотация

Введение. Анализ обзоров по суицидам УВСПР ФСИН России в период 2015–2020 гг. свидетельствует о том, что показатель уровня суицидов в УИС остается выше среднего уровня суицидов по России в целом.

Цель. Изучение случаев завершённых суицидов подозреваемых, обвиняемых и осуждённых.

Методология, методы и методики. Исследование строилось на основе анализа обзоров, иных нормативных документов ФСИН России, касающихся мер по профилактике суицидов среди подозреваемых, обвиняемых и осуждённых в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Результаты. Изучены личностные особенности подозреваемых, обвиняемых и осуждённых, совершивших суицид, условия и обстоятельства совершения суицидов. Проведен анализ информации на подозреваемых, обвиняемых и осуждённых, совершивших суициды в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в 2020 году (карточки по форме «Ос. Сзд.», заключения служебных проверок по фактам совершения суицидов), а также результатов психологических обследований подозреваемых, обвиняемых и осуждённых, совершивших суициды в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в 2020 году. В ходе исследования осуществлен сбор и анализ информации о подозреваемых, обвиняемых и осуждённых, совершивших суицид. Авторы изучили сущность феномена суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осуждённых. В научно-практическом исследовании обобщены научные работы по проблеме суицидального поведения и нормативные документы ФСИН России, касающиеся профилактики суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осуждённых, проанализированы причины суицидов, предложены меры по предотвращению суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осуждённых.

Приведена социально-демографическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика лиц, совершивших суицид; рассмотрены психологические особенности суицидентов, условия и обстоятельства совершения суицидов.

Для построения корреляционной матрицы использовались объективные и субъективные показатели диагностики подозреваемых, обвиняемых и осуждённых, совершивших суицид. В результате корреляционного анализа была выявлена статистически достоверная связь ($r = 0,092$; $p \geq 0,05$) объективных и субъективных показателей суицидентов. На основании выявленных статистически достоверных взаимосвязей авторами сделаны выводы о том, что социально-демографические и уголовно-правовые характеристики осуждённых связаны с их суицидальными наклонностями и могли способствовать совершению ими самоубийств.

Полученные результаты корреляционного анализа позволили авторам выработать рекомендации по профилактике суицидального поведения осужденных.

Предпринята попытка выявления взаимосвязи суицидального поведения и личностных качеств подозреваемых, обвиняемых и осужденных, упоминаемых в информационных карточках, приведена частота встречаемости отдельных личностных качеств осужденных, совершивших суицид. В ходе контент-анализа карточек «Ос. Сзд.» были отобраны наиболее часто упоминавшиеся качества личности в психологических портретах лиц, совершивших суицид. Исследование сотрудников МОПР подтвердило, что данные психодиагностических обследований согласуются с материалами контент-анализа личностных характеристик суицидентов и дополняют их.

Также рассмотрены условия и обстоятельства совершения суицидов, выделены возможные направления психологической профилактики суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Практическая значимость. Применение полученных результатов исследования в практической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы при профилактике суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Ключевые слова

уголовно-исполнительная система, суициды подозреваемых, суициды обвиняемых, суициды осужденных, условия совершения суицидов, обстоятельства совершения суицидов, личностные особенности

Для цитирования: Кириллова, Т. В., Рогов, А. В. (2022). Исследование феномена суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 164–180. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-164-180.

Original paper

Tat'yana V. Kirillova

Federal State Institution
Research Institute
of the Federal Penitentiary
Service of Russia
(Moscow, Russia)

tatiana-kirillova@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8394-897X

Alexander V. Rogov

Interregional Department
of Psychological Work
of the Federal Penitentiary Service
of Russian Federation
for the Vladimir Region
(Vladimir, Russia)

ORCID: 0000-0001-7808-1611

Suicidal behavior of suspected, accused and convicted persons – a study

Abstract

Introduction. The analysis of the suicides committed in 2015–2020 according to the data of the Office of educational, social, and psychological work in the system of Russian Federal Penal Correction Service (FPCS) proves that the rate of suicides in the prison system is still higher than countrywide.

The goal of the research is to study the suicides committed by the suspects, accused, and convicted persons.

Methods. The research has been based on the analysis of the reviews and other technical materials offered by the FPCS concerning suicide preventions measures among the suspects, accused, and convicted persons in the prison system.

Results. The authors have researched the personal characteristics of the suspects, accused, and convicted persons who committed suicides, the circumstances, and conditions of the suicides. To achieve this, the authors analyzed the data gathered in the prison system in case of suspect, accused, and convicted persons suicides (case records, internal review findings), as well as the results of psychological testing of the suspects, accused, and convicted who committed suicides in the Russian prison system in 2020. As a part of the study the authors gathered information on the suspects, accused and convicted persons who committed suicide.

The authors have researched a phenomenon of a suicidal behavior of the suspects, accused, and convicted persons. In the theoretical and empirical study, they review both the scientific papers on the suicidal behavior and the FPCS guidelines on prevention of the suicidal behavior of the suspects, accused, and convicted persons. The authors propose measures on preventing of the suicidal behavior of the suspects, accused, and convicted persons.

The authors created a profile of the persons committing suicide accounting for their demographic characteristics, their criminal past, and their status in the prison system, considering their psychological status, conditions, and circumstances of the suicide.

To form a correlation matrix, the authors have used objective and subjective characteristics of the suspects, accused, and convicted persons who committed suicide. As the result of the correlation analysis, the authors have found a statistically strong connection ($r = 0,092$; $p \geq 0,05$) between the objective and subjective characteristics.

Following the founded statistically significant connection, the authors conclude that demographic characteristic and the criminal past of the convicted relate to their suicidal tendencies and may led to the committing of the suicide.

The results of the correlation analysis have been used to formulate the recommendations for the suicidal behavior prevention among the convicted persons.

The authors have attempted to find a connection between the suicidal behavior and the personal characteristics of the suspects, accused, and convicted persons mentioned in their registry files, and demonstrate the incidence of the certain traits of the suicidal persons. Using content-analysis of the registry files, the authors have chosen the most frequently mentioned personal traits in the psychological profiles of the persons who committed suicides.

The interviews with the workers of the FPCS Interregional office of psychological work have shown an additional proof of the hypothesis that the results of the psychological tests correlate with the results of the profile analysis of the suicidal persons and supplement them.

The authors have also analyzed the conditions, and circumstances of the suicides, proposed potential directions of the psychological prevention of the suicidal behavior of the suspect, accused, and convicted persons.

Practical significance. Implementation of the study findings by the personnel of the prison system in the field of prevention of the suicidal behavior of the suspects, accused, and convicted persons.

Keywords

penitentiary system, suicides of suspects, suicides of the accused, suicides of convicts, conditions for committing suicides, circumstances for committing suicides, personality traits

For citation: Kirillova, T. V., Rogov, A. V. (2022). Suicidal behavior of suspected, accused and convicted persons – a study. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(2), 164–180. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-164-180.

Введение

В настоящее время в уголовно-исполнительной системе создана система профилактики деструктивного поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных. В соответствии с указаниями ФСИН России в территориальных органах разработаны и реализуются комплексные планы по профилактике суицидов; вопросы профилактики деструктивного поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных рассматривались на коллегиях, на совещаниях у заместителей директора, учитывались при заслушивании начальников психологических служб, начальников территориальных органов и их заместителей, а также подготовке материалов к аттестациям руководителей.

Вместе с тем, несмотря на принимаемые меры, в 2020 году в уголовно-исполнительной системе зарегистрировано 287 (АППГ – 274) случаев суицидов подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Количество суицидов увеличилось на 4,6 %, уровень в расчете на 1 тыс. подозреваемых, обвиняемых и осужденных увеличился с 0,51 в 2019 году до 0,57 в 2020 году¹.

В связи с этим проблема профилактики суицидов среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных яв-

ляется одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед психологами уголовно-исполнительной системы.

Цель исследования: провести анализ личностных, криминологических, социально-демографических характеристик суицидентов, разработать рекомендации по профилактике суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Объект исследования: личностные особенности подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших суицид.

Предмет исследования: профилактика суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Задачи исследования:

1. Провести анализ современного состояния проблемы самоубийств подозреваемых, обвиняемых и осужденных, опыта их изучения и профилактики.
2. Провести анализ обзоров, иных нормативных документов ФСИН России, касающихся мер по профилактике суицидов среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных.
3. Провести анализ информации о подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших суициды

¹ Обзор о состоянии работы по профилактике суицидов среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных в 2020 году: письмо ФСИН России от 20.02.2021 № исх-03-10990. Документ опубликован не был.

в учреждениях уголовно-исполнительной системы в 2020 году (карточки по форме «Ос. Сзд.», заключения служебных проверок по фактам совершения суицидов).

4. Проанализировать результаты психологических обследований подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших суициды в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в 2020 году.

Теоретико-методологической основой исследования являются позиции системного, онтологического, этнофункционального, личностного, междисциплинарного подходов.

Обзор литературы

Я. И. Гишинский считает суициды одним из важнейших направлений девиантологических исследований в России (Гишинский, 2011; Гишинский, Смолинский, 1988). Он отмечает, что в результате многочисленных эмпирических исследований, проведенных А. Г. Амбрумовой, С. В. Бородиным, А. С. Михлиным, Л. И. Постоваловой, В. А. Тихоненко, Я. И. Гишинским, А. Е. Мальченковой, В. К. Мягер, Н. Н. Проскурниной, Л. Г. Смолинским, Е. С. Ушаковой, были выявлены зависимости суицидальных проявлений от социально-демографических и психологических свойств индивидов, от социально-экономической и политической ситуации в стране, мотивы самоубийств, особенности их пространственно-временного распределения. Междисциплинарный подход в суицидологии внес существенный вклад в становление отечественной девиантологии» (Гишинский, 2021, с. 18).

Проблема суицидов в уголовно-исполнительной системе всегда была одной из наиболее острых. Это касалось суицидов и суицидальных попыток как сотрудников уголовно-исполнительной системы, так и осужденных, отбывавших наказание в местах лишения свободы, а также подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах.

Она является отражением проблемы суицидов в обществе в целом. Но если в целом в обществе изучением суицидального поведения занимается немало ученых, то в пенитенциарной педагогике и психологии таких исследований гораздо меньше. Поэтому очевидна необходимость изучения как проблемы в комплексе, так и каждого конкретного случая завершенного суицида.

Об актуальности проблемы суицидального поведения в учреждениях исполнения наказаний свидетельствует то, что она все чаще обсуждается на научных конференциях различного уровня.

С. Е. Корышева рассматривает суицид в пенитенциарной системе как форму девиантного поведения, выделяет некоторые виды самоубийства, характерные

именно для пенитенциарной системы, такие, например, как искупительное самоубийство – самообвинение, самонаказание; дезгеллюционное – результат неудовлетворенности своим социальным статусом и т.д. (Корышева, 2019).

А. В. Новиков акцентирует внимание на детерминантах суицидального поведения (Кулакова, Новиков, Кротова, 2019), С. В. Кулакова рассматривает совершенствование мер профилактики суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (Кулакова, 2021). Эту же проблему в контексте профилактики суицидального поведения осужденных рассматривает Т. А. Симакова (Ананьев, Симакова, 2020).

О. Г. Ананьев в своих работах выделяет психологические предикты суицидального поведения лиц, находящихся в местах лишения свободы, обозначает важность учета ситуативных факторов, комплексные группы самоубийств в следственных изоляторах и исправительных учреждениях (Ананьев, Симакова, 2020).

Ряд ученых рассматривает суициды представителей отдельных социальных или возрастных групп. Так, А. Г. Анисимов изучает в своих трудах молодежные суициды (Анисимов, 2021).

Интересны и актуальны исследования, касающиеся более конкретных аспектов изучения проблем суицидального поведения личности² (Гизатулина, Тараданов, 2017; Кириллова, Кузнецов, 2022; Ушакова, 2010; Маркова, Никитская, 2021). Так, О. Б. Шредер представила исследования специфических особенностей осужденных, состоящих на профилактическом учете как склонных к совершению суицида и членовредительства. Результаты исследования когнитивных процессов данной категории осужденных могут быть положены в основу организации воспитательной и психокоррекционной работы (Шредер, Быковская, 2021).

Определенный интерес представляют и междисциплинарные исследования, посвященные суицидам в пенитенциарной системе. Так, коллектив авторов на основе методологических подходов клинической психологии провел анализ завершенных суицидов среди заключенных в системе УФСИН России по Республике Татарстан (Тимерзянов, Газизянова, Низамов, 2015).

Среди исследований в области пенитенциарной суицидологии мы хотели бы выделить исследования А. В. Рогова, который приводит в своих статьях результаты эмпирических исследований осужденных-суицидентов, лиц, совершивших суицид в местах лишения свободы. Он анализирует их личностные особенности, и полученные результаты позволяют определить ре-

² Кириллова, Т. В., Кулакова, С. В. (2020). Психологическая профилактика суицидального поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы: учебное пособие. ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»).

перные точки приложения психокоррекционных воздействий в аналогичных случаях.

В его исследованиях представлена социально-демографическая, уголовно-правовая и социально-психологическая характеристики осужденных-суицидентов (Рогов, 2019).

Методология, методы и материалы исследования

Гипотеза исследования: выявление особенностей подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших суицид, позволит разработать рекомендации по профилактике суицидов.

Для реализации поставленных задач используются следующие **методы:** организационные (сравнительный, комплексный); эмпирические; методы обработки данных (количественные, качественные).

Исследование планируется осуществлять в три этапа:

I этап (информационно-аналитический) – обоснование темы и разработка программы исследования (объект, предмет, цель и задачи, гипотеза), анализ научных подходов к исследованию суицидов, нормативных документов ФСИН России по проблеме профилактики суицидального поведения.

II этап (научно-практический) – анализ информационных карточек по форме «Ос. Сдд.» (далее – информационные карточки), заключений служебных проверок по фактам совершения суицидов, результатов проведенных психологических обследований суицидентов.

III этап (программно-методический) – описание результатов проведенной работы в форме отчета

о проведенном научно-практическом исследовании, разработка рекомендаций по профилактике суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Практическая значимость: возможность применения полученных результатов исследования в практической деятельности при профилактике суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Эмпирическая база исследования: выборка подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших суицид в 2020 году в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Выборка исследования составила 649 человек.

Результаты исследования

Под руководством авторов сотрудниками психологической службы уголовно-исполнительной системы проведен анализ информационных карточек по форме «Ос. Сдд.», заключений результатов служебных проверок, психологических портретов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших суицид.

Социально-демографическая характеристика

В качестве социально-демографических характеристик были взяты: пол; возраст; образовательный уровень; семейное положение; наличие детей; наличие родителей и родственников; поддержание отношений с близкими; наличие жилья.

По гендерному признаку подавляющее большинство суицидентов были мужского пола (98 %).

Средний возраст суицидента варьируется от 16 до 86 лет и составляет 37 лет (± 11 лет).

Возрастные пики совершения суицидов приходятся на 30 лет, 33 года и 36 лет (см. рис. 1).

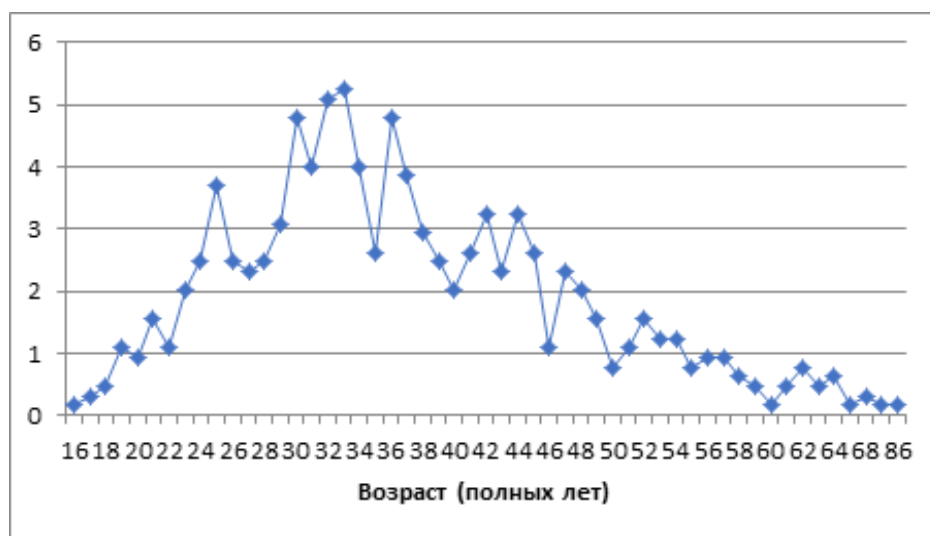

Рис. 1. Возрастной состав лиц, совершивших суицид (в %)

Fig. 1. Age composition of the persons who committed suicide (%)

Таблица 1. Возрастные периоды (в %)

Table 1. Ages (%)

до 20 лет	от 20 до 30 лет	от 31 года до 40 лет	от 41 года до 50 лет	от 51 года до 60 лет	от 61 года до 70 лет	от 71 года и старше
2	27	37	22	9	3	1

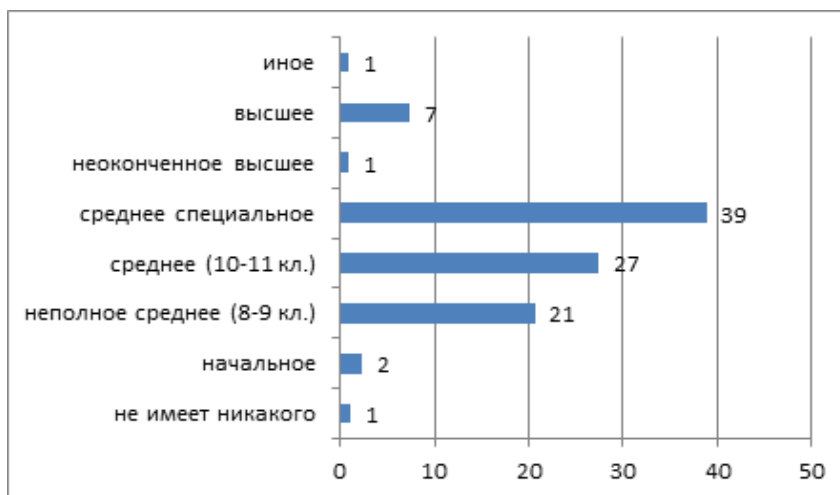

Рис. 2. Образовательный уровень лиц, совершивших суицид (в %)

Fig. 2. Education level of the persons who committed suicide (%)

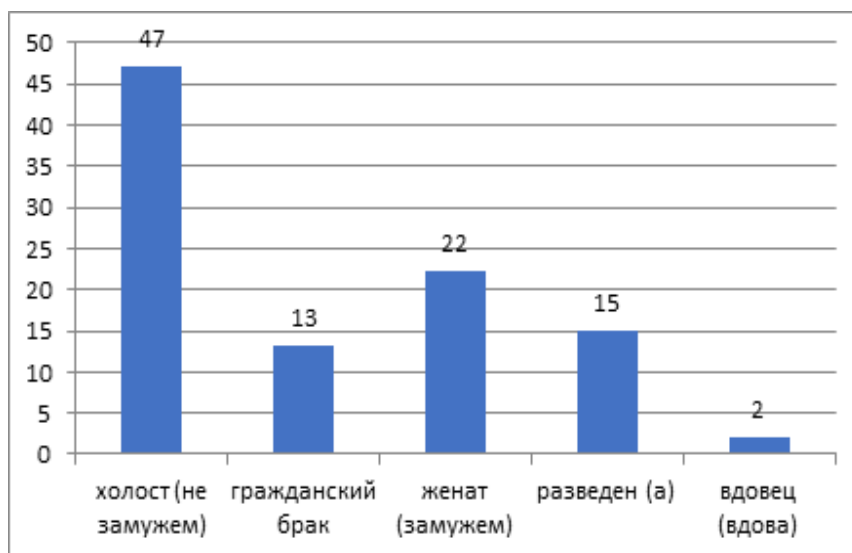

Рис.3. Семейное положение лиц, совершивших суицид (в %)

Fig. 3. Marital status of the persons who committing suicide (%)

Большинство суицидентов имели среднее специальное (39%), среднее (27%) и неполное среднее (21%) образование. Неполное высшее и высшее образование было у 8% суицидентов.

Большинство лиц, совершивших суицид, в браке не состояли (64%), из них: 47% были холосты (не замужем), 15% – в разводе, 2% – вдовцы (вдовы). В браке, в том числе гражданском, состояли 35% суицидентов.

Кириллова Т. В., Рогов А. В. / Kirillova T. V., Rogov A. V.

Среди лиц, совершивших суицид, не имели детей 52 %, родителей и родственников – 11 %, не поддерживали отношения с близкими людьми – 16 %, не имели жилья – 13 %.

Чаще всего суицидент поддерживал связь с матерью (24 %), сестрой (13 %) и женой (11 %). Предпочитаемым способом контактов с родными являлись переписка (26 %), телефонные переговоры (22 %) и свидания (24 %). Отношения были доброжелательными и доверительными (60 %), реже неприязненными и конфликтными (10 %).

Имели тяжелые заболевания 31 % суицидентов, среди которых наиболее распространены ВИЧ-инфекция (28 %), наркомания (25 %), алкоголизм (24%), туберкулез (14 %), гепатит (4 %) и психические отклонения (4 %). У некоторых суицидентов в анамнезе было

по несколько отягощающих факторов: наркотическая и алкогольная зависимость, психические отклонения, тяжелые хронические заболевания.

Уголовно-правовая характеристика

В качестве уголовно-правовых характеристик были выбраны: юридический статус; количество судимостей; категория статей; срок назначенного наказания; признание вины.

Подавляющее большинство лиц, совершивших суицид, были осужденными (67 %).

Распределение суицидентов по количеству судимостей имеет следующий вид: не имели судимости – 12 %, имели первую судимость – 32 %, вторую судимость – 18 %; третью судимость – 12 %.

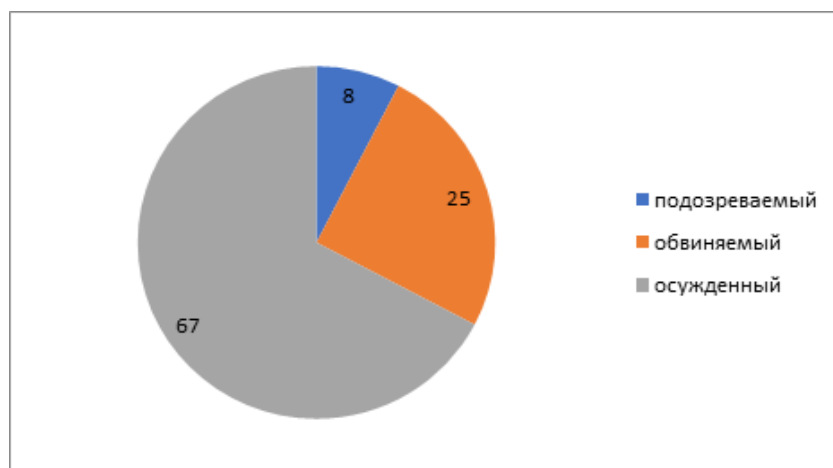

Рис. 4. Юридический статус лиц, совершивших суицид (в %)

Fig. 4. Legal status of the persons who committed suicide (%)

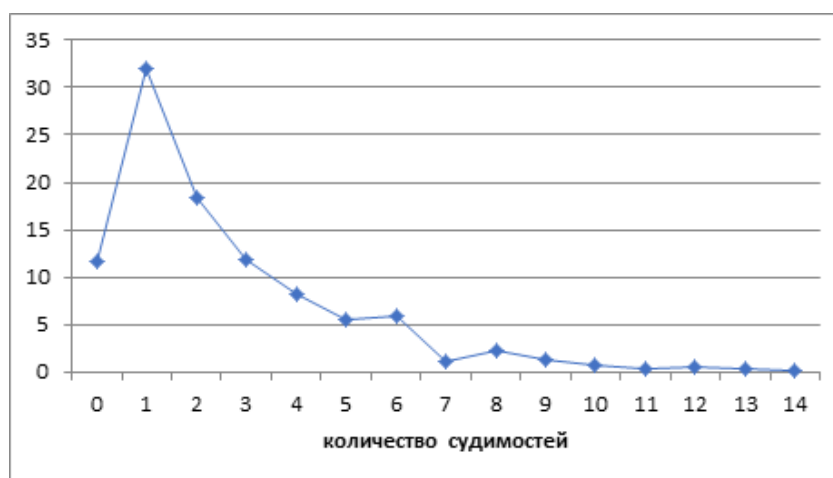

Рис. 5. Количество судимостей у лиц, совершивших суицид (в %)

Fig. 5. Number of previous convictions of the persons who committed suicide (%)

Таблица 2. Категория статей УК РФ (в %)

Table 2. Crime degree according to the Criminal Code of Russian Federation (%)

105-112	131-135	228-233	317-321	иное
30	12	17	1	38

Рис. 6. Суицид совершен (в %)

Fig. 6. Suicide committed (%)

Значительная часть суицидентов подозревались, обвинялись или были осуждены за преступления против жизни и здоровья человека (ст. 105–112 УК РФ) – 30 %.

Чаще всего суицид совершается после вступления приговора в законную силу (61%). Срок наказания варьировался в промежутке от 1 года до 26 лет и составлял в среднем 7 лет.

В основном лица, совершающие суицид, либо не были осуждены – 30 %, либо имели срок от 1 года до 5 лет – 30 %.

Большинство лиц, совершивших суициды, признали свою вину в совершенном преступлении полностью (59 %) либо частично (21 %). Это говорит о том, что осознание своей вины и переживания, связанные

с совершенным преступлением, могут являться одной из причин совершения суицидов.

Уголовно-исполнительная характеристика

В качестве уголовно-исполнительных характеристик выступили: тип учреждения, вид режима содержания, условия отбывания наказания, вид профилактического учета.

Чаще всего суициды совершаются в исправительных колониях (54 %) и следственных изоляторах (38 %).

Основная часть суицидентов (67 %) содержалась в исправительных колониях строгого (43 %) и общего (24 %) режима.

Таблица 3. Срок наказания (в %)

Table 3. Punishment term (%)

не были осуждены	30
менее 1 года	3
от 1 года до 5 лет	30
от 6 лет до 10 лет	22
от 11 лет до 15 лет	8
от 15 лет до 20 лет	5
более 21 года	1

Кириллова Т. В., Рогов А. В. / Kirillova T. V., Rogov A. V.

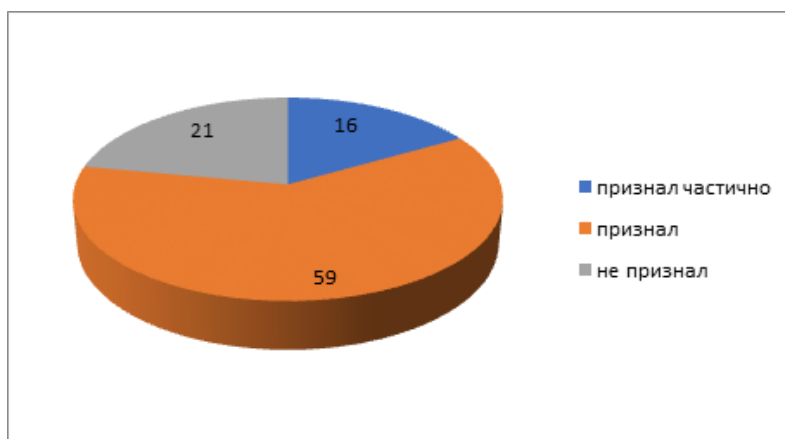

Рис. 7. Признание вины (в %)

Fig. 7. Guilty plea (%)

Таблица 4. Тип учреждения (в %)

Table 4. Type of prison (%)

ИК	54
СИЗО, ПФРСИ	38
КП	3
Больница	2
ЛИУ	1
Тюрьма	1

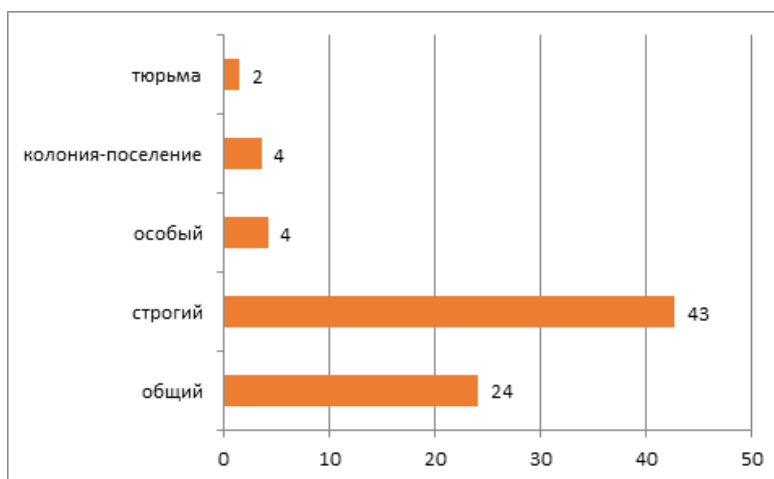

Рис. 8. Вид режима содержания (в %)

Fig. 8. The form of imprisonment (%)

Условия отбывания наказания были обычные (43 %) или общие (19 %).

16 % суицидентов состояли на психиатрическом учете с различными диагнозами, в том числе параноидаль-

ная шизофрения, олигофрения, органическое расстройство личности, диссоциальное расстройство личности, депрессивный синдром, острое галлюцинаторное расстройство, аффективно-бредовой синдром и др.

Таблица 5. Условия отбывания наказания (в %)

Table 5. Conditions of the service (%)

общие	19
обычные	43
облегченные	3
строгие	7
одиночная камера	4
камера (не более двух человек)	7

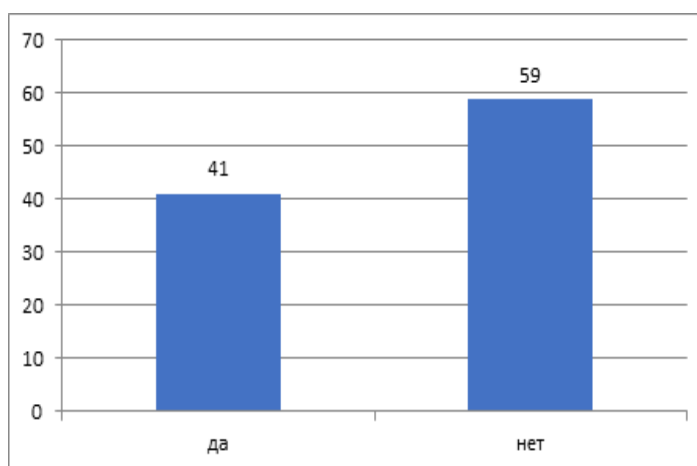

Рис. 9. Состоял ли осужденный на профилактическом учете учреждения (в %)

Fig. 9. The convicted person listed in the preventive record of a prison (%)

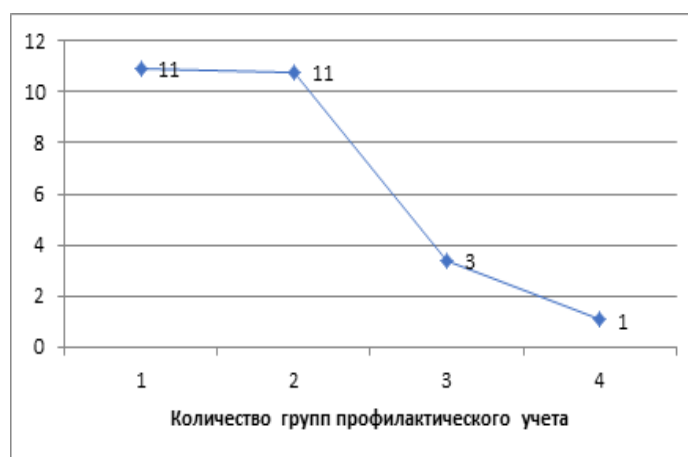

Рис. 10. Количество групп профилактического учета у лиц, склонных к суициду и членовредительству (в %)

Fig. 10. Number of the preventive lists of the persons inclined to suicidal behavior and self-harm (%)

Обращает на себя внимание тот, факт, что из числа лиц, склонных к суициду и членовредительству (26%), со-

вершивших суицид, более половины состояли на нескольких видах профилактического учета учреждения (15%).

Обобщенный портрет суицидента

Подозреваемый, обвиняемый и осужденный, совершивший суицид – это:

– мужчина в возрасте 37 лет; неверующий; имеющий среднее специальное образование; не состоящий в браке; бездетный;

– мог иметь тяжелые хронические заболевания (ВИЧ-инфекция, наркомания, алкоголизм, туберкулез); не иметь родственников и родных; не иметь жилья; не поддерживать отношения с близкими людьми;

– по юридическому статусу являлся осужденным, имел первую судимость, был осужден за преступления против жизни и здоровья человека, сроком на 7 лет; признавший вину в совершенном преступлении;

– содержался в исправительной колонии строгого режима; в обычных условиях отбывания наказания;

состоял на профилактическом учете, в том числе как склонный к суициду и членовредительству;

– мог состоять на нескольких видах профилактического учета; быть склонен к посягательствам на половую свободу и неприкосновенность личности, состоять на психиатрическом учете.

Под данную обобщенную характеристику подходит значительная часть подозреваемых, обвиняемых и осужденных, поэтому важную роль имеют именно психологические характеристики.

Психологическая характеристика подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших суицид

В таблице 6 приведена частота встречаемости личностных качеств, подозреваемых, обвиняемых и осужденных, упоминаемых в информационных карточках.

Таблица 6. Личностные качества осужденных, совершивших суицид (процентная доля рассчитывалась от объема выборки)

Table 6. Personal characteristics of the convicted who have committed suicide (Share based on the volume of a sample)

№	Качества	Кол-во	%
1	эмоциональная неустойчивость	31	20,7
2	тревожность	25	16,7
3	импульсивность	19	12,7
4	низкий контроль	16	10,7
5	завышенная самооценка	16	10,7
6	интеллект ниже среднего	16	10,7
7	средний интеллект	14	9,3
8	неуверенность в себе	13	8,7
9	избирательность /общения/	12	8,0
10	бесконфликтность	11	7,3
11	общительность	8	5,3
12	адекватность /поведения/	8	5,3
13	чувствительность к критике	8	5,3
14	депрессивность	8	5,3
15	эгоизм	7	4,7
16	непринятие общественных норм	7	4,7
17	склонность к демонстративно-шантажному поведению	7	4,7
18	недоверчивость	6	4,0
19	обидчивость	6	4,0
20	чувствительность	6	4,0
21	склонность к суициду	6	4,0
22	склонность к наркомании, алкоголизации	6	4,0
23	криминальная зараженность	6	4,0

№	Качества	Кол-во	%
24	спокойствие	6	4,0
25	настороженность	5	3,3
26	подозрительность	5	3,3
27	замкнутость	5	3,3
28	непредсказуемость в поступках	5	3,3
29	отсутствие криминальной зараженности	5	3,3
30	ранимость	4	2,7
31	нерешительность	4	2,7
32	решительность	4	2,7
33	склонность к риску	4	2,7
34	уход от ответственности	4	2,7
35	отрицательная концепция окружающего мира	4	2,7
36	вспыльчивость	4	2,7
37	жесткость	3	2,0
38	агрессивность	3	2,0
39	болезненное самолюбие	3	2,0
40	отсутствие жизненных планов на будущее	3	2,0
41	цинизм	3	2,0
42	целеустремленность	3	2,0
43	скрытность	2	1,3
44	уязвимость	2	1,3
45	ревнивость	2	1,3
46	раздражительность	2	1,3
47	отсутствие социально-значимых ценностей	2	1,3
48	безразличие	2	1,3
49	прямолинейность	2	1,3
50	злопамятность	2	1,3
51	упрямство	2	1,3
52	склонность к саморазрушению	1	0,7
53	негативизм	1	0,7

В ходе контент-анализа карточек Ос.Сзд. были отобраны 53 личностных качества, которые чаще присутствовали в психологических портретах суицидентов.

Таким образом, проведенный анализ карточек Ос.Сзд. позволяет составить первичный психологический портрет осужденного, склонного к аутоагрессии. Чаще всего это эмоционально-неустойчивый и тревожный человек, который обладает низким уровнем самоконтроля интеллекта. В отношениях с людьми он эгоцентричен и недоверчив, агрессивен и импульсивен, неуверен в себе. Он склонен к риску и саморазрушающему поведению.

Психологическая характеристика на основе результатов психодиагностических обследований

В настоящее время не существует универсального метода для определения суицидального риска. Тесто-

вые методики, опросники и анкеты являются одними из наиболее распространенных инструментов, используемых при оценке склонности к самоубийству.

Опросники, используемые для оценки суицидального риска, можно условно разделить на две группы:

- методики, включающие прямые вопросы о наличии суицидальных мыслей, переживаний, намерений и т.д. (например, шкала суицидального поведения, опросник суицидального риска и др.);

- опросники выявляющие личностные особенности, наиболее тесно связанные с высокой вероятностью совершения суицида (методика исследования акцентуаций характера Смишека, многофакторный личностной опросник «Мини-Мульт» и др.).

Нами были собраны результаты психологических обследований осужденных, совершивших суицид по 71 психодиагностической методике. Для дальнейшего анализа и построения усредненных

профилей подозреваемых, обвиняемых и осужденных, склонных к суициду, были взяты методики, количество респондентов по которым было не менее 10 (таблица № 7).

Таблица 7. Методики психологического исследования личности (n=179)

Table 7. Methods of the psychological personality testing (n=179)

№	Сокращенное название методики по программе АРМПП	Количество респондентов	% (n=179)
1	16 PF C	10	5,6
2	СТАИ	10	5,6
3	НЭП	10	5,6
4	ППО	10	5,6
5	СЖО	10	5,6
6	СПС	12	6,7
7	ВД	13	7,3
8	ИТО	13	7,3
9	SEA	15	8,4
10	Сонди	15	8,4
11	ВСК	19	10,6
12	КИЛО	21	11,7
13	SBS	26	14,5
14	Мини-мульти	58	32,4
15	Смишек	66	36,9
16	LusherHands	87	48,6
17	ОСР	167	93,3

Из данных, приведенных в таблице 7, следует, что при обследовании подозреваемых, обвиняемых, осужденных использовалось 17 методик, из них 7 методик комплексного исследования личности осужденного и 2 методики, направленные на определение склонности к суицидальному поведению:

1. Опросник суицидального риска.
2. Тест М. Люшера.
3. Методика исследования акцентуаций характера Смишека.
4. Многофакторный личностной опросник «Мини-Мульти».
5. Шкала суицидального поведения.
6. Методика комплексного исследования личности осужденного.
7. Оценка уровня волевого самоконтроля.
8. Тест восьми влечений Сонди.
9. Шкала оценки эмоциональной возбудимости.

10. Индивидуальный типологический опросник.
11. Личностный опросник агрессивности Басса-Дарки.
12. Самооценка психического состояния.
13. Методика изучения смысловых ориентаций.
14. Диагностика потребностей в поисках ощущений.
15. Личностный опросник Г. Айзенка.
16. Шкала реактивной и личностной тревожности.
17. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла.

В ходе анализа усредненных профилей различных методик отобраны три комплексных методики, по показателям которых были получены значения, превышающие статистическую норму: методика комплексного исследования личности осужденного, многофакторная личностная методика Р. Кеттелла, многофакторный личностной опросник «Мини-мульти»³.

Осужденные, которые совершили суицид, в той или иной степени были склонны к риску (СР = 7). Данное

³ Для определения статистической нормы использовалась стандартная шкала стенов (M = 5,5 и $\sigma = 2$).

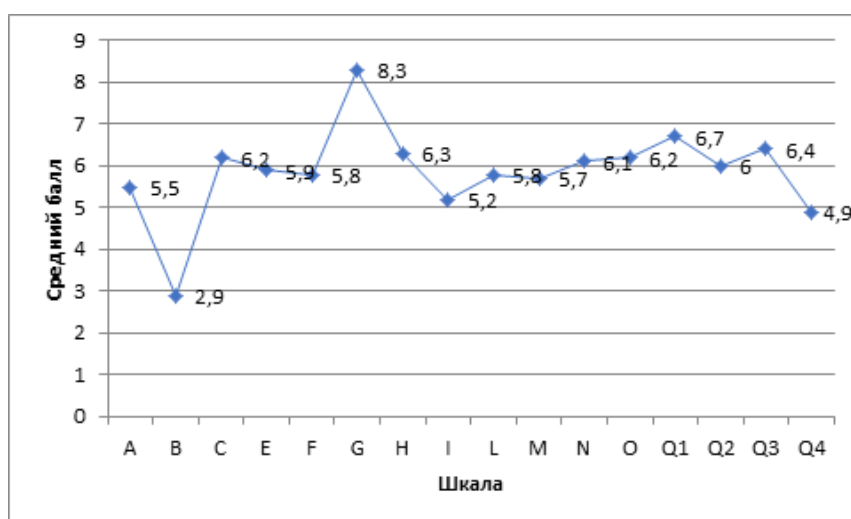

Рис. 11. Усредненный профиль по многофакторной личностной методике Р. Кеттелла

Fig. 11. Average profile according to the Cattell's multi factor personal model

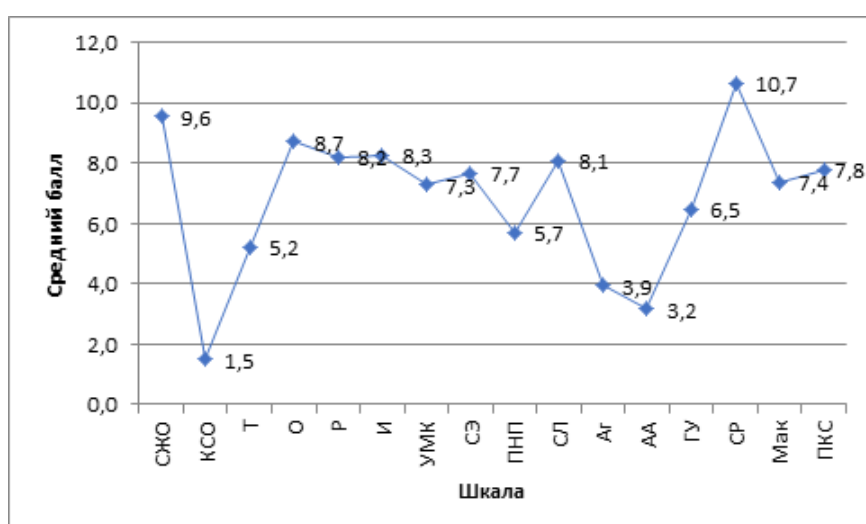

Рис. 12. Усредненный профиль по методике комплексного исследования личности осужденного

Fig. 12. Average profile according to a method of a comprehensive research of a convicted person

поведение носило девиантный характер, возможно, окрашивалось агрессией.

Коррекционное воздействие пенитенциарных психологов следует направить на клонность осужденных к членовредительству и суицидальному поведению.

Обсуждение результатов исследования

Изучены личностные особенности подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших суицид, условия и обстоятельства совершения суицидов. Проведен анализ информации на подозреваемых, об-

виняемых и осужденных, совершивших суициды в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в 2020 году (карточки по форме «Ос. Сцд.», заключения служебных проверок по фактам совершения суицидов), а также результатов психологических обследований подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших суициды в учреждениях уголовно-исполнительной системе Российской Федерации в 2020 году. В ходе исследования осуществлен сбор и анализ информации о подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших суицид. Авторами проведены обработка и обобщение поступившей ин-

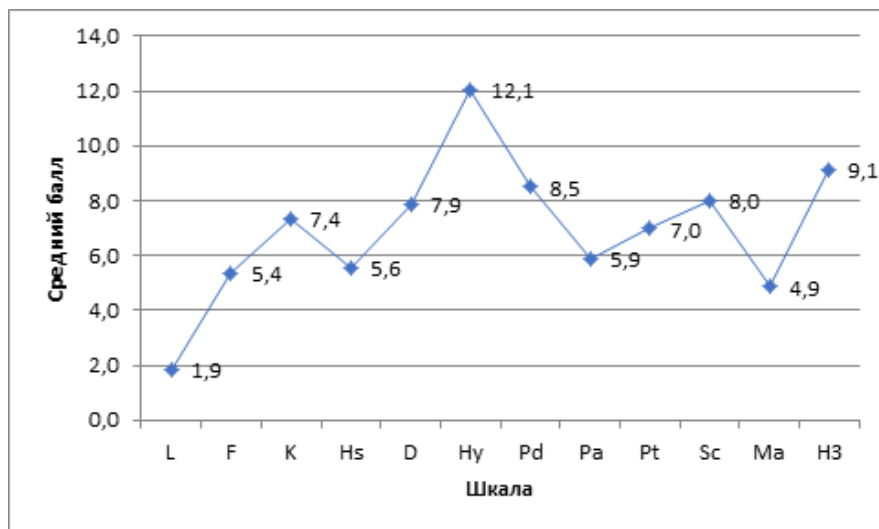

Рис. 13. Усредненный профиль по многофакторному личностному опроснику «Мини-Мульт»

Fig. 13. Average profile according to the multi factor personal questionnaire Mini-Mult

формации, созданы сводные таблицы данных для дальнейшего статистического анализа.

Выводы

Таким образом, согласно обзорам по суицидам УВСПР ФСИН России за период 2015–2020 гг., показатель уровня самоубийств среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных остается выше среднего уровня суицидов по России в целом.

Анализ информационных карточек по форме «Ос. Сзд.» и результатов психологических обследований позволяет дать первичный портрет подозреваемого, обвиняемого и осужденного, совершившего суицид. Это:

- мужчина в возрасте 37 лет; неверующий; имеющий среднее специальное образование; не состоящий в браке; бездетный (социально-демографическая характеристика);

- по юридическому статусу являлся осужденным, имел первую судимость, был осужден за преступления против жизни и здоровья человека, сроком на 7 лет; признавший вину в совершенном преступлении (уголовно-правовая характеристика);

- содержался в исправительной колонии строго режима; в обычных условиях отбывания наказания; состоял на профилактическом учете, в том числе как склонный к суициду и членовредительству (уголовно-исполнительная характеристика);

- эмоционально неустойчивый и тревожный человек, обладающий низким уровнем самоконтроля и интеллекта, в отношениях с людьми эгоцентричен и недоверчив, агрессивен и импульсивен, неуверен в себе (социально-психологическая характеристика).

Среди негативных условий и обстоятельств, способствовавших совершению самоубийства, выделяются:

- первый год заключения под стражу, особенно первый месяц лишения свободы;

- увеличение количества суицидов с 1 по 30 (31) число (если анализировать календарный месяц) с пиками их совершения в середине (11–15 день) и в конце (26–31 день);

- снижение количества суицидов в течение суток с небольшой суицидальной активностью ночью и днем;

- совершение суицидов в малолюдных местах, таких как камерные помещения, производственные участки, комнаты приватности и подсобные помещения;

- совершение суицида подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными путем повешенья и нанесения себе порезов;

- наличие у части суицидентов психических отклонений, актов членовредительств и попыток суицида ранее, психотравмирующей ситуации и предсмертных записок.

Выявлены статистически достоверные корреляционные связи объективных показателей (данные информационных карточек «Ос. Сзд.») с суицидальными намерениями подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших суицид (данные опросника суицидального риска):

- чем старше осужденный, тем сильнее у него проявляется чувство некомпетентности и невозможности конструктивно планировать свое будущее;

- чем ниже уровень образования осужденного, тем сильнее у него выражен социальный пессимизм;

- осужденные, не имеющие семейных отношений (холост, разведен и т.п.), больше склонны к поиску норм, оправдывающих суицидальное поведение;

– чем больше у осужденного судимостей, видов профилактического учета, попыток членовредительств и суицидов в прошлом, тем выше риск его суицидального поведения;

– факт признания вины в совершенном преступлении связан с отрицательной концепцией окружающего мира, восприятием его как враждебного;

– вступление приговора в законную силу способствует поиску ценностей и нормативов, оправдывающих суицидальное поведение, делающих его привлекательным.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что всестороннее изучение личности суицидента – подозреваемого, обвиняемого или осужденного, причин и мотивов совершения суицидов, выявление осужденных, склонных к суицидам, и постановка их на профилактический учет – необходимое направление работы по профилактике суицидов в пенитенциарной среде. Результаты проведенного исследования позволят разработать систему мер по их профилактике.

Список литературы

- Амбрумова, А. Г., Бородин, С. В., Михлин, А. С. (1980). *Предупреждение самоубийств*. Москва: Академия МВД СССР.
- Ананьев, О. Г., Симакова, Т. А. (2020). К вопросу о профилактике суицидального поведения осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы. В Ю.А. Михайлова и др. (ред.), *Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития: сборник материалов II Международной научно-практической конференции 31 мая 2020 года* (стр. 17-22). Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России.
- Анисимов, А. Г. (2021). Молодежные суициды как объект научного исследования. В А.М. Бычкова, Н.В. Кешикова (ред.), *Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы X Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 1 октября 2021 года* (стр. 162-167). Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).
- Гизатулина, А. А., Тараданов, А. А. (2017). *Логика самоубийства: монография*. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета.
- Гишинский, Я. И., Смолинский, Л. Г. (1988). Социодинамика самоубийств. *Социологические исследования*, 5, 57-64.
- Гишинский, Я. И. (2011). Самоубийство как социальный феномен. *Социологический журнал*, 2, 39-48.
- Гишинский, Я. И. (2021). 50 лет российской девиантологии. *Вопросы девиантологии*, 1(5), 9-32.
- Кириллова, Т. В., Кузнецов, М. И. (2022). Нормативно-правовое регулирование воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 3(238), 41-47. <https://doi.org/10.51522/2307-0382-2022-238-3-41-47>
- Корышева, С. Е. (2019). Девиантное поведение личности: виды и формы. В Д.В. Сочивко (ред.), *Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов, 5 апреля 2019 года* (стр. 312-316). Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
- Кулакова, С. В., Новиков, А. В., Кротова, Д. Н. (2019). Детерминанты суицидального поведения. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 8(2-1), 139-146.
- Кулакова, С. В. (2021). Анализ проблемных аспектов и совершенствование мер профилактики суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. В V *Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий): сборник тезисов выступлений и докладов участников*. В 9-ти томах, 17-19 ноября 2021 года (стр. 304-308). Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
- Рогов, А. В. (2019). Личность осужденного, склонного к суициду: общая характеристика и психологическая коррекция. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 1(200), 52-58.
- Тимерзянов, М. И., Газизянова, Р. М., Низамов, А. Х. (2015). Анализ завершенных суицидов среди заключенных в системе УФСИН России по РТ (по г. Казани). *Вестник современной клинической медицины*, 8(6), 85-89.
- Ушакова, Е. С. (2010). *Суицидальный риск: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук*. Санкт-Петербург.
- Шредер, О. Б., Быковская, Г. В. (2021). К вопросу об особенностях когнитивных процессов осужденных, склонных к совершению суицида и членовредительства. В *Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Томск, 11-12 ноября 2021 года* (стр. 301-310). Томск: Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России.
- Маркова, С. В., Никитская, Е. А. (2021). Проблема суицидов в подростковой и молодежной среде: факторы риска, профилактика суицидального поведения. *Российский девиантологический журнал*, 1(1), 127-136. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-127-136>

References

- Ambrumova, A. G., Borodin, S. V., Mihlin, A. S. (1980). *Preduprezhdenie samoubijstv*. Moscow: Akademiya MVD SSSR.
- Anan'ev, O. G., Simakova, T. A. (2020). K voprosu o profilaktike suicidal'nogo povedeniya osuzhdennykh, otbyvayushchih nakazaniya v mestah lisheniya svobody. V Yu.A. Mihajlova i dr. (red.), *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: realii i perspektivy razvitiya: sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 31 maya 2020 goda* (str. 17-22). Pskov: Pskovskij filial Akademii FSIN Rossii.
- Anisimov, A. G. (2021). Molodezhnye suicidy kak ob'ekt nauchnogo issledovaniya. V A.M. Bychkova, N.V. Keshikova (red.), *Problemy sovremenno go zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnykh stran: materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, g. Irkutsk, 1 oktyabrya 2021 goda (str. 162-167). Irkutsk: Irkutskij institut (filial) VGUYU (RPA Minyusta Rossii).
- Gizatulina, A. A., Taradanov, A. A. (2017). *Logika samoubijstva: monografiya*. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Gilinskij, Ya. I., Smolinskij, L. G. (1988). Sociodinamika samoubijstv. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5, 57-64.
- Gilinskij, Ya. I. (2011). Samoubijstvo kak social'nyj fenomen. *Sociologicheskij zhurnal*, 2, 39-48.
- Gilinskij, Ya. I. (2021). 50 let rossijskoj deviantologii. *Voprosy deviantologii*, 1(5), 9-32.
- Kirillova, T. V., Kuznecov, M. I. (2022). Normativno-pravovoe regulirovanie vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy*, 3(238), 41-47. <https://doi.org/51522/2307-0382-2022-238-3-41-47>
- Korysheva, S. E. (2019). Deviantnoe povedenie lichnosti: vidy i formy. V D.V. Sochivko (red.), *Psihologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya: sbornik materialov Vserossijskogo simpoziuma psihologov, 5 aprelya 2019 goda* (str. 312-316). Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy.
- Kulakova, S. V., Novikov, A. V., Krotova, D. N. (2019). Determinanty suicidal'nogo povedeniya. *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 8(2-1), 139-146.
- Kulakova, S. V. (2021). Analiz problemnykh aspektov i sovershenstvovanie mer profilaktiki suicidal'nogo povedeniya podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii. V V *Mezhdunarodnyj penitenciar'nyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» (priurochennyj k provedeniyu v 2021 godu v Rossijskoj Federacii Goda nauki i tekhnologii): sbornik tezisev vystuplenij i dokladov uchastnikov. V 9-ti tomah, 17–19 noyabrya 2021 goda* (str. 304-308). Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy.
- Rogov, A. V. (2019). Lichnost' osuzhdennogo, sklonnogo k suicidu: obshchaya harakteristika i psihologicheskaya korrekciya. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy*, 1(200), 52-58.
- Timerzyanov, M. I., Gazizyanova, R. M., Nizamov, A. H. (2015). Analiz zavershennykh suicidov sredi zaklyuchennykh v sisteme UFSIN Rossii po RT (po g. Kazani). *Vestnik sovremennoj klinicheskoy mediciny*, 8(6), 85-89.
- Ushakova, E. S. (2010). *Suicidal'nyj risk: sociologicheskij analiz: dis. ... kand. sociol. nauk*. Saint Petersburg.
- Shreder, O. B., Bykovskaya, G. V. (2021). K voprosu ob osobennostyah kognitivnykh processov osuzhdennykh, sklonnykh k soversheniyu suicida i chlenovreditel'stva. V *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psihologiya i pravo: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Tomsk, 11–12 noyabrya 2021 goda (str. 301-310). Tomsk: Tomskij institut povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii.
- Markova, S. V., Nikitskaya, E. A. (2021). Problema suicidov v podrostkovo i molodezhnoy srede: faktory riska, profilaktika suicidal'nogo povedeniya. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1(1), 127-136. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-127-136>

Информация об авторах:

Татьяна Васильевна Кириллова – доктор педагогических наук, профессор, эксперт РАН.

Александр Викторович Рогов – кандидат психологических наук.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 10.03.2022

Одобрена после рецензирования 18.04.2022

Опубликована 29.07.2022

About the authors:

Tat'yana V. Kirillova – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Expert of the Russian Academy of Sciences.

Alexander V. Rogov – Candidate of Psychological Sciences.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted March 10, 2022

Approved after reviewing April 18, 2022

Accepted July 29, 2022

УДК 159.923.2

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-181-192

Ценностные ориентации бывших сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение коррупционных преступлений

Кобозев Игорь Юрьевич

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
igorkobozev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3008-7886

Аннотация

Проблема коррупции является одной из старейших и вместе с тем не теряющей актуальности по сей день. Она актуальна во всем мире и затрагивает в первую очередь государственных служащих, обладающих властными полномочиями. Одной из важнейших государственных систем является правоохранительная, и проблема коррупции в ней имеет существенное значение, так как не решена практически во всем мире. Чаще всего данная проблема рассматривается в правовой и криминологической плоскостях, но окончательного разрешения она так и не получила. В последние годы наметилась тенденция рассмотрения данной проблемы с позиций психологии и девиантологии, начали проводиться отдельные исследования психологических причин коррупционного поведения.

Теоретический анализ актуальных научных работ по психологии коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел позволил выявить наиболее значимые личностные качества, способствующие коррупционному поведению, среди которых чаще всего упоминаются мотивационная и ценностная сферы личности. Для подтверждения значимости ценностной сферы личности в формировании коррупционного поведения нами проведено собственное эмпирическое исследование терминальных ценностей и ценностных ориентаций как действующих сотрудников Госавтоинспекции, так и бывших сотрудников, находящихся в заключении за совершение преступлений коррупционной направленности, осужденных по ст. 290 УК РФ – получение взятки и ст. 286 УК РФ – превышение должностных полномочий. Для решения поставленной задачи нами проводился сравнительный анализ показателей терминальных ценностей и ценностных ориентаций указанных групп респондентов.

По итогам проведенного анализа нам удалось подтвердить существенное влияние ценностной сферы личности на проявление коррупционного поведения. При этом у лиц, совершивших коррупционные преступления, выявлены доминирование материальных ценностей, личностных и семейных ценностей, стремление выделиться и быть независимым. Полученные результаты исследования могут быть использованы при проведении профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел и при организации психологической работы по профилактике коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова

коррупционное поведение, психологические личностные свойства, психодиагностическое исследование, сравнительный анализ, сотрудники полиции, ценностная сфера личности, ценностные ориентации, терминальные ценности

Для цитирования: Кобозев, И. Ю. (2022). Ценностные ориентации бывших сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение коррупционных преступлений. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 181–192. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-181-192.

Core values of the former police officers convicted of corruption crimes

Igor' Yu. Kobozev

Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Saint Petersburg, Russia)

igorkobozev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3008-7886

Abstract

The problem of corruption is one of the oldest ones, and it has not lost its relevance to this day. It is relevant all over the world and affects primarily public servants in the position of power. One of the most important state systems is law enforcement and the problem of corruption in its ranks is of significant importance and has not been resolved almost all over the world. Most often, this problem is considered in the legal and criminological spheres, but it has not received a final solution. In recent years, there has been a tendency to consider this problem from the standpoint of psychology and deviantology, and separate studies of the psychological causes of corrupt behavior have been conducted.

A theoretical analysis of the most relevant scientific works on the psychology of corrupt behavior of police officers made it possible to identify the most significant personal qualities that contribute to corrupt behavior, among which the motivation and values of the individual are most often mentioned.

In order to confirm the importance of the individual values in the formation of corrupt behavior, we conducted an empirical study of the terminal values and core values of both current employees of the State traffic inspectorate and former employees imprisoned for committing corruption crimes under Art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation (taking a bribe) and Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation (abuse of power). To prove our hypothesis, we carried out a comparative analysis of indicators of terminal values and core values between the chosen samples.

Based on the results of the analysis, we were able to confirm the significant influence of the individual values on the manifestation of corrupt behavior. The analysis revealed that the persons who committed corruption crimes preferred material values, personal and family values, the desire to stand out and be independent. The obtained research results can be used by the professional psychologists in the candidates selection in the law enforcement and in the organization of psychological support and prevention of corrupt behavior among the police officers.

Keywords

corrupt behavior, psychological personality traits, psychodiagnostic research, comparative analysis, police officers, personal value sphere, value orientations, terminal values

For citation: Kobozev, I. Yu. (2022). Value orientations of former employees of the internal affairs bodies convicted of corruption crimes. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(2), 181–192. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-181-192.

Введение

Проблема коррупции государственных служащих остается актуальной, несмотря на титанические усилия, предпринимаемые государствами во всем мире. Борьба с этим явлением носит достаточно системный характер и ведется на разных уровнях – психологическом, ценностном, правовом. Но, как уже отмечалось выше, абсолютного искоренения данного негативного явления пока не достигло ни одно государство в мире. Хотя можно отметить отдельные успехи, связанные, как правило, с личностями ряда политических лидеров разных государств (Ли Куан Ю – Южная Корея, И. В. Сталин – СССР, А. Г. Лукашенко – Белоруссия и др.). Пути борьбы также достаточно разнообразны по интенсивности,

накалу и степени жестокости – от моральных увещаний до смертной казни за коррупционные преступления. В целом можно отметить, что данная проблема имеет психологическое, морально-ценностное и правовое «измерения». В рамках нашего исследования мы остановимся на первых двух в отношении сотрудников полиции Российской Федерации.

Актуальность данной проблемы для правоохранительных органов и органов внутренних дел Российской Федерации подчеркивают статистические данные. По данным Следственного комитета, в 2019 году за преступления коррупционной направленности предстали перед судом 969 сотрудников правоохранительных органов, из них 752 сотрудника органов внутренних дел,

181 сотрудник ФСИН, 9 сотрудников прокуратуры и 27 сотрудников Следственного комитета¹, а по данным Генпрокуратуры, в 2020 году уже более 1400 сотрудников правоохранительных органов осуждены за коррупционные преступления². Из приведенных данных виден существенный рост числа преступлений коррупционной направленности среди сотрудников правоохранительных органов, что не может не вызывать озабоченности.

Психологический и морально-ценностный аспект противодействия коррупционным преступлениям в органах внутренних дел Российской Федерации представляется наиболее значимым, поскольку правовое регулирование и правовые меры борьбы с коррупцией применяются достаточно долго и имеют многовековую историю, причем последние статистические данные не позволяют говорить об их успешности. Изучение же психологического и морально-ценностного аспектов коррупционных правонарушений имеет сравнительно короткую историю и еще не в полной мере раскрывает суть, компоненты, причины и условия проявления такого типа поведения. Психологические исследования по данной тематике в органах внутренних дел продолжаются и не теряют своей актуальности. Так, все сотрудники, начиная с 2014 г., при поступлении на службу проходят специальные психофизиологические исследования на полиграфе, в ходе которого выявляются факторы риска, среди которых и «склонность к злоупотреблению должностными полномочиями»³, что еще не дает оснований говорить о полном искоренении данного негативного поведения сотрудников. Таким образом, необходимо понять, как получается, что сотрудники, прошедшие многоуровневый профессионально-психологический отбор, ежегодно проходящие психодиагностические обследования, являющиеся объектами морально-психологической подготовки, одной из целей которой является формирование коррупционной устойчивости, все равно совершают правонарушения коррупционной направленности.

Коррупционное поведение, с точки зрения психологической науки, относится к одному из видов девиантного, а именно – делинквентному, или правонарушающему. Сами девиантологи отмечают, что их наука носит междисциплинарный характер и в своем предметном поле пересекается с социологией, культурологией, криминологией, правом, медициной, педагогикой, психологией (Змановская, 2021) и др. Следует отметить, что единого подхода к рассматриваемой проблематике до сих пор не сложилось, и это во многом

предопределяет и доказывает высокую сложность рассматриваемых проблем. Вполне очевидно, что решение проблем девиантного поведения невозможно в рамках одной дисциплины, необходим интегральный, междисциплинарный и системный подход, опирающийся на последние научные достижения всего многообразия смежных научных дисциплин.

Как отмечает один из ведущих девиантологов России Е. В. Змановская, «в системогенезе всех девиаций личность играет ведущую роль, выступая субъективной основой для формирования девиантной направленности и девиантного поведения и отдельного человека, и группы индивидов. В связи с этим психология нередко выступает общетеоретической и методической основой для различных дисциплин, изучающих девиантное поведение» (Змановская, 2021, с. 17). Поэтому представляется вполне оправданным научный подход, использованный нами в настоящем исследовании, опирающийся на сравнительное изучение личностных свойств действующих сотрудников полиции и бывших сотрудников полиции осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности (ст. 290 УК РФ – получение взятки, и ст. 286 УК РФ – превышение должностных полномочий).

Обзор литературы

Проблема коррупции в большинстве случаев рассматривается как правовая, экономическая или социальная, анализ данной проблемы с позиций психологической науки или девиантологии встречается достаточно редко. Одной из первых монографий по психологии коррупции в нашей стране была монография М. М. Решетникова «Психология коррупции: утопия и антиутопия» (Решетников, 2018), впервые изданная в 2009 году. В ходе детального рассмотрения психологических причин коррупционного поведения автор приходит к заключению, что природа коррупции в настоящее время с точки зрения психологии изучена достаточно поверхностно и не до конца, имеется заметная деградация или изменения общественной морали в сторону приемлемости личностного корыстного обогащения без учета общественных интересов, что зачастую приводит к стремлению во властные структуры именно исходя из корыстных побуждений, возможности «монетизировать» властные полномочия в свою пользу.

Имеется ряд исследований коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел, проведенных ведомственными психологами, в основном

¹ URL: <https://www.rbc.ru/society/09/12/2019/5dee0be29a794726cc72c124> (дата обращения 04.02.2021 г.).

² URL: <https://usb-mvd.ru/protovodeystvie-korrupcyi/statistika-korrupsionnykh-prestuplenij-za-2020-god> (дата обращения 04.02.2021 г.).

³ Постановление Правительства РФ от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации».

направленные на изучение психологических особенностей сотрудников, чаще всего оказывающихся осужденными за преступления коррупционной направленности – сотрудников Госавтоинспекции МВД России. В частности, Ю. В. Юринова указывает на то, что коррупционные преступления всегда предполагают взаимодействие нескольких сотрудников, установление между ними неофициальных форм отношений. Кроме того, при такого рода взаимодействии участники видят друг в друге не человека, не личность, а средство достижения корыстных целей (Юринова, 2014).

В. Е. Петров и А. Ф. Караваев вводят показатель «степень антикоррупционной устойчивости поведения», которая, по их мнению, является «интегральной характеристикой личности, определяющей поведение сотрудника в ситуации конфликта интересов, которая, соответствуя закону, нравственным ориентирам и ценностям общества, выступает сдерживающим началом, препятствующим коррупционно опасному поведению» (Петров, Караваев, 2014), и «степень склонности к коррупционно-опасному поведению», заключающуюся в «своеобразии личности сотрудника, допускающей возможность демонстрации им коррупционно опасного поведения» (Петров, Караваев, 2014), выявляемые на основе шкал Калифорнийского психологического опросника (CPI). Авторы предлагают методику расчета указанных показателей с вероятностью правильной классификации сотрудников от 57 % до 61 % и выделяют психологические показатели CPI, наиболее значимые для выявления риска коррупционного поведения: ответственность, обычность (конформизм), самодостаточность, прагматизм и чувство справедливости, интернальность, легкомысленное отношение к жизни и деятельности, асоциальные установки, противопоставление себя обществу, зависимость и пассивно-агрессивное поведение, повышенная приспособляемость, гибкость и спонтанность. В целом можно отметить, что результаты данного исследования достаточно конкретны и технологичны в плане выявления рисков коррупционного поведения, но опираются на показатели лишь одной психодиагностической методики и практически не затрагивают мотивационную и ценностную сферы личности, что, возможно, определило достаточно невысокие прогностические возможности представленной методики оценки рисков коррупционного поведения.

Исследования А. В. Кокурина и В. Е. Петрова указывают на то, что сотрудники, совершающие преступления коррупционной направленности, находятся в достаточно молодом возрасте (около 70 % в возрасте 20–30 лет), стаж службы в органах внутренних дел менее 10 лет, на основании чего авторы выдвигают гипотезы о том что, на службу приходят изначально корыстно-ориентированные личности, и профессионально-психологический отбор не выявляет их, либо

склонность к коррупционному поведению развивается на начальном этапе службы в силу влияния профессиональной среды и неспособности молодых сотрудников противостоять корыстным соблазнам, что указывает на несформированность или деформированность их моральных и ценностных качеств личности (Кокурин, Петров, 2017). Среди сотрудников органов внутренних дел, совершивших коррупционные преступления, 30–55 % имеют высшее образование и 40–60 % среднее специальное, что указывает на их достаточно высокую информированность в правовых вопросах и проводимую с ними ранее работу по формированию моральной и нравственных сфер личности. Многие сотрудники на момент совершения коррупционных преступлений состояли в браке и имели детей (от 40 % до 70 %). В целом,

”

Проблема коррупции в большинстве случаев рассматривается как правовая, экономическая или социальная, анализ данной проблемы с позиций психологической науки или девиантологии встречается достаточно редко.

“

по мнению авторов, вероятность совершения преступлений коррупционной направленности сотрудниками органов внутренних дел связана с властными полномочиями – чем больше полномочий, тем больше вероятность совершения данного рода преступлений. В качестве основных индивидуально-психологических особенностей сотрудников органов внутренних дел, совершающих преступления коррупционной направленности, выступают характеристики нравственно-ценностной сферы и волевой регуляции.

Системно проблему психологии коррупционного поведения рассматривает в своей монографии «Психология коррупционного поведения государственных служащих» О. В. Ванновская (Ванновская, 2019). Согласно ее концепции, в основе системной детерминации коррупционного поведения лежит дихотомия

двух элементов: коррупционного давления и антикоррупционной устойчивости, либо полярного качества – склонности к коррупции. При этом под коррупционным давлением понимается совокупность внешних и внутренних воздействий на государственного служащего, лежащих в основе выбора получения личной выгоды за счет имеющихся полномочий или отказа от него. В свою очередь, антикоррупционная устойчивость или склонность к коррупции являются личностными свойствами, определяющими выбор либо законопослушного, либо коррупционного поведения. Таким образом, системная детерминация коррупционного поведения основывается на взаимодействии внутренних и внешних факторов. Среди внешних факторов на первое место выходят социально-экономическое состояние общества, уровень воспитания особенности микросоциума, тогда как к ведущим внутренним факторам О. В. Ванновская относит в первую очередь духовно-нравственный уровень развития личности, ее когнитивные способности, мотивационную и потребностную сферы, а также конституциональные качества личности, прежде всего темперамент и эмоциональную устойчивость (Ванновская, 2018).

Как отмечают М. В. Кроз и Н. А. Ратникова, исследования психологических особенностей коррупционного поведения в нашей стране проводятся сравнительно недавно и не имеют окончательных результатов (Кроз, Ратинова, 2018). В своем исследовании авторы опирались на концепцию коррупционного поведения госслужащих О. В. Ванновской и на ценностно-нормативную теорию личности преступника А. Р. Ратинова. По их мнению, в детерминации коррупционного поведения играет важную роль ценностно-смысловая сфера личности. М. В. Кроз и Н. А. Ратникова подтверждают результаты, полученные А. В. Кокуриным и В. Е. Петровым, которые говорят о преобладании у сотрудников, совершивших коррупционные преступления, интернального локуса контроля (что противоречит результатам О. В. Ванновской). Кроме того, у них отмечаются прагматичность и стремление к получению конкретного результата от любой деятельности, а среди ценностей на первом месте выступают семья и свобода (данный результат также может быть связан с нахождением испытуемых длительное время в заключении).

Интересные результаты получены Э. А. Нурмухаметовым, И. Ф. Нурмухаметовой, и О. И. Политикой по итогам теоретического анализа психологического аспекта феномена коррупции (Нурмухаметов, Нурмухаметова, 2019). По мнению авторов, одной из психологических причин коррупционной деятельности является недостаток личностных и средовых ресурсов человека на этапе становления и развития личности, приводящий к деформации личности и дефицитности нормативного поведения, что оказывает негативное влияние на когнитивную сферу личности и нарушению

нормального межличностного взаимодействия. Данные результаты, однако, противоречат выводам Ю. В. Юриновой, указывающей на то, что коррупционные преступления практически всегда совершаются во взаимодействии. Вместе с тем Ю. В. Юринова также отмечала, что при коррупционном взаимодействии участники не видят в друг друга людей, а обращают внимание в первую очередь на ресурсы и «полезность» человека, что может вполне сочетаться с положениями Э. А. Нурмухаметова, И. Ф. Нурмухаметовой, и О. И. Политики по нарушениям межличностного взаимодействия, уточняя их.

Существенный интерес представляют результаты исследования субъективных представлений бывших сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение коррупционных и корыстных преступлений, проведенного К. В. Злоказовым и М. С. Недилько. Авторы отмечают, что у бывших сотрудников, осужденных за преступления коррупционной направленности, «...существуют представления, отражающие деградацию или несформированность морально-нравственной сферы» (Недилько, Злоказов, 2020, с. 219–220). В качестве индикаторов риска коррупционного поведения авторы предлагают представления ценностно-мотивационной сферы личности о безнаказанности, ценности гедонистического стиля жизни, дегуманизации отношения к окружающим, низкой ценности и значимости общественных норм.

Данные по психологическим особенностям осужденных преступников-коррупционеров, представленные в результатах исследования Д. В. Сочивко, И. С. Ганишина, М. И. Марьина и В. В. Сундукова, позволили авторам выявить «коррупционный тип личности осужденных. В частности, они отмечают, что к настоящему времени в научных работах по данной тематике «...составлены обобщенные личностные характеристики коррупционеров, к ним относятся негативное отношение к закону, жажда наживы, пренебрежение социальными нормами, сознательное искажение морально-нравственных устоев общества, игнорирование негативных последствий коррупции» (Сочивко и др., 2020, с. 7). По результатам их собственного исследования, с помощью статистической обработки полученных данных (кластерный анализ) был выявлен «коррупционный тип личности осужденных», заключающийся в стремлении к власти, доминированию над окружающими, получению высокого социального статуса, низкой адекватности самооценки, изворотливости и макиавеллизме в общении, цинизме, выраженной изворотливости и хитрости, пренебрежении морально-нравственными нормами, склонности к манипулятивному поведению.

В статье Е. В. Чернышевой исследуется влияние компонентов правосознания на проявление коррупционного поведения (Чернышева, 2021). Отмечается, что

выбор коррупционного поведения обусловлен общим уровнем развития правосознания, амбивалентным отношением к коррупции как к неискоренимому явлению в обществе, допущением возможности коррупционного поведения при определенных обстоятельствах, оправдывающих его. Одной из причин коррупционного поведения автор называет низкий моральный уровень представителей государственной власти и установку на оправдание коррупционного поведения различными причинами.

”

Выявление личностных особенностей, способствующих коррупционному поведению сотрудников органов внутренних дел, находит применение в исследовании психологических факторов, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность кандидатов на службу в органах внутренних дел.

“

Выявление личностных особенностей, способствующих коррупционному поведению сотрудников органов внутренних дел, находит применение в исследовании психологических факторов, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность кандидатов на службу в органах внутренних дел. Н. А. Гончарова, А. А. Калашник, В. Л. Ситников отмечают, что в мотивационной сфере таковыми факторами являются стремление к получению властных полномочий, утилитарно-корыстные цели поступления на службу, негативное отношение к нравственным и правовым нормам, стремление самоутвердиться (Гончарова и др., 2021). Данные факторы слабо поддаются коррекции, заметно снижают надежность профессионально-служебной деятельности сотрудников и указывают на существенный риск коррупционного поведения таких кандидатов при приеме на службу. Таким образом, одной из причин непрохождения кандидатами на службу профессионального психологического отбора являются их личностные свойства, определяющие высокий риск коррупционного поведения при поступлении на службу в органы внутренних дел.

В иностранной научной литературе также преобладает правовой и социальный подход к исследованию преступлений коррупционной направленности полицейских, изучению психологических причин коррупционного поведения посвящено немного работ. Среди них обращает на себя внимание подход, объясняющий выбор коррупционного поведения полицейского на основе внутренних и внешних причин, детерминирующих коррупционное поведение полицейских с точки зрения групповой принадлежности и соблазнительности такого рода поведения, усвоения искаженных ролевых позиций и нарушения социальной идентичности (Bleakley, 2021). Также встречается подход к объяснению коррупционного поведения с позиции теории социального научения на основе исследования мексиканских полицейских. В качестве предикторов коррупционного поведения выделяются деятельность полицейских в условиях негативной экономической ситуации в стране, неудовлетворенность работой и отсутствие внутренней лояльности правоохранительной деятельности (Garduno, 2019). Таким образом, в данных работах объяснение причин коррупционного поведения полицейских также во многом сводится к деформациям ценностной и мотивационных сфер личности полицейских, выражающимся на поведенческом уровне в нарушении социальной идентичности, искажении ролевых позиций и утрате лояльности правоохранительной деятельности.

Подводя итог теоретическому обзору исследований психологических особенностей коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел, можно отметить, что практически во всех научных работах отмечается высокая значимость мотивационной и ценностной сфер личности в формировании коррупционного поведения. Вместе с тем при общем признании ведущей роли данной сферы в формировании коррупционного поведения, нет единого мнения о компонентах мотивационной и ценностной сфер личности сотрудников, приводящих к данному поведению. Поэтому представляется достаточно актуальным проведение дополнительно исследования ценностной сферы личности сотрудников, осужденных за совершение коррупционных преступлений, с целью уточнения ее компонентов.

Методология, методы и материалы исследования

Для исследования ценностной сферы личности нами были обследованы действующие сотрудники полиции, проходящие службу в подразделениях Госавтоинспекции ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в количестве 130 человек, и 141 бывший сотрудник полиции, отбывавший наказание в ФКУ ИК-13 ГУФСИН России по Свердловской области г. Нижний Тагил по ст. 290 УК РФ – получе-

ние взятки, 52 человека, и ст. 286 УК РФ – превышение должностных полномочий, 89 человек. В исследовании в обеих группах участвовали испытуемые только мужского пола.

Для исследования ценностной сферы нами были использованы следующие психодиагностические методики:

1. Личностный опросник изучения жизненных (терминальных ценностей), разработанный И.Г. Сениным (ОТеЦ) (Сенин, 2000).

2. Расширенный вариант методики «Ценностные ориентации» вариант 2, разработанной О. И. Мотковым и Т. А. Огневой (Мотков, Огнева, 2008) на основе теории самодетерминации.

Выбор данных методик обусловлен в первую очередь высоким количеством рассматриваемых цен-

ностей, что повышает их общую информационную ценность и позволяет диагностировать внутренние и внешние ценности, противоречия между ними, что дает возможность более подробно изучать причины того или иного поведения респондентов, основанного на атрибуции их ценностной сферы.

Исследование проводилось путем сравнительного анализа показателей методик группы действующих сотрудников Госавтоинспекции и группы бывших сотрудников, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности, с использованием Т-критерия Стьюдента для выявления достоверных отличий.

Результаты исследования

Представлены в таблицах 1, 2, 3.

Таблица 1. Сравнение значений показателей терминальных ценностей методики ОТеЦ групп действующих и бывших сотрудников полиции

Table 1. Comparing the groups of the active and former police officers using the Terminal values questionnaire values

№ п/п	Терминальные ценности	Сотрудники (M±m)	Ранг	Бывшие сотрудники (M±m)	Ранг	P<
1	Собственный престиж	6,87±0,11	2	6,65±0,18	4	-
2	Высокое материальное положение	5,50±0,14	7	6,89±0,16	2	0,001
3	Креативность	5,01±0,15	8	5,82±0,22	8	0,01
4	Активные социальные контакты	6,83±0,17	3	6,84±0,19	3	-
5	Развитие себя	6,34±0,16	4	6,25±0,21	5	-
6	Достижения	7,57±0,16	1	7,55±0,19	1	-
7	Духовное удовлетворение	5,70±0,17	5	5,98±0,22	7	-
8	Сохранение индивидуальности	5,63±0,14	6	6,19±0,22	6	0,05

Таблица 2. Сравнение значений показателей ценности жизненных сфер методики ОТеЦ групп действующих и бывших сотрудников полиции

Table 2. Comparing the life spheres value indicators between the samples of active and former police officers based on the Terminal values questionnaire

№	Ценности	Сотрудники (M±m)	Ранг	Бывшие сотрудники (M±m)	Ранг	P<
1	Сфера профессиональной жизни	5,83±0,14	4	5,91±0,19	4	-
2	Сфера обучения и образования	6,03±0,21	3	5,79±0,25	5	-
3	Сфера семейной жизни	6,83±0,16	2	7,47±0,20	2	0,05
4	Сфера общественной жизни	7,67±0,15	1	7,85±0,19	1	-
5	Сфера увлечений	5,47±0,22	5	6,50±0,22	3	0,001

Таблица 3. Сравнение значимости показателей ценностных ориентаций действующих и бывших сотрудников полиции

Table 3. Comparing the core values significance indicators between the samples of active and former police officers based on the Terminal values questionnaire

№	Ценности	Сотрудники (M±m)	Ранг	Бывшие сотрудники (M±m)	Ранг	P<
1	Материальное благополучие	3,87±0,06	5	4,11±0,07	5	0,05
2	Саморазвитие личности	4,40±0,05	3	4,28±0,06	1	-
3	Известность, популярность	2,93±0,08	9	2,81±0,10	10	-
4	Уважение и помощь людям	4,50±0,05	1	4,26±0,08	2	0,05
5	Физическая привлекательность	3,57±0,08	6	3,84±0,08	6	0,05
6	Теплые, заботливые отношения с людьми	4,37±0,05	4	4,18±0,07	4	0,05
7	Высокое социальное положение	3,50±0,07	7	3,57±0,09	7	-
8	Творчество	3,20±0,09	8	2,99±0,10	9	-
9	Роскошная жизнь	2,87±0,09	10	3,11±0,11	8	-
10	Любовь к природе и бережное отношение к ней	4,47±0,06	2	4,23±0,07	3	0,05

Обсуждение результатов исследования

Анализ полученных данных по методике оценки терминальных ценностей (ОТеЦ), проводился путем ранжирования исследуемых ценностей и сравнительного анализа значений шкал. В таблице 1 приводятся результаты сравнительного анализа терминальных ценностей.

По значимости (рангу) на первом месте в обеих группах занимает шкала «достижения», что свидетельствует о доминировании в обеих группах стремления к достижению конкретных и осязаемых практических результатов в своей жизни, они ориентированы на конкретные практические цели и достижение их служит критерием жизненного успеха и основанием для высокой самооценки.

На втором по значимости месте у сотрудников Госавтоинспекции находится шкала «собственный престиж», что свидетельствует об их стремлении к признанию и уважению со стороны значимых для них людей, для них важно социальное одобрение своего поведения. У бывших сотрудников на втором месте по значимости находится шкала «высокое материальное положение», что указывает на их стремление к высокому достатку, и вообще материальное благополучие для них является главным критерием жизненного благополучия в целом и высокой самооценки (табл. 1).

При этом выявлены достоверные отличия по шкале «высокое материальное положение» между действующими и бывшими сотрудниками. У бывших сотрудников показатель выраженности данной ценности достоверно выше ($p < 0,001$), что указывает на существенно

большую значимость материального благосостояния и стремления к его достижению в первую очередь.

На третьем по значимости месте в обеих группах испытуемых находится шкала «активные социальные контакты», что указывает на их стремление к установлению хороших взаимоотношений со всеми людьми и высокую ценность общения как такового.

На последних местах по значимости у действующих сотрудников находятся ценности «высокое материальное положение» (7-е ранговое место) и «креативность» (8-е ранговое место), что указывает на низкую значимость для них в жизни творческих ценностей, стремления к новому и неизведанному, а также невысокую значимость материального положения и достатка. Вместе с тем данный результат может быть обусловлен и установочным поведением данной группы испытуемых и не может считаться в полной мере достоверным.

В свою очередь у бывших сотрудников на последнем месте также присутствует «креативность» (8-е ранговое место) и вместе с ней «духовное удовлетворение» (7-е ранговое место), что свидетельствует, с одной стороны, о невысокой значимости для них творческой деятельности и поиска новизны, и с другой стороны, низкой значимости духовных ценностей их меньшее значение по сравнению с материальными.

При этом помимо шкалы «высокое материальное положение» достоверные различия были выявлены по шкалам «креативность» ($p < 0,01$) и «сохранение индивидуальности» ($p < 0,05$). У бывших сотрудников достоверно выше показатели по данным шкалам, что свидетельствует об их большем стремлении выделять-

ся и быть независимыми, а также более высоким по сравнению с действующими сотрудниками стремлению к новому в своей жизни и избеганию стереотипов. Более высокие показатели по данным шкалам в сочетании с доминированием материальных интересов, вероятно, подталкивают испытуемых данной группы к поиску новых, нестандартных путей в узкой сфере достижения материального успеха и стремления выделиться среди других за счет него (табл. 1).

При сравнительном анализе различий в ценностной сфере у бывших сотрудников, осужденных по ст. 290 УК РФ – получение взятки и ст. 286 УК РФ – превышение должностных полномочий, достоверных отличий выявлено не было, что свидетельствует о схожей структуре и выраженности терминальных ценностей у испытуемых данных групп.

Далее мы проводили сравнение показателей действующих и осужденных сотрудников по значениям показателей ценностей жизненных сфер, результаты которого представлены в таблице 2.

Значимость жизненных сфер в обеих группах схожа. Так, и у действующих, и у бывших сотрудников на первом и втором местах соответственно находятся «сфера общественной жизни» и «сфера семейной жизни», что свидетельствует о высокой значимости для них проблем жизни общества и своего положения в обществе, а также стремление к благополучию в семье. На предпоследнем месте, что интересно, в обеих группах находится «сфера профессиональной жизни», что может указывать на ее инструментальный характер как одного из средств достижения благополучия в общественной и семейной сферах.

При этом у бывших сотрудников достоверно более выражена значимость «сферы семейной жизни» ($p < 0,05$) и «сферы увлечений» ($p < 0,001$), что указывает на большую важность для них семейных отношений и семейного благополучия, а также своих увлечений, не относящихся к их профессиональной деятельности. С одной стороны, данный результат может указывать на стремление к семейному благополучию как одну из причин коррупционного поведения, с другой стороны, данный результат может быть обусловлен нахождением испытуемых в местах лишения свободы и обострением в связи с этим ценности семьи (табл. 2).

Сравнение показателей ценности жизненных сфер у бывших сотрудников, осужденных по ст. 290 УК РФ – получение взятки и ст. 286 УК РФ – превышение должностных полномочий, достоверных отличий не выявило, что свидетельствует о схожей структуре и выраженности ценности жизненных сфер у испытуемых данных групп.

Далее нами проводился сравнительный анализ показателей методики «Ценностные ориентации» (О. И. Моткова и Т. А. Огневой), полученных в группах действующих сотрудников Госавтоинспекции и быв-

ших сотрудников, отбывающих наказание за совершение преступлений коррупционной направленности. Результаты представлены в таблице 3.

При анализе значимости показателей ценностных ориентаций действующих сотрудников ведущими по выраженности оказались «уважение и помощь людям» (1-е ранговое место), «любовь к природе и бережное отношение к ней» (2-е ранговое место) и «саморазвитие личности» (3-е ранговое место), что указывает на их стремление помогать людям и обществу в целом, заботиться о природе и развиваться в личностном плане. На последнем месте оказалась «роскошная жизнь» (10-е ранговое место), что указывает на отсутствие доминирования материальных ценностей (табл. 3).

В группе бывших сотрудников на ведущих местах оказались «саморазвитие личности» (1-е ранговое место), «уважение и помощь людям» (2-е ранговое место) и «любовь к природе и бережное отношение к ней», тогда как на последнем – «известность, популярность», что указывает на первоочередное стремление к саморазвитию, уважение к другим людям и заботу о природе при отсутствии стремления к известности и публичности.

В целом распределение ценностных ориентаций в обеих группах действующих и бывших сотрудников выглядит схожим и по многим показателям практически совпадает.

Сравнительный анализ показал, что в группе бывших сотрудников достоверно выше значимость «материального благополучия» ($p < 0,05$) и «физической привлекательности» ($p < 0,05$), что указывает на доминирование для них значимости материальных и эгоистических ценностей и подтверждает ранее полученные результаты. При этом отмечаются достоверно более низкие показатели значимости ценностей «уважения и помощи людям» ($p < 0,05$), «теплых и заботливых отношений с людьми» ($p < 0,05$) и «любви к природе и заботы о ней» ($p < 0,05$), преобладающих и являющихся ведущими у действующих сотрудников (табл. 3).

При сравнительном анализе различий в значимости показателей ценностных ориентаций у бывших сотрудников, осужденных по ст. 290 УК РФ – получение взятки и ст. 286 УК РФ – превышение должностных полномочий, достоверных отличий не было выявлено, что свидетельствует о схожей структуре и выраженности значимости показателей ценностных ориентаций у испытуемых данных групп.

Оценка конфликтности в реализации рассматриваемых ценностей позволила выявить ее достоверно более высокое значение ($p < 0,05$) в группе бывших сотрудников, отбывающих наказание за совершение преступлений коррупционной направленности.

Таким образом, подводя общий итог эмпирического исследования, можно отметить достаточно убедительное подтверждение влияния ценностной сферы на формирование коррупционного поведения. При этом

у лиц, совершивших коррупционные преступления, отмечается преобладание значимости материальных ценностей, личных и семейных ценностей, стремления выделиться из общества и быть независимым.

Выводы

1. Теоретический анализ показал, что в основе коррупционного поведения лежит противодействие двух противоположных психологических факторов – антикоррупционной устойчивости и склонности к коррупции. При этом, существенное влияние оказывают внешние и внутренние факторы, воздействующие на психику человека.

2. К внешним факторам, детерминирующим коррупционное поведение, в первую очередь относятся социально-экономическое состояние общества, уровень воспитания и особенности микросоциума, в котором формируется личность, а к внутренним – духовно-нравственный уровень развития личности, ее когнитивные способности, мотивационная и потребностная сферы, а также конституциональные качества личности, прежде всего темперамент и эмоциональная устойчивость.

3. В большинстве научных работ отмечается высокое значение ценностных факторов в детерминации коррупционного поведения сотрудников полиции. При этом в научной литературе практически не пред-

ставлены результаты эмпирических исследований, подтверждающих данное положение.

4. Сравнение показателей терминальных ценностей показало достоверное преобладание у бывших сотрудников, отбывающих наказание за совершение коррупционных преступлений, ценностей, связанных с достижением материального благополучия, возможностью выделиться среди окружающих и достичь независимости.

5. Сравнительный анализ ценностных ориентаций показал достоверное преобладание у бывших сотрудников, отбывающих наказание за совершение коррупционных преступлений, материальных и эгоистических ценностей, при этом недостаточная их реализация толкает на более конфликтное поведение.

6. Таким образом, получено эмпирическое подтверждение высокой значимости ценностной сферы личности у бывших сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение коррупционных преступлений, что позволяет рекомендовать при организации психологической работы по профилактике коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел исследовать ценностные ориентации и терминальные ценности кандидатов на службу и действующих сотрудников для выявления преобладания материальных и эгоистических ценностей, являющихся факторами риска коррупционного поведения.

Список литературы

- Ванновская, О. В. (2018). Системная детерминация формирования коррупциогенной личности. В *Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы психологии развития и формирования личности: методология, теория и практика»* (стр. 168-172). Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.
- Ванновская, О. В. (2019). *Психология коррупционного поведения государственных служащих*: монография, 2-е изд. Юрайт.
- Гончарова, Н. А., Калашник, А. А., Ситников, В. Л. (2021). Сравнительный анализ выраженности свойств, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность сотрудников органов внутренних дел. *Психология и право*, 11(2), 17-25. doi:10.17759/psylaw.2021110202
- Змановская, Е. В. (2021). Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции. *Российский девиантологический журнал*, 1(1), 12-23. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-12-23
- Кокурин, А. В., Петров, В. Е. (2017). Психолого-криминологическая характеристика личности сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности. *Вестник университета им. О. Е. Кутафина*, 7, 111-123.
- Кроз, М. В., Ратинова, Н. А. (2018). Психологические особенности коррупционных преступников. *Психология и право*, 8(2), 15-34. doi:10.17759/psylaw.2018080202
- Мотков, О. И., Огнева, Т. А. (2008). *Методика «Ценностные ориентации»*, вар. 2. Москва.
- Недилько, М. С., Злоказов, К. В. (2020). Различия в субъективных представлениях бывших сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение корыстных и коррупционных преступлений. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 2(86), 215-222. doi: 10.35750/2071-8284-2020-2-215-222
- Нурмухаметов, Э. А., Нурмухаметова, И. Ф., Политика, О. И. (2019). Истоки коррупционного поведения: психологический аспект. *Психология и право*, 9 (4), 49-58.
- Петров, В. Е., Караваев, А. Ф. (2014). Психологическая диагностика склонности сотрудников Госавтоинспекции к коррупционно опасному поведению. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 1(56), 94-102.

- Пшеничнюк, Д. В. (2017). *Психологические условия формирования у студентов способов распознавания коррупционного поведения*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Решетников, М. М. (2018). *Психология коррупции: утопия и антиутопия*: монография, 2-е изд. Юрайт.
- Сенин, И. Г. (2000). *Психодиагностика ценностно-ориентационной сферы личности как метод социально-психологического исследования*: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль.
- Сочивко, Д. В., Ганишина, И. С., Марьин, М. И., Сундукова, В. В. (2020). Психологические особенности преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы. *Психология и право*, 10(3), 5–19. doi:10.17759/psylaw.20201003
- Сундукова, В. В. (2020). *Личностные детерминанты антикоррупционной направленности курсантов образовательных организаций ФСИН России*: дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Чернышева, Е. В. (2021). Правосознание в детерминации коррупционного поведения. *Психология и право*, 11(2), 120-131. doi:10.17759/psylaw.2021110209
- Щеголева, Т. В. (2019). *Групповые нормы и ценности как факторы регуляции служебного поведения сотрудников органов внутренних дел*: дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Юринова, Ю. В. (2014). «Основные направления психологической работы с сотрудниками Госавтоинспекции в целях профилактики коррупционного поведения». *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 1(56), 125-128.
- Garduno, L. Sergio (2019). Explaining Police Corruption among Mexican Police Officers through a Social Learning Perspective. *Deviant Behavior*, 40(5), 602-620. <https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1593293>
- Bleakley, P. (2021). The Cult of Corruption: Reframing Organizational Frameworks of Police Corruption from a Cultic Perspective. *Deviant Behavior*, 42:5, 565-577. <https://doi.org/10.1080/01639625.2020.1741775>

References

- Vannovskaya, O. V. (2018). Sistemnaya determinaciya formirovaniya korrupciogennoj lichnosti. V *Sbornik materialov vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye voprosy psihologii razvitiya i formirovaniya lichnosti: metodologiya, teoriya i praktika»* (str. 168-172). Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A. S. Pushkina.
- Vannovskaya, O. V. (2019). *Psihologiya korrupcionnogo povedeniya gosudarstvennyh sluzhashchih*: monografiya, 2-e izd. Yurajt.
- Goncharova, N. A., Kalashnik, A. A., Sitnikov, V. L. (2021). Sravnitel'nyj analiz vyrazhennosti svojstv, limitiruyushchih professional'nyu psihologicheskuyu prigodnost' sotrudnikov organov vnutrennih del. *Psihologiya i pravo*, 11(2), 17-25. doi:10.17759/psylaw.2021110202
- Zmanovskaya, E. V. (2021). Sovremennaya rossijskaya deviantologiya: istoriya, metodologiya, social'nye vyzovy i aktual'nye tendencii. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1(1), 12-23. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-12-23
- Kokurin, A. V., Petrov, V. E. (2017). Psihologo-kriminologicheskaya karakteristika lichnosti sotrudnikov organov vnutrennih del, osuzhdennyh za sovershenie prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti. *Vestnik universiteta im. O. E. Kutafina*, 7, 111-123.
- Kroz, M. V., Ratinova, N. A. (2018). Psihologicheskie osobennosti korrupcionnyh prestupnikov. *Psihologiya i pravo*, 8(2), 15–34. doi:10.17759/psylaw.2018080202
- Motkov, O. I., Ogneva, T. A. (2008). Metodika «Cennostnye orientacii», var. 2. Moskow.
- Nedil'ko, M. S., Zlokazov, K. V. (2020). Razlichiya v sub'ektivnyh predstavleniyah byvshih sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov, osuzhdyonnyh za sovershenie korystnyh i korrupcionnyh prestuplenij. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2(86), 215–222. doi: 10.35750/2071-8284-2020-2-215-222
- Nurmuhametov, E. A., Nurmuhametova, I. F., Politika, O. I. (2019). Istoki korrupcionnogo povedeniya: psihologicheskij aspekt. *Psihologiya i pravo*, 9 (4), 49-58.
- Petrov, V. E., Karavaev, A. F. (2014). Psihologicheskaya diagnostika sklonnosti sotrudnikov Gosavtoinspekicii k korrupcionno opasnomu povedeniyu. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 1(56), 94-102.
- Pshenichnyuk, D. V. (2017). *Psihologicheskie usloviya formirovaniya u studentov sposobov raspoznavaniya korrupcionnogo povedeniya*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moskow.
- Reshetnikov, M. M. (2018). *Psihologiya korrupcii: utopiya i antiutopiya*: monografiya, 2-e izd. Yurajt.
- Senin, I. G. (2000). *Psihodiagnostika cennostno-orientacionnoj sfery lichnosti kak metod social'no-psihologicheskogo issledovaniya*: dis. ... kand. psihol. nauk. Yaroslavl'.
- Sochivko, D. V., Ganishina, I. S., Mar'in, M. I., Sundukova, V. V. (2020). Psihologicheskie osobennosti prestupnikov-korrupcionerov, otbyvayushchih nakazaniya v mestah lisheniya svobody. *Psihologiya i pravo*, 10(3), 5–19. doi:10.17759/psylaw.20201003

- Sundukova, V. V. (2020). *Lichnostnye determinanty antikorrupcionnoj napravlenosti kursantov obrazovatel'nyh organizacij FSIN Rossii*: dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow.
- Chernysheva, E. V. (2021). Pravosoznanie v determinacii korrupcionnogo povedeniya. *Psihologiya i pravo*, 11(2), 120-131. doi:10.17759/psylaw.2021110209
- Shchegoleva, T. V. (2019). *Grupповые нормы i cennosti kak faktory regulyacii sluzhebnogo povedeniya sotrudnikov organov vnutrennih del*: dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow.
- Yurina, Yu. V. (2014). «Osnovnye napravleniya psihologicheskoy raboty s sotrudnikami Gosavtoinspektsii v celyah profilaktiki korrupcionnogo povedeniya». *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 1(56), 125-128.
- Garduno, L. Sergio (2019). Explaining Police Corruption among Mexican Police Officers through a Social Learning Perspective. *Deviant Behavior*, 40(5), 602-620. <https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1593293>
- Bleakley, P. (2021). The Cult of Corruption: Reframing Organizational Frameworks of Police Corruption from a Cultic Perspective. *Deviant Behavior*, 42:5, 565-577. <https://doi.org/10.1080/01639625.2020.1741775>

Информация об авторе:

Игорь Юрьевич Кобозев – кандидат психологических наук, доцент.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 07.02.2022

Одобрена после рецензирования 24.03.2022

Опубликована 29.07.2022

About the author:

Igor' Yu. Kobozev – candidate of psychological sciences, associate professor.
The author declare no conflicts of interests.

Submitted February 7, 2022

Approved after reviewing March 24, 2022

Accepted July 29, 2022

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-193-200

Характеристика проявления криминальной склонности личности: интериндивидуальное описание

Александр Николаевич Пастушеня

Международный университет «МИТСО»

(Минск, Республика Беларусь)

anp-1308@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3076-8005

Аннотация

Рассматривается интериндивидуальный аспект системного описания криминальной склонности личности, который отображает ее во внешнем плане – как явление, имея в виду наличие и ее сущностной – психологической характеристики. Характеристика проявления криминальной склонности широко используется в социальной, в том числе правоохранительной практике. Она призвана отображать комплекс параметров такой склонности как потенциального явления, указывая вид преступления, которое может совершить индивид, и при каких обстоятельствах ситуации это возможно, а также в связи с каким мотивационным и функциональным психическим состоянием. Приводится систематизация параметров такой характеристики и некоторые типологические ее описания.

Ключевые слова

криминогенная личность, личность преступника, криминальная склонность личности, преступное поведение, условия проявления криминальной склонности, личностная приемлемость преступного деяния

Для цитирования: Пастушеня, А. Н. (2022). Характеристика проявления криминальной склонности личности: интериндивидуальное описание. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 193–200. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-193-200.

Original paper

**Alexander N.
Pastushenya**

International University «MITSO»

(Minsk, Republic of Belarus)

anp-1308@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3076-8005

Characteristics of the manifestation of criminal personality propensity: interindividual description

Abstract

The author considers the interindividual aspect of the system description of the criminal propensity of a person. Criminal propensity is described from two perspectives. From the external point of view, it is described as a phenomenon, and from the internal point of view, the author offers an essential, psychological characteristic. Characteristics of manifestation of criminal propensity are widely used in the practice of social work, including law enforcement practice. They are designed to display a set of parameters of such propensity as a potential phenomenon, indicating the type of crime that can be committed by an individual, and under what circumstances, as well as under which motivational and functional mental state it can be possible. As a conclusion, the author proposes a systematization of the explored characteristics and an array of the typological descriptions.

Keywords

criminogenic personality, personality of offender, criminal propensity of personality, criminal behavior, conditions of manifestation of criminal propensity, personal acceptability of a criminal act

For citation: Pastushenya, A. N. (2022). Characteristics of the manifestation of criminal personality propensity: interindividual description. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(2), 193–200. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-193-200.

Введение

Одной из важнейших научных проблем криминологии и криминальной психологии, представляющей собой подотрасль юридической психологии, является объяснение предрасположенности индивида к преступному поведению. Эта проблема актуальна на протяжении более двух столетий, многие ученые пытались внести свой вклад в ее решение своими исследованиями¹, большинство которых представляли собой попытки выявить психологические свойства личности и их сочетания, которые, по мнению авторов, выступают личностными предпосылками преступного поведения и в то же время являются отличительными особенностями личности человека, который может совершить преступление, от человека, для которого это недопустимо. Эти исследования не приносили полезного для практики результата и оставляли без ответа указанный вопрос. Определенный вклад в решение рассматриваемой проблемы внесен нами в специальном монографическом исследовании, посвященном разработке концепции криминогенной сущности личности преступника (Пастушеня, 1998).

Для обозначения такой предрасположенности нами используется понятие «криминальная склонность личности», которая обозначает ее как потенциальное явление и свойство личности, имеющее свою структуру. Ее необходимо отличать от актуального состояния индивида, выражающего ситуативную готовность к совершению противоправного деяния, которая возникает на основе имеющейся потенциальной, т.е. личностной предрасположенности к совершению такого деяния при некоторых условиях. Для объяснения такой предрасположенности необходимо обратиться к основным аспектам ее системного описания, определенным в психологической науке (Столяренко, 2011). Можно отметить по крайней мере четыре таких аспекта.

Первый аспект выражает описание криминальной склонности как внешне проявляемого явления. Это описание можно отнести к интериндивидуальной репрезентации личности, если использовать терминологию

и дифференциацию психологических характеристик личности, предложенную отечественным методологом психологической науки А. В. Петровским². Этот аспект охватывает описание криминального поведения с указанием его обусловленности.

Второй аспект представляет раскрытие психологической сущности криминальной склонности, что предусматривает раскрытие системы психологических свойств, которые ее образуют, отражая при этом их структуру и функциональные свойства. Этот аспект личностной характеристики криминальной склонности, опираясь на указанную выше дифференциацию А. В. Петровского, необходимо отнести к интериндивидуальному ее описанию и объяснению.

Третий аспект неразрывно связан со вторым и представляет собой функциональное описание криминальной склонности, которое отражает функциональные проявления психологических свойств, образующих структуру криминальной склонности, в механизме преступного поведения.

Четвертый аспект представляет собой генетическое описание криминальной склонности, заключающееся в раскрытии факторов, механизмов, последовательности ее формирования, в том числе формирования составляющих ее свойств, под влиянием социальных условий, влияний и иных факторов. Каждый из указанных аспектов системного описания и объяснения криминальной склонности личности предполагает использование типологического подхода, поскольку любая характеристика явления осуществляется по определенным параметрам и критериям, которые предполагают различия, образующие некоторую типологию.

В данной статье обратимся к первому аспекту системного описания криминальной склонности – к характеристике ее внешнего проявления. Этот аспект связан с философской категорией «явление», которая отражает, согласно трактовкам в философских словарях, «совокупность внешних, непосредственно открытых чувствам свойств и отношений предмета, представляющую собой способ проявления, обнаружения его сущности» (Фролов, 1991, с. 444–445).

¹ Ушатилов, А. И., Ковалев, О. Г. (2007). *Криминальная психология: учебное пособие* (стр. 5-92). Московский психолого-социальный институт, МОДЭК.

² Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (1998). *Основы теоретической психологии: Учеб. пособие для студентов вузов* (стр. 264-270). ИНФРА-М.

Основная часть

Исходя из обобщенного понимания криминальной склонности личности как ее свойства, выражающего предрасположенность к совершению преступления при некоторых условиях, возникает необходимость определить параметры конкретизации ее описательной характеристики. Такая характеристика требуется для психологической практики: психологической диагностики, индивидуального криминологического прогнозирования, исправления преступников, индивидуального предупреждения противоправного поведения, предупреждения формирования криминальных свойств. Попутно необходимо отметить, что под криминальной склонностью понимается личностная предрасположенность к совершению преступного деяния определенного вида. При этом конкретное лицо может быть предрасположено к совершению не одного вида преступления, а нескольких различных видов (насильственного, корыстного, сексуально-насильственного и др.). Это означает, что у данного лица имеются несколько различных криминальных склонностей (Khoshnood & Fritz, 2017), которые в совокупности образуют криминальный потенциал личности.

”

Одной из важнейших научных проблем криминологии и криминальной психологии, представляющей собой подотрасль юридической психологии, является объяснение предрасположенности индивида к преступному поведению.

“

Описание поведенческих склонностей личности (не только криминальных) в интериндивидуальном плане не имеет четкой теоретической конструкции, которая призвана определить, как правильно и достаточно полно охарактеризовать склонность, какие для этого использовать характеристики и оценочные критерии. Вместе с тем социальная практика, включая практику психодиагностики, нуждается в обосновании таких

описаний для того, чтобы обеспечивать конкретность диагностических выводов.

В целях создания эмпирической базы исследования проводились беседы с лицами, совершившими разные виды преступлений и отбывающими наказание. Был проведен ретроспективный психологический анализ их деяний. По результатам анализа и обобщения эмпирического материала, а также теоретического осмысления проблемы, нами выведены следующие параметры характеристики криминальной склонности личности как явления – в ее интериндивидуальной репрезентации.

Первым параметром такой характеристики выступает **вид преступного деяния**, к совершению которого индивид имеет склонность. Как известно, виды преступных деяний указаны в нормах Особенной части уголовного закона и классифицируются по объекту преступного посягательства. При этом каждый вид преступления может иметь конкретные особенности, выражающие **способы и средства совершения**, которые лицо предрасположено использовать. Например, склонность к совершению кражи может конкретно проявляться как склонность к краже денег из сумок и карманов, либо к краже ценностей из жилища или из автомобилей и т.п. При этом кража из жилища может совершаться путем проникновения в него различными способами. Также можно конкретизировать присущую индивиду склонность к совершению физического насилия, при котором субъект может использовать приемлемые для него средства и способы. Например, это может быть нанесение ударов руками и ногами либо колюще-режущими предметами, или использование химического вещества, или наем других лиц и т.д. Рассматриваемый параметр криминальной склонности широко используется в практике раскрытия преступлений, когда единообразие способов их совершения (криминальный почерк) приводит к выводу, что они совершены одним и тем же лицом или группой лиц.

Вторым параметром характеристики криминальной склонности выступает **приемлемый объект преступного посягательства**, что в практических целях может иметь и альтернативное описание – в виде отражения недопустимости посягательств против определенных объектов. Лица, совершившие корыстные и корыстно-насильственные преступления, уверенно приводят перечень предметов, завладение которыми для них является приоритетным, а также отмечают никчемность завладения другими.

Характеристика приемлемого объекта преступного посягательства касается потерпевших, в отношении которых приемлемо его совершение. Так, у значительной части лиц, совершивших корыстные и корыстно-насильственные преступления (мошенничества, кражи, вымогательство, взяточничество, хищения с использованием IT-технологий, грабежи, разбой и др.), про-

является избирательная допустимость их совершения в отношении одних категорий людей и недопустимость в отношении других. Для некоторых корыстных преступников приемлемым объектом противоправного посягательства являются деньги и иные материальные ценности, принадлежащие только юридическим лицам, но не физическим. Лица, совершившие преступления насильственного типа, обнаруживают субъективные ограничения в приемлемом объекте посягательства. В частности, они исключают возможность умышленного причинения физического вреда, например, детям, инвалидам, пожилым людям, женщинам. Также обнаруживается категория преступников, для которых было приемлемым совершение криминального насилия в отношении только конкретного человека, как правило, из чувства мести или из-за острых неприязненных отношений, желания избавиться от него. Лица, совершившие изнасилования, определяют категорию лиц женского пола, в отношении которых совершение такого деяния является допустимым.

Третьим параметром характеристики криминальной склонности выступает **приемлемая тяжесть причинения вреда**. Этот параметр проявляется преимущественно у лиц, совершающих насильственные деяния, хотя и может обнаруживаться и у некоторых других категорий преступников. Большинство из них выработало для себя приемлемую степени тяжести причинения физического вреда потерпевшему. Так, одни допускают возможность причинить физический вред путем нанесения побоев без серьезных телесных повреждений, для других приемлемо физическое насилие, достаточное, чтобы сломить сопротивление потерпевшего, для третьих допустимо причинение тяжких телесных повреждений, а для четвертых – лишение жизни (Keatley et. al., 2018). У большинства насильственных преступников приемлемая тяжесть причинения вреда потерпевшему субъективно определяется степенью «вредоносности» их действий, а также возможностью мести с его стороны или его друзей (Poe hacker et. al., 2017). Вместе с тем психологический анализ тяжких насильственных преступлений показывает, что оцениваемые преступниками приемлемые пределы тяжести причинения физического вреда не всегда реально соблюдаются, и их превышение, как правило, обусловлено нетрезвым состоянием, состоянием аффекта или психологическим заражением при совершении насильственных действий в составе группы.

Что касается лиц, совершающих корыстные преступления, то они, как правило, не имеют «верхних пределов» стоимости незаконно завладеваемых материальных ценностей («чем больше, тем лучше»), но считают неприемлемым совершение таких деяний ради некоторой минимальной выгоды. Вместе с тем встречаются и лица, которые определяют для себя пределы незаконного завладения имуществом. Это связано с опасением,

что в случае изобличения его деяние будет квалифицировано как более тяжкое, или с чувством «порядочности» («нельзя слишком обижать человека»), или из опасения вызвать у потерпевшего большое желание отомстить, добиваться раскрытия преступления.

”

Психологический анализ тяжких насильственных преступлений показывает, что оцениваемые преступниками приемлемые пределы тяжести причинения физического вреда не всегда реально соблюдаются, и их превышение, как правило, обусловлено нетрезвым состоянием, состоянием аффекта или психологическим заражением при совершении насильственных действий в составе группы.

“

Четвертый параметр характеристики криминальной склонности отражает **внешнюю обусловленность противоправного поведения**. Следуя положениям принципа детерминизма в психологии, необходимо учитывать, что любой поведенческий акт, в том числе преступное деяние, субъект совершает, ориентируясь на внешние условия (Weiss et. al., 2020). Эти условия определяют для субъекта возможность его совершения, а в некоторых случаях и субъективную необходимость, которая выражается прежде всего в порождении побуждения. В связи с этим склонность к совершению определенного преступного деяния всегда связана с внешними условиями – она может быть реализована в противоправном деянии при определенных условиях (Gallupe et. al., 2019), поэтому указание на эти условия выступает ее важной характеристикой. Эти условия как детерминанты преступного поведения, могут иметь общий жизненный (условия жизни субъекта) и ситуативный (обстоятельства социальной ситуации) контекст (Van Sleeuwen et. al., 2021). К ситуативному контексту относятся, в частности, действия других лиц, включая членов преступной группы, и воздействие с их стороны (Ragan et. al., 2020), а также поведение потерпевшего.

Внешние условия могут оцениваться субъектом преступления с разных сторон. При этом необходимо отметить, что их оценка с охватом этих сторон суще-

ственно зависит от психического состояния субъекта, определяющего его способность действовать разумно-осмысленно, а также от перцептивных установок, которые определяют акценты внимания при восприятии таких условий и выражают оценочные предубеждения. Основные стороны оценки внешних условий могут выражаться в следующем.

Во-первых, в оценке их **значения для личностных ценностей** (потребностей, притязаний и т.п.) – несут ли они вред этим ценностям или благоприятствуют им. Эта оценка обуславливает возникновение побуждения: в одном случае – защищать личностные ценности, в другом – воспользоваться возникшей «благоприятной» возможностью для удовлетворения потребности, притязания. В этом проявляется мотивообразующая функция внешних условий. Здесь можно привести несколько типов внешних условий, которые целесообразно учитывать и отмечать при характеристике криминальной склонности. Первый тип выражается в возникновении тяжелых жизненных обстоятельств, когда под угрозой находятся личные ценности. Например, когда из-за болезни или действий иных лиц возникла опасность для жизни или здоровья близкого человека, или когда совместно проживающий человек постоянно пьянствует, третирует, отнимает средства существования, или когда у лица реально отсутствует законная возможность материального обеспечения своей жизни, например, из-за невозможности устроиться на работу.

Второй тип условий выражается в криминогенном характере социальной среды, в которой находится субъект, и в оказании на субъекта криминогенных влияний другими лицами (Ouellet et. al., 2018). Это условие является существенным для индивидуального криминологического прогнозирования социальной реадaptации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. Его указание в качестве характеристики криминальной склонности выражается в утверждении, что освобожденный предрасположен совершить противоправное деяние определенного типа (например, корыстно-насильственного), находясь в условиях криминогенной социальной среды по прежнему месту жительства либо при подстрекающем влиянии других лиц или в составе преступной группы. Криминогенное влияние также может выражаться в позитивном заинтересовывании, поручении или требовании совершать противоправные действия при совместном их совершении, в том числе с угрозой негативных последствий в случае невыполнения. Третий тип условий выражает ситуацию конфликта, в том числе, когда другой человек оказывает правомерное сдерживающее влияние (Suonpää & Savolainen, 2019). Так, в исследовании личности насильственных преступников выяснилось, что значительная их часть проявили свои криминальные склонности в совершении преступных деяний именно

в ситуации конфликта, который они часто сами провоцировали и в котором потерпевший защищал свои интересы, а его поведение не давало оснований для причинения ему вреда в порядке необходимой самообороны.

Во-вторых, в оценке наличия в этих условиях **возможности** для совершения приемлемых противоправных действий и получения желаемого результата. Такая оценка у разных преступников различна: для одних приемлемым для совершения преступления является наличие хотя бы минимальной возможности, для других наличие субъективно гарантированной возможности, которая отвечает определенным субъективным правилам, при каких обстоятельствах приемлемо совершать противоправное деяние (Silver, J. R., & Silver, E., 2020).

В-третьих, в оценке **безопасности / опасности** для себя и своих личностных ценностей совершения противоправных действий. Эта оценка тесно связана с предыдущими, но имеет свою особенность. Она играет свою роль в мотивообразовании и определяет принятие решения о совершении преступления или отказе от него (Khoshnood & Fritz, 2017). Приемлемая степень безопасности условий для совершения противоправного деяния у его субъектов может быть различная: у одних приближается к субъективно оцениваемой равнозначной вероятности изобличения и избежания изобличения, что выражает склонность к риску, дерзость; у других – приемлемо совершение деяния только при субъективно высокой гарантии избежания изобличения и других отрицательных для себя последствий. У третьих – нечто среднее между названными.

Для характеристики внешней обусловленности проявления криминальной склонности можно ориентироваться на предлагаемую нами их иерархическую типологию, в которой выделены условия: вынуждающие, провоцирующие, стимулирующие совершение преступления, индифферентные, противоречивые и препятствующие его совершению.

Пятый параметр характеристики криминальной склонности выражает **обусловленность совершения преступления определенной внутренне детерминированной мотивацией**. Этот параметр не обязателен, и его целесообразно использовать тогда, когда такая обусловленность является специфической индивидуальной особенностью. Как показал ретроспективный психологический анализ, у части преступников предрасположенность к определенному противоправному поведению может быть связана с определенной внутренне детерминированной мотивацией (в отличие от мотивации, детерминированной обстоятельствами ситуации). Ради ее удовлетворения индивид считает допустимым или даже необходимым его совершить. Наиболее распространенным источником такой мотивации у преступников выступают влечения, удовлет-

ворение которых законным путем реально невозможно. К ним в первую очередь относится наркомания, в меньшей степени – алкоголизм, игромания, возможны и другие. Иными мотивообразующими свойствами, которые могут указываться в качестве специфических внутренних факторов проявления криминальной склонности, выступают: гипертрофированные материальные притязания; гипертрофированные статусные притязания (стремление к личному превосходству, деспотизм); травматические комплексы социального отчуждения и / или собственной неполноценности; высокая предрасположенность к конфликтному поведению; приверженность к криминальной общности; проявления психических расстройств (пограничного и патологического уровня), уменьшающих вменяемость и приводящих к криминальному поведению.

Обусловленность совершения преступного деяния **функциональным нервно-психическим состоянием** и связанным с ним эмоциональным состоянием обнаруживается у части насильственных преступников, которые способны совершить противоправные действия только в состоянии опьянения или аффекта. В указанном состоянии у них импульсивно реализуется склонность к агрессии, которая не контролируется сознанием. Вместе с тем эти лица приводили в беседе примеры сдержанности и даже отсутствия агрессивных побуждений в аналогичных конфликтных ситуациях, когда они находились в трезвом состоянии. Возможны и иные функциональные состояния, которые выступают внутренним условием актуализации и реализации в общественно опасном деянии криминальной склонности. Необходимо указать эту особенность проявления криминальной склонности, если она присуща личности.

При описании проявления криминальной склонности конкретного вида следует учитывать, что оно выражает поле возможного криминального поведения, в котором существует зона наиболее приемлемого и, следовательно, вероятного поведения. За этой зоной существует зона менее приемлемого (противоречиво приемлемого), но субъективно допустимого криминального поведения, за пределами которого располагается зона неприемлемого криминального поведения определенного общего вида: корыстного, насильственного, корыстно-насильственного, сексуально насильственного и иного.

Одним из общих параметров характеристики криминальной склонности является степень ее выраженности, которую для более ясного понимания можно обозначить такими синонимами, как степень зрелости криминальной склонности, степень ее сформированности, степень развития потенциальной готовности к преступному поведению. Степень выраженности криминальной склонности может быть определена с использованием понятий теории причинности,

которая в психологии представлена принципом детерминизма, определяющим соотношение внешних и внутренних факторов в психической деятельности, которая детерминирует определенное поведение.

Важнейшую идею для характеристики криминальной склонности по данному параметру сформулировал еще в 20-х годах прошлого столетия выдающийся отечественный исследователь в области криминальной психологии С. В. Познышев (Познышев, 1926). Он выделил два базовых типа преступников, различающихся особенностями проявления криминальной предрасположенности, а в рамках этих типов – ряд подтипов.

Один базовый тип представляют «экзогенные» преступники, которые совершают преступления в силу побуждающего влияния на них других лиц или обстоятельств проблемной ситуации, в которой они оказались, не стремясь к этому. В этом типе внешние факторы играют доминирующую роль и вызывают криминальную реакцию субъекта либо подчинение криминогенному влиянию.

Второй тип – «эндогенные» преступники, которые совершали преступления по собственной инициативе, создавая или находя для этого подходящие условия. У этого типа причинную роль играют личностные предпосылки криминального поведения (собственное стремление), а внешние условия выступают в качестве кондициональных детерминантов, предоставляющих возможности совершения деяния. Опираясь на эти положения, можно предложить следующую типологию степени выраженности криминальной склонности личности – от наиболее к наименее выраженной:

- склонность к систематическому совершению преступлений определенного вида для удовлетворения потребности с поиском и созданием для этого возможностей и условий (такая склонность присуща преступнику, многократно совершающему определенные общественно опасные деяния);

- склонность к совершению преступлений при возникновении субъективно благоприятной возможности удовлетворения потребности преступным способом в сложившихся условиях без инициативного их поиска или создания;

- склонность к совершению преступления под влиянием побуждающих (заинтересовывающих) воздействий других лиц в субъективно приемлемых условиях;

- склонность к совершению деяния при провоцирующих обстоятельствах, негативно затрагивающих личные интересы (материальные ценности, достоинство, спокойствие, положение близких людей и др.);

- склонность к совершению деяния при вынужденной необходимости в связи с возникшей тяжелой жизненно важной проблемой, решение которой законным путем по субъективной оценке невозможно или маловероятно.

Выводы

Обобщая изложенное, можно заключить, что, характеризуя криминальную склонность личности в аспекте ее проявления (в интериндивидуальной репрезентации – по А. В. Петровскому), необходимо указать, к какому виду преступления склонен индивид и какой способ его совершения он предпочитает использовать; в отношении каких объектов для него приемлемо совершение преступного посягательства; какую тяжесть причинения вреда он допускает; при каких условиях и в связи с какой социальной ролью для него приемлемо совершение этого деяния; в связи с какой исключительной мотивацией и в каком нервно-психическом состоянии он может его совершить. Также необходимо отразить,

какая степень выраженности присуща имеющейся у лица криминальной склонности. Такая характеристика проявления криминальной склонности является системной по своим параметрам, максимально конкретной, и поэтому представляет практическую ценность. Однако выявление и оценка всех ее сторон достаточно сложны и требуют разработки и практического освоения соответствующей психодиагностической методики.

В любом случае представленный теоретический анализ отражает схему полноценного интериндивидуального описания криминальной склонности, к реализации которой необходимо стремиться для повышения полезности психологических разработок и практик в борьбе с преступностью.

Список литературы

- Пастушеня, А. Н. (1998). *Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция*: монография. Минск: Академия МВД Республики Беларусь.
- Познышев, С. В. (1926). *Криминальная психология: Преступные типы*. Ленинград: Гос. изд-во.
- Столяренко, А. М. (2011). *Психологическая системология: теория, исследования, практика*: монография. Москва: Юнити-дана.
- Фролов, И. Т. (1991). *Философский словарь*: 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Политиздат.
- Gallupe, O., McLevey, J., & Brown, S. (2019). Selection and Influence: A Meta-Analysis of the Association Between Peer and Personal Offending. *Journal of Quantitative Criminology*, 35, 313–335. <https://doi.org/10.1007/s10940-018-9384-y>
- Keatley, D. A., Golightly, H., Shephard, R., Yaksic, E., & Reid, S. (2018). Using Behavior Sequence Analysis to Map Serial Killers' Life Histories. *Journal of Interpersonal Violence*, 36(5-6), 2906–2928. <https://doi.org/10.1177/0886260518759655>
- Khoshnood, A., & Fritz, V. M. (2017). Offender Characteristics: A Study of 23 Violent Offenders in Sweden. *Deviant Behavior*, 38(2), 141–153. <https://doi.org/10.1080/01639625.2016.1196957>
- Leclerc, B., Reynald, D., Wortley, R., Cook, A., & Cale, J. (2022). An Examination of Noncompleted Sexual Offences, Offenders' Perceptions of Risks and Difficulties and Related Situational Factors. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 002242782210852. <https://doi.org/10.1177/00224278221085244>
- Ouellet, M., Bouchard, M., & Charette, Y. (2018). One gang dies, another gains? The network dynamics of criminal group persistence. *Criminology*, 57(1), 5–33. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12194>
- Poehacker, S., Phillips, D., Riggs, J., & Lauterbach, D. (2017). Longitudinal Trajectory of Exposure to Psychological Interpersonal Violence. *Journal of Interpersonal Violence*, 35(17-18), 3331–3354. <https://doi.org/10.1177/0886260517707309>
- Ragan, D. T. (2020). Similarity between deviant peers: Developmental trends in influence and selection. *Criminology*, 58(2), 336–369. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12238>
- Silver, J. R., & Silver, E. (2020). The Nature and Role of Morality in Offending: A Moral Foundations Approach. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 58(3), 343–380. <https://doi.org/10.1177/0022427820960201>
- Suonpää, K., & Savolainen, J. (2019). When a Woman Kills Her Man: Gender and Victim Precipitation in Homicide. *Journal of Interpersonal Violence*, 34(11), 2398–2413. <https://doi.org/10.1177/0886260519834987>
- Van Sleuwen, S. E. M., Steenbeek, W., & Ruiters, S. (2021). When Do Offenders Commit Crime? An Analysis of Temporal Consistency in Individual Offending Patterns. *Journal of Quantitative Criminology*, 37, 863–889. <https://doi.org/10.1007/s10940-020-09470-w>
- Weiss, D. B., Testa, A., & Rennó Santos, M. (2020). Institutional anomie and cross-national differences in incarceration. *Criminology*, 58(3), 454–484. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12242>

References

- Pastushenya, A. N. (1998). *Kriminogennaya sushchnost' lichnosti prestupnika: metodologiya poznaniya i psihologicheskaya koncepciya*: monografiya. Minsk: Akademiya MVD Respubliki Belarus'.
- Poznyshchev, S. V. (1926). *Kriminal'naya psihologiya: Prestupnye tipy*. Leningrad: Gos. izd-vo.
- Stolyarenko, A. M. (2011). *Psihologicheskaya sistemologiya: teoriya, issledovaniya, praktika*: monografiya. Moscow: Yuniti-dana.

- Frolov, I. T. (1991). *Filosofskij slovar'*: 6-e izd., pererab. i dop. Moscow: Politizdat.
- Gallupe, O., McLevey, J., & Brown, S. (2019). Selection and Influence: A Meta-Analysis of the Association Between Peer and Personal Offending. *Journal of Quantitative Criminology*, 35, 313–335. <https://doi.org/10.1007/s10940-018-9384-y>
- Keatley, D. A., Golightly, H., Shephard, R., Yaksic, E., & Reid, S. (2018). Using Behavior Sequence Analysis to Map Serial Killers' Life Histories. *Journal of Interpersonal Violence*, 36(5-6), 2906–2928. <https://doi.org/10.1177/0886260518759655>
- Khoshnood, A., & Fritz, V. M. (2017). Offender Characteristics: A Study of 23 Violent Offenders in Sweden. *Deviant Behavior*, 38(2), 141–153. <https://doi.org/10.1080/01639625.2016.1196957>
- Leclerc, B., Reynald, D., Wortley, R., Cook, A., & Cale, J. (2022). An Examination of Noncompleted Sexual Offences, Offenders' Perceptions of Risks and Difficulties and Related Situational Factors. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 002242782210852. <https://doi.org/10.1177/00224278221085244>
- Ouellet, M., Bouchard, M., & Charette, Y. (2018). One gang dies, another gains? The network dynamics of criminal group persistence. *Criminology*, 57(1), 5–33. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12194>
- Poehacker, S., Phillips, D., Riggs, J., & Lauterbach, D. (2017). Longitudinal Trajectory of Exposure to Psychological Interpersonal Violence. *Journal of Interpersonal Violence*, 35(17-18), 3331–3354. <https://doi.org/10.1177/0886260517707309>
- Ragan, D. T. (2020). Similarity between deviant peers: Developmental trends in influence and selection. *Criminology*, 58(2), 336–369. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12238>
- Silver, J. R., & Silver, E. (2020). The Nature and Role of Morality in Offending: A Moral Foundations Approach. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 58(3), 343–380. <https://doi.org/10.1177/0022427820960201>
- Suonpää, K., & Savolainen, J. (2019). When a Woman Kills Her Man: Gender and Victim Precipitation in Homicide. *Journal of Interpersonal Violence*, 34(11), 2398–2413. <https://doi.org/10.1177/0886260519834987>
- Van Sleeuwen, S. E. M., Steenbeek, W., & Ruiter, S. (2021). When Do Offenders Commit Crime? An Analysis of Temporal Consistency in Individual Offending Patterns. *Journal of Quantitative Criminology*, 37, 863–889. <https://doi.org/10.1007/s10940-020-09470-w>
- Weiss, D. B., Testa, A., & Rennó Santos, M. (2020). Institutional anomie and cross-national differences in incarceration. *Criminology*, 58(3), 454–484. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12242>

Информация об авторе:

Александр Николаевич Пастушеня – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор. Заслуженный работник образования Республики Беларусь.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 25.04.2022

Одобрена после рецензирования 09.06.2022

Опубликована 29.07.2022

About the author:

Alexander N. Pastushenya – Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the International University “MITSO”, Doctor of Medical Sciences, Professor. Honored Worker of Education of the Republic of Belarus.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted April 25, 2022

Approved after reviewing June 9, 2022

Accepted July 29, 2022

УДК 159.9.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-201-210

Отношение к деятельности, руководителю и самоотношение сотрудника правоохранительных органов как детерминанты его служебной лояльности

Асель Азилбековна СарсеноваСанкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
a.a.sarsenova@bk.ru

ORCID: 0000-0001-8916-7680

Аннотация

Введение. Рассматривается лояльность сотрудников правоохранительных органов, описывается ее психологическая организация. Значимость исследования лояльности обосновывается отсутствием теоретических знаний о ее содержании, структуре и факторах формирования лояльности у сотрудников правоохранительных органов. Предполагается, что служебная лояльность сотрудников обусловлена тремя видами отношений, которые одновременно являются основаниями ее выражения. Психологическую структуру лояльности составляют: а) отношение к профессиональной деятельности, б) отношение к непосредственному руководителю, а также в) самоотношение сотрудника к себе как специалисту. Обосновывается важность изучения этих видов отношений для оценки состояния лояльности, прогноза и коррекции, указывается на необходимость разработки инструментов ее диагностики.

Целью исследования стала операционализация конструкта служебной лояльности сотрудников правоохранительных органов, основанная на предположении о роли непосредственного руководителя в ее формировании.

Методология, методы и методики исследования. Статистическими методами исследования выступали: на предварительном этапе меры дескриптивной статистики, оценка внутренней согласованности проводилась расчетом α -Кронбаха, на конструктном этапе применялся метод конфирматорного факторного анализа. Решение гипотезы предполагало создание и проверку комплекса утверждений, оценивающих лояльность. Оно проводилось в три этапа, условно названные предварительным, конструктным и психометрическим. Конвергентным показателем лояльности выступила адаптированная автором исследования шкала «Продолженной лояльности» методики «Шкала организационной лояльности» Дж. Мейера и Н. Аллен.

Результатом исследования стало психометрическое подтверждение структурной валидности опросника, разработанного на основе конструкта лояльности. В частности, эмпирически были выявлены связи показателей «Отношение к деятельности» ($p \leq 0,001$), «Отношение к руководителю» ($p \leq 0,001$), «Отношение к самооценке» ($p \leq 0,001$) и «Отношение к уходу из организации» ($p \leq 0,001$).

Практическая значимость результатов исследования видится в операционализации конструкта лояльности и разработке инструмента его измерения. **Теоретическая значимость** полученных результатов заключается в расширении теоретических представлений о субъективных факторах формирования лояльности сотрудников правоохранительных органов, в частности, выявлении роли руководителя в формировании лояльности сотрудника как производной от его самоотношения и отношения к деятельности.

Ключевые слова

отношение к руководителю, отношение к деятельности, самооценка, сотрудники органов внутренних дел, служебная лояльность, психодиагностический инструментарий

Для цитирования: Сарсенова, А. А. (2022). Отношение к деятельности, руководителю и самоотношение сотрудника правоохранительных органов как детерминанты его служебной лояльности. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 201–210. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-201-210.

Asel A. Sarsenova

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
a.a.sarsenova@bk.ru

ORCID: 0000-0001-8916-7680

Professional attitude, attitude towards senior staff, and self-perception of a law enforcement officer as determinants of their professional loyalty

Abstract

Introduction. The author explores the loyalty of law enforcement officers, and its psychological organization. The importance of the study is justified by the lack of theoretical knowledge about the content, structure, and factors of loyalty formation in law enforcement officers. It is assumed that the professional loyalty of employees is conditioned by three types of relations, which are simultaneously the bases of its expression. The psychological structure of loyalty consists of a) attitude towards professional activity, b) the senior staff, and c) the employee's self-perception as a specialist. The article lays grounds to the importance of studying these types of attitudes for assessing the state of loyalty, prognosis and correction, the author points out the necessity of developing tools for its diagnostics.

The aim of study was to operationalize the construct of professional loyalty of law enforcement officers, based on assumption of role of the immediate supervisor in its formation.

Research methodology, methods, and techniques. At the preliminary stage the author user statistical research methods: descriptive statistics measures, assessment of internal consistency α -Cronbach's calculation. At the construct stage confirmatory factor analysis method was used. Hypothesis solving involved creating and testing a set of statements assessing loyalty. Convergent indicator of loyalty was the scale «Continued loyalty» of the method «Scale of organizational commitment» by J. Meyer and N. Allen, adapted by the author of the research.

The result of the study is a psychometric confirmation of the structural validity of the questionnaire based on the loyalty construct. There were empirically revealed relations of the indicators «Professional attitude» ($p \leq 0,001$), «Attitude towards superior» ($p \leq 0,001$), «Attitude towards self-esteem» ($p \leq 0,001$) and «Attitude towards leaving the organization» ($p \leq 0,001$).

The research results allow us to operationalize the concept of loyalty and develop an instrument of its assessment. Theoretical significance of the results helps us to expand the scientific ideas about the subjective foundations of law enforcement officers' loyalty formation, and to reveal the role of the superior in the formation of employee's loyalty as a derivative of his self-concept and attitude towards the activity.

Keywords

attitude to the superior, professional attitude, self-assessment, police officers, professional loyalty, psychodiagnostics toolkit

For citation: Sarsenova, A. A. (2022). Professional attitude, attitude towards senior staff, and self-perception of a law enforcement officer as determinants of their professional loyalty. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(2), 201–210. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-201-210.

Введение

Статья посвящена исследованию отношения сотрудника к деятельности, руководителю и самооценке как возможным детерминантам служебной лояльности сотрудников правоохранительных органов. Необходимость исследования обусловлена актуальными вопросами стабилизации кадрового ядра российских правоохранительных органов, ускорению темпов адаптации молодых сотрудников и повышению эффективности применения неэкономических мер мотивации.

Решение этих задач традиционно связывается с лояльностью, однако процесс ее формирования изучен недостаточно. В настоящее время в научной литературе представлено несколько концепций лояльности сотрудников. Традиционно предполагается, что лояльность сотрудника формируется под влиянием внешних причин – выполняемой деятельности, оплаты труда и его условий, организационной культуры. В психологических исследованиях акцентируется роль внутренних факторов лояльности, среди которых рассматривается мотивация, направленность и притязания сотрудника. Объяснительные модели лояльности сотрудников правоохранительных органов включают как внешние, так и внутренние причины, к которым относят представления о профессиональной карьере (Ермолаев, 2012), финансовое благополучие (Лопатин, Лаврентьева, Воробьев, 2020), интеграцию в служебный коллектив (Горностаев, 2017).

Противоречия в научных представлениях, равно как и отсутствие целостной концепции лояльности (Лячин, 2014; Демушина, 2015), не позволяют эффективно организовать практическую работу по формированию лояльности у сотрудников правоохранительных органов.

Представленное в статье исследование поддерживает линию «внутренних», субъективных факторов формирования лояльности, предполагающих, что лояльность в большей мере определяется личными притязаниями, ценностями и представлениями сотрудника, чем характером профессиональной деятельности и условиями, в которых она осуществляется.

В то же время исследование расширяет круг психологических оснований лояльности сотрудников правоохранительных органов, учитывая влияние субординативного типа организации взаимодействия, ценностей и норм, определяющих поведение и отношение их участников. В статье рассматриваются три вида отношений, лежащих в основании служебной лояльности – субъективное отношение сотрудника к его служебной деятельности, руководителю, а также к самому себе. Предполагается, что отношение репрезентирует осознание сотрудником содержания его служебной деятельности, в том числе его оценку и эмоциональное переживание взаимодействий и взаимоотношений с ее участниками. Соответственно, формирование лояль-

ности, ее актуальное состояние зависит не только от внешних по отношению к сотруднику условий, но и его внутренней, субъективной позиции.

Высказанные предположения операционализируются путем разработки самоотчета, изучающего отношения сотрудника к руководителю, деятельности и самому себе.

Структура статьи соответствует ее цели и решаемым задачам. В теоретической части обсуждаются предпосылки исследования служебной лояльности, в том числе раскрываются роль и значение руководителя для этой деятельности. В эмпирической части статьи рассматривается процедура операционализации и ее результаты. В выводах статьи обсуждаются перспективы изменения субъективных отношений сотрудника для формирования его служебной лояльности.

Лояльность сотрудников правоохранительных органов как предмет психологического исследования

Первые шаги в разработке теории лояльности принадлежат Г. Беккеру, описавшему лояльность как самостоятельную категорию, объясняющую приверженность сотрудника организации его субъективными представлениями (Becker, 1996). В психологических исследованиях лояльности сформировались два основных направления, различающиеся в части определения факторов и условий ее формирования.

Поведенческий подход определяет лояльность как социально-психологический феномен, выражающийся либо в активных действиях сотрудника на благо организации, либо в избегании действий, которые могли бы повредить авторитету и деятельности организации (Д. Аллутто, Г. С. Беккер, С. В. Голубков, О. С. Дейнека, А. В. Ковров, О. Е. Королева, Ю. Ю. Милешкина, Н. В. Моисеенко, Л. Г. Почебут, К. В. Харский, Л. Хребиниак, Т. Н. Чистякова, Т. Е. Becker, L. W. Porter, R. M. Steers и др.).

Лояльность в установочном подходе рассматривается как эмоциональная реакция сотрудника организации, включающая в себя чувства заботы о компании и коллегах, беспокойство об их будущем, а также чувство присоединения, взаимозависимости или доверия (С. С. Баранская, Д. С. Витман, Н. Е. Водопьянова, Л. Джуэлл, В. И. Доминьяк, Е. В. Доценко, Р. Кантер, С. Коростелева, М. Б. Курбатова, М. И. Магура, Е. В. Сидоренко, И. Л. Соломин, И. Г. Чумарин, N. J. Allen, С. Goman, J. P. Meyer, R. T. Mowday и др.). В общем смысле установочный подход предполагает, что лояльность сотрудника основывается на соотношении опыта формирования лояльности, полученного сотрудником по отношению к другим организациям, с отношением к текущей работе. При этом данные представления и отношения опосредованы индивидуально-психологическими особенностями сотрудника.

Важно, отметить, что изучение лояльности в организациях с субординативным типом управления традиционно осуществляется в русле поведенческого подхода. Как следствие, оно не предполагает оценку субъективного отношения сотрудника, а в большей мере фокусируется на объективных показателях взаимодействия, продуктивности и эффективности деятельности. Ввиду ориентации нашего исследования на субъективные основания лояльности видится целесообразным описание условий, составляющих социально-психологические факторы ее формирования. Для их характеристики можно обратиться к свойствам организационного взаимодействия, присущим системе «руководитель–подчиненный».

Субординативный тип управления характеризуется подчинением субъектов трудовой деятельности друг другу, исходя из их позиции в структуре управления (Кидинов, 2021). В такой модели управления цели и задачи деятельности определяются вышестоящим руководителем для всей вертикали подчиненных ему сотрудников. При этом сотрудник организации подчиняется не только своему непосредственному руководителю, но и руководителям с более высоким статусом. Отношения подчинения распространяются на различные стороны профессиональной активности. Руководитель определяет виды и формы выполняемых действий, продолжительность труда (Исхаков, Биккинина 2010), периодичность отдыха (Савоськина и др., 2011), устанавливает нормы и правила отношений к деятельности (Березин, 2014).

Вторым признаком субординативного типа управления является система норм и правил, предписывающая неукоснительное выполнение подчиненными указаний их руководителей. Как следствие, субординация предполагает разделение сотрудников на статусные группы, закрепляя за каждой права, обязанности и ответственность по отношению к подчиненным (Дежкина, 2007; Фалкина, 2019).

Можно сделать вывод, что субординативным организациям свойственна высокая интенсивность труда, однако она по-разному воспринимается сотрудниками (Гордеева, 2014). Для одних сотрудников она является негативным обстоятельством, препятствием, ухудшающим деятельность, другими сотрудниками вовсе не замечается или выступает как мобилирующий фактор. Субъективная нетерпимость к интенсивности труда связывается с лояльностью как прямо (Зиновьева и др., 2010; Горностаев, Поздняков, 2016), так и опосредованно (Осин, Иванова, Гордеева, 2013; Гончарова, Сарсенова, Алешина, 2020). Относительно последнего в ряде исследований показано, что высокая интенсивность влечет за собой утомляемость, эмоциональное выгорание, которые побуждают сотрудника снижать продуктивность, изменять условия труда и принимать решение о переводе или увольнении (Аганов, Иванова, 2018).

Анализируя специфику служебной деятельности в организациях с субординативным типом управления, следует отметить особенности влияния руководителя на деятельность сотрудника. Ими являются: а) регламентация деятельности сотрудника руководителем, б) необходимость взаимодействия с руководителем для выполнения трудовых функций, в) влияние мнения руководителя о сотруднике на репутацию последнего, а также перспективы его карьерного роста. Рассмотрим их подробнее.

”

В психологических исследованиях лояльности сформировались два основных направления, различающиеся в части определения факторов и условий ее формирования.

“

1. Руководитель **регламентирует** деятельность сотрудника, определяя не только трудовые функции, но указывая цели и задачи деятельности в текущий момент. Поручения руководителя обладают императивным значением и должны выполняться сотрудником немедленно и беспрекословно. Непосредственный руководитель сотрудника осуществляет контроль над этой деятельностью и ее оценку. Вместе с тем при неадекватном стиле руководства сотрудник может выполнять несвойственные задачи, например, функции другого сотрудника, функции, возлагаемые на руководителя. Это обстоятельство воспринимается как несправедливое, поскольку сотрудник осознает, что выполняет не свои обязанности. Кроме того, при значительном количестве внешних задач и поручений руководителя сотрудник не успевает должным образом выполнять собственные задачи, что сказывается на результатах его служебной деятельности.

2. Руководитель **верифицирует** труд подчиненных ему сотрудников. В организациях субординативного типа руководитель контролирует и оценивает действия своих подчиненных. Такая практика предписы-

вается организацией труда следователей, участковых уполномоченных полиции и других категорий сотрудников. К примеру, руководитель следственного отдела проверяет уголовные дела, с которыми работал подчиненный ему сотрудник (Тутикова, 2015). При обнаружении ошибок руководитель дает указание сотруднику исправить их. Необнаруженные ошибки приводят к серьезным последствиям, выражаясь в дисциплинарных взысканиях, налагаемых на сотрудника и его руководителя. Соответственно, от компетентности руководителя зависит качество действий его подчиненных, оценка их труда. Кроме того, при подобной организации труда вопросы сплоченности в профессиональном поле подчиненных и руководителя проявляются острее. Нередко руководитель действует совместно с подчиненными, например, применяет полученные ими результаты в своей деятельности. Соответственно, он выдвигает требования к форме и срокам их представления, оценивает качество результатов. Это детерминирует противоречия между руководителем и подчиненными, обусловленные разницей в стиле и темпе, отношении к процессу и результату деятельности.

3. Руководитель **репрезентирует** деловые и личные качества сотрудника.

В субординативных организациях на руководителя возложена обязанность оценивать деятельность сотрудника, отражать ее в служебных документах и транслировать ее. Таким образом, мнение непосредственного руководителя создает репутацию сотрудника в организации субординативного типа управления. Оно является ключевым основанием для принятия решений о поощрении, наказании, переводе на другую должность. Закрепление репутации осуществляется посредством служебных характеристик, которые даются только руководителем и содержат его мнение о сотруднике. Эти документы хранятся в личном деле сотрудника в течение всего периода его служебной деятельности и фактически не могут быть заменены или переписаны. Соответственно, негативные характеристики руководителя могут выступить деструктивным фактором для карьеры сотрудника и его репутации в более поздние периоды службы и в других подразделениях (Злоказов, 2011).

Подводя итоги, отметим, что субординативный тип управления обуславливает ряд социально-психологических факторов, влияющих на формирование служебной лояльности. К их числу относится строгая регламентация взаимодействия и взаимоотношений сотрудника нормами и правилами организации, высокая интенсивность труда, а также регламентирующая, репрезентирующая и контролирующая функции непосредственного руководителя. В субординативных организациях непосредственный руководитель (а) определяет интенсивность труда сотрудника, (б) влияет на качество получаемых результатов, (в) создает репутацию

сотрудника в организации. Акцентируя внимание на этих обстоятельствах, мы предполагаем, что лояльность сотрудника организации определяется этими отношениями. Проверка высказанных предположений осуществлялась посредством эмпирического исследования.

Целью эмпирического исследования стала операционализация конструкта служебной лояльности сотрудников в организациях субординативного типа управления.

Задачей исследования являлась разработка анкеты, изучающей субъективное отношение сотрудника к выполняемой деятельности, своему непосредственному руководителю и своей репутации, а также оценка параметров ее надежности.

Гипотезами исследования выступали предположения о наличии отношений между представлениями о компетентности руководителя, его влиянии на репутацию сотрудника и уровнем интенсивности труда на готовность сотрудника к уходу (увольнению) из подразделения.

Данные предположения подвергались комплексной проверке путем разработки анкеты, содержащей в качестве структурных элементов индикаторы отношений сотрудника.

Выборка исследования

В исследовании были представлены три выборки, формируемые с учетом решаемых в исследовании задач.

Предварительная выборка использовалась для проверки стимульного материала анкеты. Ее составили сотрудники органов внутренних дел, Уральский федеральный округ, **212** человек (50 % мужчины), средний возраст 32,3 года, $SD = 7,4$.

Конструктивная выборка собиралась для проверки отношений между пунктами анкеты. В нее были включены сотрудники организаций с субординативным типом управления, представлявшие различные регионы России, а именно 7 республик, 4 края, 2 округа федерального значения, 30 областей. Общая численность выборки **268** человек (42 % мужчины, 58 % женщины), средний возраст 29,3 года, $SD=9,003$.

Методология, методы и методики исследования

Статистическими методами исследования выступали:

– на предварительном этапе – меры дескриптивной статистики, оценка внутренней согласованности проводилась расчетом α -Кронбаха;

– на конструктивном этапе применялся метод конфирматорного факторного анализа.

Для оценки лояльности использовался адаптированный автором вариант шкалы «Продолженной лояльности» методики «Шкала организационной ло-

альности» Дж. Мейера и Н. Аллен. Адаптация заключалась в изменении содержания стимульного материала в соответствии со спецификой деятельности сотрудников правоохранительных органов. Данная шкала была включена в содержание анкеты в виде показателя «Отношение к уходу из подразделения», результаты ответов на нее обобщались и оценивались наравне с другими показателями анкеты.

Описание и результаты исследования

1. Предварительный этап. На этом этапе разрабатывались утверждения, проводилась оценка их восприятия обследуемыми. Для создания анкеты нами был разработан набор из 4 групп утверждений, характеризующих ключевые параметры деятельности и отношений с руководителем.

а) ценность деятельности (например: «Вы считаете, что с уходом с текущей работы многое в Вашей жизни разрушится?»);

б) субъективную оценку интенсивности труда (например: «В настоящее время Вы меньше думаете о себе, чем о рабочих делах и работе»);

в) субъективную оценку руководителя (например: «Вмешательство начальника в Вашу работу обычно облегчает ее понимание Вами»);

г) субъективную оценку влияния руководителя на репутацию сотрудника (например: «То, как руководитель описывает Ваши качества другим людям, Вас не беспокоит»).

Для оценки ответов нами использовалась шкала Лайкерта, измеряющая отношение к утверждению в интервале пяти градаций, от категорического несогласия до полного одобрения.

Сведения о восприятии утверждений собирались на выборке пилотного исследования. Посредством ее

была проведена оценка качества утверждений, выполнена отбраковка. При отборе утверждений в шкалы рассматривались те, что коррелировали на среднем и высоком уровне статистической значимости ($r > 0,5$, при $n = 163$), а также поддерживали α -Кронбаха на приемлемом и высоком уровне. Этим условиям соответствовали только 50 % утверждений из каждой шкалы. В результате были сгруппированы шкалы, состоящие из пяти утверждений по каждому из блоков оценивания.

Высокий процент отсева утверждений объясняется нами не только их качеством, но и спецификой измерения. Ряд сотрудников не склонен высказываться о руководителе, ссылаясь на нормы, запрещающие обсуждать решения руководителя¹. Полученная структура из 20 утверждений, сгруппированная в четыре шкалы, была подвергнута дальнейшей проверке. В табл. 1 представлена характеристика шкал итогового варианта опросника.

2. Конструктивный. Оценка структурных характеристик опросника проводилась посредством конфирматорного факторного анализа. Его использование позволяет выявить уровень согласованности структурных компонент анкеты и определить устойчивость их отношений.

Тестировались три группировки (варианты) структуры анкеты, отличающиеся составом утверждений (табл. 2). Конфирматорный анализ проводился путем построения измерительной модели, осуществлялся методом взвешенных наименьших квадратов.

Сравнение моделей проводилось на основе значений показателей χ^2 , CFI и RMSEA. Оптимальной считалась модель, обладающая минимальным значением χ^2 и RMSEA (менее 0,01), при максимальном значении CFI (приближенном к 0,95).

Таблица 1. Шкалы анкеты и их статистические показатели (n = 268 сотрудников правоохранительных органов)

Table 1. Questionnaire scales and their statistical indicators (n = 268 law enforcement officers)

№ п/п	Шкалы	Описательная статистика		α -Кронбаха, средний по шкале	Межпункт. коррел., r-Пирсона
		M	SD		
1	Отношение к уходу из подразделения	3,26	0,27	0,646	0,272
2	Отношение к компетентности руководителя	3,71	0,171	0,821	0,471
3	Отношение к интенсивности деятельности	3,51	0,168	0,627	0,254
4	Отношение к мнению руководителя о сотруднике	3,22	0,44	0,752	0,387

¹ Ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».

Таблица 2. Структуры опросника и их характеристики (n = 268 сотрудников правоохранительных органов)

Table 2. Questionnaire structures and their characteristics (n = 268 law enforcement officers)

№ п/п	Конфигурации шкал опросника	Тест качества извлечения (Exact. test goodness of fit)			Параметры извлечения (Fit measures)			
		χ ²	df	p	CFI	RMSEA	(90% CI)	
							Нижн	Верхн
1	Структура 1	377	164	0.001	0.859	0.0718	0.06	0.08
2	Структура 3	352	164	0.001	0.889	0.0678	0.05	0.07
3	Структура 6	318	164	0,001	0.903	0.0601	0.05	0.07

Примечание: приведены индексы соответствия модели – CFI - сравнительный индекс согласия; RMSEA - среднеквадратическая ошибка аппроксимации.

Различия между моделями вызваны уточнением содержания шкал «Влияние руководителя на деятельность» и «Оценка интенсивности труда». Первый вариант структуры включал вопросы, измеряющие влияние руководителя на состояние сотрудника (напр.: «Проверка Ваших дел начальником воспринимается Вами негативно»). В третьем варианте использовались вопросы, оценивающие компетентность руководителя в глазах сотрудника (напр.: «Если руководитель будет делать Вашу работу, то у него это получится лучше или хуже?»). Изменение предмета оценки от эмоционального состояния к результатам труда проводилось и в шкале «Оценка интенсивности труда». Вопросы, оценивающие утомление сотрудника, были заменены на вопросы, оценивающие фактические затраты времени на труд (напр.: «В настоящее время работе Вы уделяете большую часть свободного времени?»).

Таким образом, модель № 3 по сравнению с моделями № 1 и № 2 содержала новые индикаторы шкал «Оценка интенсивности труда» и «Отношение к компетентности руководителя». Их применение улучшило психометрические характеристики модели на этапе ее оценки и на этапе конфирматорного анализа.

Итоговая конфигурация опросника с наилучшими показателями имела следующие характеристики (табл. 3).

Выполненные процедуры подтвердили достаточный уровень согласованности пунктов анкеты внутри шкал, а также их обобщенных показателей. Значение z-статистик показателей, приведенных в табл. 3, указывает на удовлетворительную дифференциацию латентных компонент модели, что свидетельствует о способности анкеты оценивать отношение сотрудника к различным сторонам профессиональной деятельности и взаимодействию с руководителем.

Таблица 3. Структура пунктов анкеты (n = 268 сотрудников правоохранительных органов)

Table 3. Structure of questionnaire items (n = 268 law enforcement officers)

№ п/п	Шкалы	Значение оценки шкалы	Стандартная ошибка измерения	Z	P
1	Отношение к уходу из подразделения	1,072	0,11	9,32	0,001
2	Отношение к компетентности руководителя	1,223	0,10	12,01	0,001
3	Отношение к интенсивности деятельности	1,225	0,11	11,4	0,001
4	Отношение к мнению руководителя о сотруднике	1,1966	0,12	9,36	0,001

Примечание: Показатели z-статистики приведены по модулю.

Можно заключить, что разработанная анкета обладает достаточными показателями надежности и внутренней согласованности, что позволяет применять ее для изучения социально-психологических характеристик лояльности.

Анализируя предпосылки валидности анкеты, отметим, что показатель «Отношение к уходу из подразделения», являющийся модификацией шкалы организационной лояльности Дж. Мейера и Н. Аллен, продемонстрировал положительные связи с другими показателями анкеты на всех этапах ее конструирования. Поскольку данный опросник ранее неоднократно применялся для изучения лояльности и обладает достаточным прогностическим потенциалом (Доминьяк, 2006; Германов, Плотникова, 2011; Корень, Ма, Семунина, 2021), данная связь свидетельствует в пользу наших предположений о социально-психологических факторах лояльности сотрудников правоохранительных органов. Вместе с тем разработанная анкета нуждается в обстоятельной валидации и психометрической проверке.

Заключение

Проведенное исследование развивает и уточняет современные представления о психологических основаниях формирования лояльности сотрудников организаций с субординативным типом управления.

Ключевым результатом исследования стало эмпирическое подтверждение влияния руководителя на уровень лояльности сотрудника к организации с субординативным типом управления. Для проверки гипотезы нами было организовано три волны исследований, разработана и эмпирически проверена структура анкеты, оценивающей лояльность сотрудника в контексте влияния руководителя.

Практическая ценность результатов видится в разработанной анкете субъективных представлений сотрудника о руководителе и ценности организации. С теоретических позиций полученные нами результаты дополняют концепции субъективной лояльности, показывающие, что влияние руководителя на репутацию сотрудника и его деятельность могут поддерживать лояльность к организации. В целом эти результаты детерминируют необходимость дальнейшего изучения роли руководителя на отношение сотрудника к своей деятельности и служебному коллективу.

Список литературы

- Аганов, С. С., Иванова, Е. С. (2018). Факторы, влияющие на профессиональную работоспособность сотрудников ГПС МЧС России при тушении пожаров. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, 11(165), 11-15.
- Березин, И. Г. (2014). Психологические особенности профессиональной идентификации сотрудников следственного комитета. *Российский психологический журнал*, 11(2), 27–35. <https://doi.org/10.21702/grj.2014.2.3>
- Васильев, М. В., Шурыгина, Ю. В. (2015). Особенности правового регулирования труда следователей Следственного комитета Российской Федерации (на примере Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан). *Вестник экономики, права и социологии*, 4, 173-178.
- Германов, И. А., Плотникова, Е. Б. (2011). Измерение организационной лояльности персонала (опыт апробации методики Мейер-Аллен). *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 3(7), 106-111.
- Гончарова, Н. А., Сарсенова, А. А., Алешина, В. Ю. (2020). Мотивационные предикторы служебной лояльности субъектов учебно-профессиональной деятельности. *Прикладная юридическая психология*, 4(53), 116-123.
- Гордеева, М. А. (2014). Эмоциональное выгорание государственных служащих. *Теория и практика общественного развития*, 9, 43-45.
- Горностаев, С. В. (2017). Теоретико-методологические основания исследования служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы. *Человек: преступление и наказание*, 25(3), 483-488.
- Горностаев, С. В., Поздняков, В. М. (2016). Проблемы взаимосвязи служебной лояльности и личностного благополучия государственных служащих. *Человек: преступление и наказание*, 3(94), 30-36.
- Дежкина, Ю. А. (2007). *Развитие профессионально важных качеств сотрудников государственной противопожарной службы МЧС России в процессе профессионализации*: автореф. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург.
- Демушина, О. Н. (2015). Факторы, влияющие на лояльность персонала коммерческой организации. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 1(10), 65-70.
- Доминьяк, В. И. (2006). Организационная лояльность: основные подходы. *Менеджер по персоналу*, 4, 34–40.
- Ермолаев, В. В. (2012). Представления о профессиональной карьере у сотрудников полиции с разным уровнем лояльности к организации. *Вестник Воронежского института МВД России*, 4, 162-166.
- Зиновьева, Д. М., Юнда, А. В., Долгополова, О. А. (2010). Профессиональные детерминанты субъективного благополучия государственных и муниципальных служащих. *Социология власти*, 7, 132-140.
- Злоказов, К. В. (2011). *Психологический анализ деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов*: монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России.

- Савоськина, Т. Н., Червонных, Е. В., Зубков, В. Ю. (2011). Нормирование трудовой деятельности в обеспечивающих подразделениях органов и учреждений Министерства внутренних дел Российской Федерации: основные характеристики, тенденции, проблемы и пути их преодоления. *Труды Академии управления МВД России*, 1 (17), 13-18.
- Исхаков, Э. Р., Биккинина Г. М. (2010). Интенсивность производственной нагрузки и напряженность труда как факторы риска служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел. *Медицина труда и промышленная экология*, 6, 32-38.
- Кидинов, А. В. (2021). Исследование аддитивного и субординативного механизмов развития внутригрупповых отношений в профессиональной организации. *Общество: социология, психология, педагогика*, 5(85), 106-111. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.5.17>
- Корень, В. А., Ма Ц., Семунина, С. Е. (2021). Анализ методик измерения организационной лояльности. *Скиф. Вопросы студенческой науки*, 8(60), 19-27.
- Лопатин, Е. А., Лаврентьева, И. В., Воробьев, С. М. (2020). Взаимосвязь лояльности курсантов к службе и ее несению в вузе Министерства внутренних дел Российской Федерации с уровнем субъективного финансового благополучия. *Прикладная юридическая психология*, 1(50), 61-67. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.1\(50\).061-067](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.1(50).061-067)
- Лячин, М. А. (2014). Лояльность в системе мотивации трудовой деятельности. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, 4(28), 32-35.
- Осин, Е. Н., Иванова, Т. Ю., Гордеева, Т. О. (2013). Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия у сотрудников российских организаций. *Организационная психология*, 3(1), 8-29.
- Соломин, И. Л. (2001). «О цветowych метафорах», и не только о них. (Психологическая газета). *Психология обучения*, 8.
- Тутикова, И. А. (2015). Жалобы участников уголовного судопроизводства как результат следственных ошибок на стадии предварительного расследования. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*, 25(4), 150-153.
- Фалкина, С. А. (2019). Профессионально важные качества прокурорских работников для деятельности в сфере профилактики. *Мир науки. Педагогика и психология*, 7(4). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/60PSMN419.pdf>
- Becker, T. E., Billings, R. S., Eveleth, D. M., & Gilbert, N. L. (1996). Foci and Bases of Employee Commitment: implications for Job Performance. *Academy of Management Journal*, 39(2), 464-482. <https://doi.org/10.5465/256788>
- Reichheld, F. (2006). The Microeconomics of Customer Relationships. *MIT Sloan Management Review*, 47(2), 73-78.

References

- Aganov, S. S., Ivanova, E. S. (2018). Faktory, vliyayushchie na professional'nuyu rabotosposobnost' sotrudnikov GPS MCHS Rossii pri tushenii pozharov. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 11(165), 11-15.
- Berezin, I. G. (2014). Psihologicheskie osobennosti professional'noj identifikacii sotrudnikov sledstvennogo komiteta. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*, 11(2), 27-35. <https://doi.org/10.21702/rpj.2014.2.3>
- Vasil'ev, M. V., SHurygina, YU. V. (2015). Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda sledovatelej Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii (na primere Sledstvennogo upravleniya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po Respublike Tatarstan). *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*, 4, 173-178.
- Germanov, I. A., Plotnikova, E. B. (2011). Izmerenie organizacionnoj lojal'nosti personala (opyt aprobacii metodiki Merjer-Allen). *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya*, 3(7), 106-111.
- Goncharova, N. A., Sarsenova, A. A., Aleshina, V. Yu. (2020). Motivacionnye prediktory sluzhebnoj lojal'nosti sub'ektov uchebno-professional'noj deyatel'nosti. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4(53), 116-123.
- Gordeeva, M. A. (2014). Emocional'noe vygoranie gosudarstvennyh sluzhashchih. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 9, 43-45.
- Gornostaev, S. V. (2017). Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovaniya sluzhebnoj lojal'nosti sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 25(3), 483-488.
- Gornostaev, S. V., Pozdnyakov, V. M. (2016). Problemy vzaimosvyazi sluzhebnoj lojal'nosti i lichnostnogo blagopoluchiya gosudarstvennyh sluzhashchih. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 3(94), 30-36.
- Dezhkina, Yu. A. (2007). *Razvitie professional'no vazhnykh kachestv sotrudnikov gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii v processe professionalizacii*: avtoref. ... kand. psihol. nauk. Saint Petersburg.
- Demushina, O. N. (2015). Faktory, vliyayushchie na lojal'nost' personala kommercheskoj organizacii. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psihologiya*, 1(10), 65-70.

- Dominyak, V. I. (2006). Organizacionnaya loyāl'nost': osnovnye podhody. *Menedzher po personalu*, 4, 34–40.
- Ermolaev, V. V. (2012). Predstavleniya o professional'noj kar'ere u sotrudnikov policii s raznym urovnem loyāl'nosti k organizacii. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 4, 162-166.
- Zinov'eva, D. M., Yunda, A. V., Dolgopolova, O. A. (2010). Professional'nye determinanty sub'ektivnogo blagopoluchiya gosudarstvennyh i municipal'nyh sluzhashchih. *Sociologiya vlasti*, 7, 132-140.
- Zlokazov, K. V. (2011). *Psihologicheskij analiz destruktivnosti lichnosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov*: monografiya. Ekaterinburg: Ural'skij yuridicheskij institut MVD Rossii.
- Savos'kina, T. N., Chervonnyh, E. V., Zubkov, V. Yu. (2011). Normirovanie trudovoj deyatel'nosti v obespechivayushchih podrazdeleniyah organov i uchrezhdenij Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii: osnovnye harakteristiki, tendencii, problemy i puti ih preodoleniya. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 1 (17), 13-18.
- Iskhakov, E. R., Bikkinina G. M. (2010). Intensivnost' proizvodstvennoj nagruzki i napryazhennost' truda kak faktory riska sluzhebnoj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del. *Medicina truda i promyshlennaya ekologiya*, 6, 32-38.
- Kidinov, A. V. (2021). Issledovanie additivnogo i subordinativnogo mekhanizmov razvitiya vnutrigruppovyh otnoshenij v professional'noj organizacii. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, 5(85), 106-111. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.5.17>
- Koren', V. A., Ma C., Semunina, S. E. (2021). Analiz metodik izmereniya organizacionnoj loyāl'nosti. *Skif. Voprosy studentcheskoj nauki*, 8(60), 19-27.
- Lopatin, E. A., Lavrent'eva, I. V., Vorob'ev, S. M. (2020). Vzaimosvyaz' loyāl'nosti kursantov k sluzhbe i ee neseniyu v vuze Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii s urovnem sub'ektivnogo finansovogo blagopoluchiya. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 1(50), 61-67. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.1\(50\).061-067](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.1(50).061-067)
- Lyachin, M. A. (2014). Loyāl'nost' v sisteme motivacii trudovoj deyatel'nosti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 4(28), 32-35.
- Osin, E. N., Ivanova, T. Yu., Gordeeva, T. O. (2013). Avtonomnaya i kontroliruemaya professional'naya motivaciya kak prediktory sub'ektivnogo blagopoluchiya u sotrudnikov rossijskikh organizacij. *Organizacionnaya psihologiya*, 3(1), 8-29.
- Solomin, I. L. (2001). «O cvetovyh metaforah», i ne tol'ko o nih. (Psihologicheskaya gazeta). *Psihologiya obucheniya*, 8.
- Tutikova, I. A. (2015). Zhaloby uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva kak rezul'tat sledstvennyh oshibok na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»*, 25(4), 150-153.
- Falkina, S. A. (2019). Professional'no vazhnye kachestva prokurorskih rabotnikov dlya deyatel'nosti v sfere profilaktiki. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 7(4). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/60PSMN419.pdf>
- Becker, T. E., Billings, R. S., Eveleth, D. M., & Gilbert, N. L. (1996). Foci and Bases of Employee Commitment: implications for Job Performance. *Academy of Management Journal*, 39(2), 464-482. <https://doi.org/10.5465/256788>
- Reichheld, F. (2006). The Microeconomics of Customer Relationships. *MIT Sloan Management Review*, 47(2), 73–78.

Информация об авторе:

Асель Азилбековна Сарсенова – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 12.05.2022

Одобрена после рецензирования 14.06.2022

Опубликована 29.07.2022

About the author:

Asel A. Sarsenova – Graduate of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted May, 12, 2022

Approved after reviewing June 14, 2022

Accepted July 29, 2022

Original paper

УДК 343.9.018 + 343.2/.7

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-211-218

Criminological problems of Russian sports

Ekaterina N. Rakhmanova North-Western Branch of the Russian State University of Justice
(Saint Petersburg, Russia)
kaf.up@szfrgup.ru**ORCID:** 0000-0003-4602-4676**Andrey N. Berestovoy**North-Western Branch of the Russian State University of Justice
(Saint Petersburg, Russia)**ORCID:** 0000-0003-0805-900X**Pavel V. Tsvetkov**North-Western Branch of the Russian State University of Justice
(Saint Petersburg, Russia)**ORCID:** 0000-0002-1724-6125

Abstract

The modern Russian Criminal Code provides for criminal liability for unlawfully influencing the result of a sports competition (fixed match), as well as for inducing an athlete to use or for using substances and (or) methods and means prohibited in sports against an athlete. In December 2021, the State Duma passed the first reading of the draft law on combating fixed matches. Russia is a party to international acts aimed at combating manipulation of the results of sports competitions and doping. Serious work is underway in the country to restore the sports image after the doping scandals of 2014. At the same time, official judicial statistics do not allow us to fully assess the real size of crime committed in the field of sports. There are practically no criminal cases. A significant factor that makes it difficult to understand the true state of affairs in the field of sports is its closeness and autonomy. Although articles about fixed matches and doping are systematically published in the media. It was these problems that determined the need for a comprehensive criminological study on crime in the field of sports. In the course of the research, content analysis, documentary method and general scientific methods were used, such as comparison, analysis and synthesis, statistical and specifically sociological methods, as well as deductive method. The results of the study showed that the criminal policy and the current criminal legislation in the field of sports cause well-founded criticism of scientists, lawyers, and athletes, primarily for its inefficiency.

Keywords

sports, criminal policy, fixed matches, doping, corruption

Acknowledgements

This research is financially supported by RFBR, research project No. 20-011-00414 A «Criminal Law and Criminological Problems of Countering Crime in Sports».

For citation: Rakhmanova, E. N., Berestovoy, A. N., Tsvetkov, P. V. (2022). Criminological problems of Russian sports. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(2), 211–218. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-211-218.

Оригинальная статья

Криминологические проблемы российского спорта

**Екатерина Николаевна
Рахманова**Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный
университет правосудия»
(Санкт-Петербург, Россия)
kaf.up@szfrgup.ru**ORCID:** 0000-0003-4602-4676**Андрей Николаевич
Берестовой**Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный
университет правосудия»
(Санкт-Петербург, Россия)**ORCID:** 0000-0003-0805-900X**Павел Валерьевич
Цветков**Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный
университет правосудия»
(Санкт-Петербург, Россия)**ORCID:** 0000-0002-1724-6125

Аннотация

Современный российский уголовный кодекс предусматривает уголовную ответственность за противоправное оказание влияния на результат спортивного соревнования (договорный матч), а также за склонение спортсмена к использованию либо за использование в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов и средств. 16 февраля 2022 года Государственная Дума приняла закон о борьбе с договорными матчами. Россия является участником международных актов, направленных на борьбу с манипулированием результатами спортивных соревнований и допингом. В стране ведется серьезная работа по восстановлению спортивного имиджа после допинговых скандалов 2014 года. При этом официальные данные судебной статистики не позволяют в полной мере оценить реальные размеры преступности, совершаемой в сфере спорта. Уголовных дел практически нет. Существенным фактором, затрудняющим понимание истинного положения дел в сфере спорта, являются его закрытость и автономность. Хотя в средствах массовой информации систематически публикуются статьи о договорных матчах и допинге. Именно эти проблемы определили необходимость проведения комплексного криминологического исследования, посвященного преступности в сфере спорта. В ходе исследования применялись контент-анализ, документальный метод и общенаучные методы, такие, в частности, как сравнение, анализ и синтез, статистический и конкретно-социологический методы, а также дедуктивный метод. Результаты исследования показали, что уголовная политика и действующее уголовное законодательство в сфере спорта вызывают вполне обоснованную критику ученых, юристов и спортсменов, прежде всего, за его неэффективность.

Ключевые слова

спорт, уголовная политика, договорные матчи, допинг, коррупция

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, НИЦ № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте».

Для цитирования: Рахманова, Е. Н., Берестовой, А. Н., Цветков, П. В. (2022). Криминологические проблемы российского спорта. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 211–218. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-211-218.

Introduction

Sport is an important part of almost any person's life. They are engaged in both on a professional and amateur basis. They are involved in sports from childhood to old age. Gradually, over many decades of the 20th century, sport has become commercialized and turned into a serious global phenomenon. As a result, the commercialization and globalization of sports have led to the development of a number of negative phenomena, which, first of all, include corruption, fixed matches, doping, etc. Sport is closely related to organized crime (Topilskaya, 2020). Almost all countries of the world have found themselves faced with the need to devel-

op special programs, as well as adopt regulatory legal acts to counteract negative phenomena that are related to sports or occur within sports. According to UN estimates, about \$1.7 trillion annually passes through illegal betting shops alone. The Russian Federation did not stay away from these processes either. The doping scandals of 2014 also forced us to pay special attention to the situation in Russian sports (Duval, 2017). Russian criminal law provides for liability for both doping and fixed matches. But at the moment they cannot be considered effective. Criminological problems of sports have not been dealt with by many specialists in Russian science until recently. Basically, individual problems

of sports were studied, such as doping, fixed matches, corruption, violence and extremism in sports, sports and organized crime. At the same time, A. P. Alekseeva M. P. Kleimenov (Alekseeva, 2021; Kleymenov, 2012) began to develop a comparative new complex direction - sports criminology, which allows to critically assess the state and problems of crime in the field of sports (Groombridge, 2016; Jump, 2019).

Research methodology

In the course of the study, the method of content analysis of publications in the media about well-known cases of fixed matches, doping and corruption in Russian sports was used, as well as a documentary method for studying international and national regulatory legal acts, scientific publications, and such general scientific methods as comparison, analysis and synthesis, deductive method, which allowed to formulate some general conclusions. Statistical and specifically sociological methods were used to collect and analyze empirical data, with the help of which a survey of experts and an analysis of criminal law statistics were carried out.

The results of the study

Professional athletes and those who play sports on an amateur basis, as well as legal experts (judges, lawyers and prosecutors) took part in the criminological study on sports. A total of 110 people participated in the survey, including 50 lawyers from various regions of Russia, as well as the Republic of Belarus. In addition, 50 athletes representing various sports clubs of St. Petersburg were interviewed separately. The first survey was devoted to the problems of crime in the field of sports in general, the second to doping.

One of the most painful and difficult to identify problems in sports is corruption. The analysis of criminal statistics data does not allow us to fully assess the presence or absence of corruption-related criminal cases related to sports. Usually, persons guilty of committing such crimes are liable for ordinary crimes such as bribery, fraud, abuse of official authority, etc. So, in 2020, a criminal case was initiated in St. Petersburg under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation "Fraud" against officials who were responsible for the construction of the stadium. According to the prosecutor of St. Petersburg S. Litvinenko,

Table 1. The extent of corruption in sports

Таблица 1. Масштабы коррупции в спорте

Question	Athletes	Lawyers
High	30.3	32.6
Average	35	37
Low	9.1	4.3
Neither agree nor disagree	25.6	28.1

Table 2. Causes of corruption in sports

Таблица 2. Причины коррупции в спорте

Answer option	% of responses	
	athletes	lawyers
Opacity of the work of sports organizations	44.8	79.2
Low legal culture of athletes	41.8	41.7
The absence of units of their own security services and law enforcement units specializing in the identification, disclosure and investigation of crimes related to the organization and conduct of sports events	40.3	41.7
Economic factors	49.3	37.5
Imperfection of legislation	44.8	37.5
Established traditions, peculiarities of culture and mentality	40.3	29.2
Lack of proper control in the field of sports medicine	40.3	29.2
Poor professional training of members of competitive, auction and quotation commissions	17.9	20.8

as a result of their actions, damage was caused up to hundreds of millions of rubles.¹

The survey showed that both athletes and lawyers almost unanimously consider sports corrupt (82%). At the same time, a third of respondents identified the prevalence of corruption in sports as “high”.

However, in assessing the causes of corruption in the field of sports, the opinions of the survey participants differed.

As the analysis of the answers shows, if athletes assess the possible causes of corruption in sports relatively equally, then lawyers first of all pay attention to the lack of transparency of sports organizations (1st place), the low legal culture of athletes and the lack of their own security service units (2nd place), followed by economic factors and imperfect legislation (3rd place), and finally, traditions, cultural peculiarities, lack of proper control and poor professional training of members of competitive, auction and quotation commissions.

It is obvious that the last factor “poor professional training of members of competitive, auction and quotation commissions” was in last place also for athletes, since most of them do not have sufficient knowledge and ideas about this area of life, which, by the way, is to some extent confirmed by the opinion of lawyers about the low legal culture of athletes. And at the same time, the opinion of both of them about the need to create special units of law enforcement agencies and their own security services for their independent investigation of crimes in the field of sports is of interest. If we must agree with the first, then the involvement of independent security services in the disclosure of sports crimes, firstly, contradicts the goals and objectives of such bodies, which are charged with ensuring the safety of sporting events, and, secondly, the expansion of their functions can only further contribute to the development of excessive in this case autonomy and self-governance of the sports sphere.

Among the most common illegal actions in the field of sports are fixed matches. In the Russian Federation, responsibility for them is established in Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation. For the first time, this norm appeared in Russian criminal legislation in 1996 in connection with the adoption of a new criminal code. Thus, the legislator indirectly confirmed the presence of this negative phenomenon in our country. Over the years, Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation has undergone significant changes, and now it is called “Unlawful influence on the result of a sports competition or spectacular commercial contests”. You should immediately pay attention to the second part of the name, namely, “commercial contest”. It is obvious that commercial contests have a completely different legal nature, objectives and goals (Kleymenov, M. P., & Kleymenov, I. M., 2021, page 717). That is why there were no questions concerning commercial contests in our study.

As expected, more than half of the respondents know about fixed matches (56.7%). Although the data of criminal statistics indicate the absence of criminal cases under Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation, but in the media they write a lot and constantly about fixed matches. However, a criminal case has now been initiated for fixed matches against its organizers (Tamagut, 2021).

And, as a result, almost 80% of both athletes and lawyers believe that the results of sports competitions do not meet the principles of fair play, which, in their opinion, is primarily caused by corruption (53.3%), as well as due to the subordination of judges to the instructions of sports officials (31.7%).

As a result, the most interested in the result of sports competitions, according to athletes, are sports officials (1st place), in other words, authorities, then - organizers of competitions (2nd place) and only then - in descending

Table 3. Who is interested in the results of a sports competition?

Таблица 3. Кто заинтересован в результатах спортивных соревнований?

Answer option	% of responses	
	athletes	lawyers
Organizer of a sports competition	42	51
Sports Agent	29	31
Team Leader	20	31
Sports referee	30	20
Sports officials	55	55
Coach	29	27
Sportsman	33	37

¹ RIA Novosti <https://realty.ria.ru/20130206/399579256.html>

order: athlete, judge, agent and team leader. The lawyers interviewed by us practically answered the same way as the athletes, which once again underlines the general perception of the respondents of the sphere of sports as corrupt.

Their opinion is also supported by professional sports observers who write that “perhaps in our history there has never been such a thing when no one trusts anyone: clubs do not trust each other, football players do not trust their managers, club managers and the RFU do not trust the league, and all together they do not trust the referees” (Ivanov, 2020).

The problem of recent years for our sport has been doping. After the events of 2014, the criminal legislation was supplemented with new articles - Article 230¹ and 230² of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for inducing or using prohibited substances and (or) methods in sports against an athlete. It should be noted at once that experts perceived these novels ambiguously. A number of them believe that the legislator was in a hurry, some, on the contrary, believe that it was done on time.

As for the results of the survey, both athletes and lawyers unanimously claim that the use of prohibited substances and (or) methods by athletes in sports affect the results of sports competitions (86%). But they treat criminal responsibility differently.

At the same time, respondents agree that in a situation related to doping, criminal liability under Article 230¹ and 230² of the Criminal Code of the Russian Federation is sufficient, it should be applied to guilty persons (60%), while about 30% would like to increase the severity of criminal liability, and about 10% would be limited to administrative measures.

From our point of view, the results of a survey specifically dedicated to doping, in which 50 athletes from St. Petersburg, representatives of athletics, took part, are of interest. As it turned out, about 50% of them know exactly what means and methods are prohibited in sports. But not everyone is ready to report their use:

- 14 athletes would hypothetically report the fact of doping by a familiar athlete;
- 32 athletes would have reported the fact of doping to athletes by someone else's coach;
- 20 would have reported the fact of doping to athletes by their coach;
- 4 admitted that they were offered to use doping to improve athletic performance, but they did not tell anyone about it.

As the survey showed, the respondents know athletes who use doping. But with regard to the possibility of taking doping themselves or using methods prohibited in sports, for the sake of improving the result, athletes answered, mostly evasively: «it would depend on the situation».

As can be seen from the table, internal rules, as well as coaches and heads of sports federations influence the athlete's decision-making to the greatest extent.

The opinion of athletes and lawyers is also of interest, who «suffers» the most during a fixed match or in the case of athletes using substances and/or methods prohibited in sports.

Interestingly, the lawyers had athletes in the first place, followed by spectators or fans and coaches. At the same time, athletes believe that in this case, the interests of athletes and spectators (fans) are equally affected. Bookmakers did not name almost everything.

Table 4. Attitude to the introduction of criminal liability for doping

Таблица 4. Отношение к введению уголовной ответственности за допинг

Answer option	% of responses	
	athletes	lawyers
Yes, criminal liability is needed	15.6	28.7
There are enough administrative and legal measures	68.2	56.3
The use of "doping" is a personal right of the athlete	12.2	10
Neither agree nor disagree	4	5

Table 5. What the athlete focuses on when making a decision about the use of doping

Таблица 5. На что ориентируется спортсмен, принимая решение об употреблении допинга

The survey also revealed who or what has the greatest influence on their decision-making	%%
internal rules of the sports organization	34
the authority of coaches and heads of sports federations	30
state policy in the field of sports	26

Table 6. Whose interests are violated as a result of fixed matches and the use of doping by athletes

Таблица 6. Чьи интересы нарушаются в результате договорных матчей и применения спортсменами допинга

Answer option	% of responses	
	athletes	lawyers
Sportsman	58	78
Spectator, fan	59	68
Coach	46	46
Organizer of a sports competition	17	16
Relatives of the athlete	11	16
Team Leader	11	14
Sports Agent	5	12
Sports officials	1.5	8
Other athletes (not participating in a sports competition), bookmakers	0	1

At the end, the respondents found out their attitude to the criminal policy in the field of sports: how effective it is from their point of view and what hinders the fight against crime to the greatest extent. As it turned out, almost half of the respondents agree that the current criminal law measures are not effective (48%), and they attribute this to a low level of legal culture (50%) and imperfect legislation (38%).

Discussion of the results

The current problems of Russian sports, as the study shows, as well as the study of materials published in the media and scientific publications, primarily lie in its corruption. This is due, as many experts rightly point out, to the peculiarities of the legal regulation of the sphere of sports.

In the Russian Federation, the principle of sports autonomy is combined with state regulation, which is enshrined in the Federal Law “On Physical Culture and Sports in the Russian Federation”. Sports organizations own their own budget, independently solve issues related to the distribution of income received, the transfer of athletes from one club to another, etc. At the same time, Russian sports exists mainly due to state funding. But the closeness of sports organizations associated with the peculiarities of their management does not allow for proper control of financial flows. Moreover, there are still no regulatory legal acts establishing criteria for evaluating the activities of sports organizations (Galieva, 2017, page 38). In addition, sports organizations have the right to independently decide on the responsibility of athletes and establish their own disciplinary rules.

Corruption actions can be committed within sports federations, clubs, etc., for example, be related to the election of the president of the club, with the construction

of a sports facility or participation in a competition for the purchase of certain equipment. Commercial beginnings in sports, which is a kind of entrepreneurial activity, have led to the spread of a number of other negative phenomena such as fixed matches and doping (Maennig, 2005; Masters, 2015).

In this case, we have to agree with the authors, who rightly point out the imperfection of domestic criminal legislation in the field of sports. Moreover, M. P. Kleimenov and I. M. Kleimenov even write that in their opinion Articles 184, 230¹ and 230² of the Criminal Code of the Russian Federation, as they were practically not applied, and will not be applied further (Kleymenov, M. P., & Kleymenov, I. M., 2021, page 717). According to Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation, from 1996 to the present, only one criminal case is being considered in court, and according to Article 230², only one sentence has been passed since 2016. Leaving aside the technical and legal problems of these articles, from a criminological point of view, we have to agree that they were adopted without the necessary criminological assessment in this case (Rakhmanova & Topilskaya, 2021) and have a political character rather than a normative one (Kleymenov, M. P., & Kleymenov, I. M., 2021, page 718).

It is considered that the crimes provided for in Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation (fixed matches) are purely corruption crimes, while Articles 230¹ and 230² of the Criminal Code of the Russian Federation (doping) are crimes that infringe on the health and public morality of the population. But the answers of both athletes and lawyers show that both crimes, first of all, encroach on public morality. It was the fans who turned out to be the persons whose interests are most and equally violated by fixed matches and doping.

Conclusions

Crime in the field of sports is not a new phenomenon, but the forms and types of criminal behavior are constantly changing. Sport is not only athletes, coaches, representatives of sports organizations, etc., but a very wide range of people are also involved in the field of sports, including fans, parents of athletes, etc. In light of this, special attention should be paid not only to the forms of their interaction, but also to considering the moral principles that underlie sports. Moreover, special hopes are pinned on sports in the light of countering crime in general and, first of all, juvenile and youth crime.

Currently, new efforts are being made in the country to combat crime in the field of sports. In 2021, the State Duma passed in the first reading a bill on combating fixed matches. A plan has been adopted to implement measures to fulfill obligations in connection with the ratification of the Council of Europe Convention against Manipulation of Sports Results.

It is obvious that the current criminal law regulation to solve criminological problems in sports is clearly not enough. Not to mention that the boundaries of criminal law regulation in sports have not yet been precisely clarified. In our opinion, they should be defined as the legitimate interests of the individual, society and the state in sports protected by criminal law.

Although it is obvious that the general situation in sports is influenced by such factors as political, social, economic, and cultural, as well as specific ones inherent only to it. Real changes in the field of sports are possible only with the participation of representatives of both the state and sports organizations and law enforcement agencies. In turn, athletes, coaches, agents, etc. should also be ready to participate in coordinated actions to implement criminal policy in the field of sports.

Finally, it is necessary to develop research on the problems of crime in the field of sports, the results of which can be used as a basis for public policy in sports.

References

- Alekseeva, A. P. (2021). *Sports criminology*: monograph. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: INFRA-M. <https://doi.org/10.12737/24136>
- Duval, A. (2017). The Russian doping scandal at the court of arbitration for sport: lessons for the world anti-doping system. *The International Sports Law Journal*, 16, 177–197.
- Galieva, E. V. (2017). Public administration physical culture and sports. *Ural and Siberia bulletin of sports science*, 2(14), 34–39.
- Groombridge, N. (2016). *Sports Criminology: A critical criminology of sport and games*. Policy Press Scholarship Online. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781447323150.001.0001>
- Ivanov, D. (2020, December 22). *Trend-2020 – a crisis of confidence in our football*. (Sport Express) <https://www.sport-express.ru/football/rfpl/reviews/chempionat-rossii-sudeystvo-v-rpl-trend-2020-krizis-doveriya-v-nashem-futbole-1740901/>
- Jump, D. (2019). Sports Criminology: A Critical Criminology of Sports and Games. *Sociology of Sport Journal*, 36 (3), 254–255. <https://doi.org/10.1123/ssj.2018-0065>
- Kleymenov, M. P. (2012). Sports criminology abroad. *Herald of Omsk University. Series: Law*, 2(31), 256–257.
- Kleymenov, M. P., & Kleymenov, I. M. (2021). Criminological aspects of sport policy. *Russian Journal of Criminology*, 15(6), 714–723. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(6\).714-723](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(6).714-723)
- Maennig, W. (2005). Corruption in International Sports and Sport Management: Forms, Tendencies, Extent and Countermeasures, *European Sport Management Quarterly*, 5(2), 187–225. <https://doi.org/10.1080/16184740500188821>
- Masters, A. (2015). Corruption in sport: From the playing field to the field of policy. *Policy and Society*, 34(2), 111–123. <https://doi.org/10.1016/j.polsoc.2015.04.002>
- Press Release First-ever Global Report on Corruption in Sport flags urgent need for unified, international response to corrupt practices in sport. Vienna (Austria), 9 December 2021 (UN Information Service) <https://www.unodc.org/unodc/en/press/releases/2021/December/first-ever-global-report-on-corruption-in-sport-flags-urgent-need-for-unified-international-response-to-corrupt-practices-in-sport.html>
- Rakhmanova, E. N., & Topilskaya, E. V. (2021). Criminological Analysis Of The Russian Anti-Doping Criminal Law. In E.V. Toropova, E.F. Zhukova, S.A. Malenko, T.L. Kaminskaya, N.V. Salonikov, V.I. Makarov, A.V. Batulina, M.V. Zvyaglova, O.A. Fikhtner, & A.M. Grinev (Eds.), *Man, Society, Communication*, vol 108. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 1858–1864). <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.232>
- Tamagut, P. (2021, August 03). *The interrupted flight of the “Seagull”: how a fixed match hit the football empire*. (ExpertSouth) <https://expertsouth.ru/news/prervannyy-polet-chayki-kak-dogovornoy-match-udaryl-po-futbolnoy-imperii/>
- Topilskaya, E. V. (2020). Sports and organized crime: ways to gain the illegal material benefit (criminological analysis). *Business. Education. Law*, 3(52), 350–355. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.52.369>

Информация об авторах:

Екатерина Николаевна Рахманова – заведующий кафедрой уголовного права, доктор юридических наук, доцент.

Андрей Николаевич Берестовой – доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент.

Павел Валерьевич Цветков – старший преподаватель кафедры уголовного права.

About the authors:

Ekaterina N. Rakhmanova – Head of the Department of Criminal Law, Doctor of Law, Associate Professor.

Andrey N. Berestovoy – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Pavel V. Tsvetkov – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 04.05.2022

Одобрена после рецензирования 14.06.2022

Опубликована 29.07.2022

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted May 4, 2022

Approved after reviewing June 14, 2022

Accepted July 29, 2022

Оригинальная статья

УДК 343.915

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-219-224

Криминогенность и криминотаксис акцентуаций

Геннадий Васильевич НазаренкоЮго-Западный государственный университет
(Курск, Россия)
nazarenkogen@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7572-5100

Аннотация

В статье рассматриваются недостаточно исследованные в отечественной криминологии феномены криминогенности и криминотаксиса акцентуаций, характерные для несовершеннолетних и взрослых лиц, предрасположенных к совершению вполне определенных преступлений. В психологической и судебно-психиатрической литературе эти феномены рассматриваются как проявления отклоняющегося поведения, связанного с акцентуированными состояниями психики, которые существенно отличаются от расстройств личности и поведения, то есть психопатий. Сравнительное сопоставление противоправного поведения лиц с различными акцентуациями показывает, что они обладают разным криминогенным потенциалом – от очень высокого до предельно низкого. В результате проведенного исследования установлено, что акцентуации различного типа тесно связаны с преступлениями определенного вида, то есть образуют криминотаксис акцентуаций. Акцентуации характера, которые в психологии рассматриваются как типологические модели поведения, влияют на механизм совершения преступления. Особенности преступного поведения акцентуированных лиц дают возможность не только прогнозировать и предупреждать совершение ими определенных видов преступлений, но и более результативно раскрывать и расследовать ряд преступлений, а также со знанием дела осуществлять профилактику преступлений акцентуированных подростков.

Ключевые слова

криминогенность акцентуаций, криминотаксис для акцентуаций, типологические модели криминального поведения

Для цитирования: Назаренко, Г. В. (2022). Криминогенность и криминотаксис акцентуаций. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 219–224. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-219-224.

Original paper

Gennady V. Nazarenko Southwest State University
(Kursk, Russia)
nazarenkogen@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7572-5100

Criminogenity and criminotaxis of accentuations

Abstract

The article examines the phenomena of criminogenity and criminotaxis of accentuations characterizing minors and adults predisposed to commit certain crimes. The suggested theory is insufficiently studied in domestic criminology. In psychological and forensic literature, these phenomena are considered manifestations of deviant behavior associated with accentuated states of the mind, which differ significantly from personality and behavior disorders, i.e. psychopathy. Comparison between the illegal behavior of persons with different accentuations shows that they have different criminogenic potential: from very high to extremely low. As a result of the conducted research, it was found that accentuations of various types are closely related to crimes of a certain type, that is, they form a criminotaxis of accentuations. Character accentuations,

which in psychology are considered as typological models of behavior, affect the mechanism of committing a crime. The peculiarities of the criminal behavior of accentuated persons make it possible not only to predict and prevent the certain types of crimes, but also to more effectively investigate a number of crimes, as well as expertly carry out the adolescent crime prevention measures.

Keywords

criminogenicity of accentuations, criminotaxis of accentuations, typological models of criminal behavior

For citation: Nazarenko, G. V. (2022). Criminogenicity and criminotaxis of accentuations. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(2), 219–224. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-219-224.

Введение

В современной криминологии наряду с традиционной социологической школой в последние несколько десятилетий развивается социобиологическое направление исследований преступного поведения. Представители и сторонники нового подхода к криминальному поведению основное внимание уделяют биологическим детерминантам, поскольку многочисленные наблюдения судебных психиатров, психологов и криминологов свидетельствуют, что биологические свойства, присущие лицам, совершившим преступные деяния, в целом ряде криминальных актов являются определяющими факторами противоправного поведения. Связь между отклоняющимся поведением и его биологической основой прослеживается в тех случаях, когда преступления совершаются лицами с акцентуациями характера, которые выступают в роли криминогенных факторов, определяющих противозаконное поведение акцентуированных лиц.

Описание исследования

В целях исследования криминогенности и установления криминотаксиса акцентуаций характера проведен контент-анализ публикаций зарубежных и отечественных авторов, которые отмечают предрасположенность акцентуированных лиц к совершению определенных видов преступлений. Закономерности поведения таких лиц, выявленные психологами, психиатрами и отдельными криминологами, подтверждены результатами собственных исследований и описаны в рамках концепции криминогенности и криминотаксиса акцентуаций, характерных для правонарушителей.

В уголовно-правовой литературе проблемы криминогенности и криминотаксиса акцентуаций исследованы недостаточно, так как исходный концепт «акцентуация» в научной литературе используется недавно и непрочно вошел в научный оборот юристов. Внимание акцентуациям уделяют в основном психиатры и психологи, дифференцируя психические отклонения и близкие к ним заострения характера в виде акцентуаций. В отечественной криминологии социо-

логического направления влиянию биологических факторов на криминальные проявления внимания не уделяется. Исключение в этом отношении составляют лишь немногочисленные работы сторонников социобиологического направления, в которых справедливо отмечается что «многие преступники обладают ярко выраженными индивидуальными качествами, устойчивыми сочетаниями неблагоприятных черт характера – акцентуациями»¹.

В общей психологии под акцентуациями характера понимается преимущественное развитие тех свойств психики, которые препятствуют усвоению позитивных моделей поведения, повышают конфликтность и существенно затрудняют социализацию личности². Судебные психиатры считают, что «акцентуированные личности – промежуточное явление между нормой и психопатией» (Блейхер и Крук, 1995, с. 20). Это означает, что акцентуации характера близки к психическим расстройствам личности, которые в соответствии с МКБ-10 проявляются как расстройства поведения. Клиницисты отмечают, что в неблагоприятных ситуациях акцентуации предрасполагают к развитию психопатоподобных расстройств личности и поведения (Конюхов, 1996). Однако лица с акцентуациями характера в отличие от психопатов не проявляют патологических реакций и у них отсутствует патологически обусловленная мотивация поведения. Вместе с тем акцентуации создают высокую уязвимость в отношении факторов, которые для таких лиц являются психотравмирующими.

Типологические модели поведения, разработанные немецким ученым К. Леонгардом, показывают, что акцентуированные лица склонны к совершению определенных преступлений (Леонгард, 2001). Это означает, что акцентуации характера не только обладают криминогенным потенциалом, но и предрасполагают к совершению преступлений, которые зависят от типа акцентуации.

Демонстративные (истероидные) лица имеют артистические способности, склонны к интригам, лжи и притворству. За счет этих качеств истероиды легко

¹ Антонян, Ю. М., Юстицкий, В. В. (1993). *Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера: учебное пособие* (стр. 3). ВНИИ МВД России.

² Столяренко, Л. Д. (1998). *Основы психологии: учебное пособие*. Феникс.

входят в доверие к окружающим, разыгрывают роли персон, обладающих большими возможностями, и закупают деньгами и материальными ценностями доверчивых лиц. Способность демонстративных лиц к притворству и обману не имеет моральных границ. Они легко становятся брачными аферистами, мошенниками в любой сфере человеческой деятельности, авантюристами всех мастей и клеветниками.

”

Связь между отклоняющимся поведением и его биологической основой прослеживается в тех случаях, когда преступления совершаются лицами с акцентуациями характера, которые выступают в роли криминогенных факторов, определяющих противозаконное поведение акцентуированных лиц.

“

Застревающие (паранояльные) лица имеют склонность к накоплению аффектов. Стойкость негативных переживаний у таких лиц наглядно проявляется в тех ситуациях, которые задевают самолюбие застревающей личности. Застревание отрицательных аффектов в зависимости от неблагоприятных обстоятельств усиливает природную злопамятность таких лиц и побуждает их к совершению агрессивно-насильственных преступлений. С течением времени у застревающих лиц происходит значительное накопление отрицательных эмоций, и они без каких-либо колебаний совершают наиболее опасные преступления против жизни и общественной безопасности³.

Возбудимые (эпилептоидные) лица имеют недостаточную способность управлять собственным поведением. Определяющими факторами поведения лиц с возбудимой акцентуацией являются инстинкты, которые проявляются в виде низменных влечений и недостаточно контролируемых побуждений. Такие лица, не задумываясь о юридических последствиях, совершают ситуативные хищения. В силу избытка сексуаль-

ного влечения и высокой возбудимости они зачастую совершают извращенные половые и грубые насильственные преступления.

Гипертимическая (избыточно-активная) акцентуация характеризуется избыточной энергией, которая зачастую реализуется в неправомерном поведении. При ярко выраженной акцентуации преступное поведение становится системным, поскольку гипертимики с их жаждой деятельности легко вовлекаются в противоправные занятия и без колебаний нарушают уголовно-правовые запреты. Преступному поведению таких лиц способствуют три субъективных фактора: избыток «дурной энергии», жажда приключений и отсутствие каких-либо моральных устоев.

Циклотимическая (переменная) акцентуация характеризуется сменой активных и пассивных состояний психики. Установлено, что циклотимики в активном состоянии психики совершают насильственные преступления, поскольку в этом периоде у них появляются избыток энергии и повышенное влечение к физическим и сексуальным удовольствиям. Криминогенность циклотимической акцентуации в активной фазе имеет значительное сходство с криминогенностью гипертимиков. В пассивной фазе жизненная энергия циклотимиков находится на низком уровне: соответственно, в дистимическом состоянии эти лица преступлений не совершают (Назаренко, 2021).

Типологические модели основоположника подростковой психиатрии А. Е. Личко включают в себя акцентуации несовершеннолетних, которые близки к акцентуациям взрослых лиц (Личко, 1999). Вместе с тем в соответствующую типологию указанный автор вполне обоснованно не включил паранояльный тип, поскольку эта акцентуация формируется во взрослом возрасте.

Е. А. Личко, как и К. Леонгард, отмечает высокую криминогенность гипертимной акцентуации. Повышенная активность гипертимных подростков располагает их к ранней алкоголизации, употреблению одурманивающих веществ, под воздействием которых несовершеннолетние совершают сексуальные эксцессы, физическое насилие, участвуют в групповых грабежах и хулиганских действиях, похищают алкогольные напитки и угоняют автотранспортные средства.

Менее криминогенными являются другие акцентуации несовершеннолетних. При этом преступный почерк подростков – истероидов, шизоидов и представителей конформной акцентуации – имеет свои особенности. Подростки с истероидной акцентуацией склонны к совершению хулиганских проступков, граничащих с преступлениями. В ситуациях, которые благоприятствуют хищениям, они совершают мошенни-

³ Леонгард, К. (1997). Типологические модели акцентуаций характера и психопатий. В Д. Я. Райгородский (ред.), *Психология и психоанализ характера* (стр. 152-190). БАХРАХ-М.

ческие действия либо кражи. Шизоидные подростки, в отличие от несовершеннолетних, склонных к группированию, совершают преступления редко. Их преступное поведение имеет вычурный характер, будь то кражи, сексуальная агрессия или развратные действия. Несовершеннолетние с конформной акцентуацией в силу их соглашательского характера, в отличие от шизоидов, участвуют в групповых преступлениях.

Подростковые психиатры вполне определенно связывают криминальное поведение подростков с типом акцентуации, поскольку характерологические особенности, присущие личности подростка, влияют на мотивацию криминального поведения, а в неблагоприятной обстановке тип акцентуации определяет не только мотивацию, но и форму криминального поведения.

Исследования представителей социально-биологического направления криминолога Ю. М. Антоняна и психолога В. В. Юстицкого подтвердили, что акцентуации несовершеннолетних имеют не только определенный криминогенный потенциал, но и повышенный удельный вес среди лиц, совершающих преступления⁴. Указанные соавторы вполне обоснованно утверждают, что преступления акцентуированных лиц являются вполне закономерным проявлением типичного для определенной акцентуации способа действия. Данное утверждение наводит на мысль о существовании таксальной зависимости между типом акцентуации и видами совершаемых преступлений.

Установлено, что акцентуации характера влияют на появление и формирование тех потребностей, которые в неблагоприятной обстановке побуждают несовершеннолетних совершать преступные деяния. Так, гипертимная акцентуация вызывает потребность действовать наиболее простыми способами, которые зачастую не образуются с соблюдением уголовно-правовых запретов. Для демонстративной акцентуации также свойственна потребность достичь желаемого результата, не считаясь с требованиями закона. Равным образом удовлетворяют свои потребности субъекты с инертно-импульсивной акцентуацией под воздействием негативных эмоций, так как не способны их сдерживать в критической ситуации.

Характерными особенностями психики акцентуированных лиц являются интеллектуально-волевые ограничения, которые накладывают на них акцентуации. В сложных и трудноразрешимых обстоятельствах указанные особенности выступают в качестве криминогенных факторов, так как они существенно затрудняют возможности таких лиц, необходимые для соблюдения уголовно-правовых предписаний. Более того, акцентуации характера в сочетании с негативными особенностями личности образуют криминальные комплексы. Последние играют роль

внутренних причин, детерминирующих совершение преступлений.

Наряду с психологами, психиатрами и криминологами интерес к лицам с акцентуациями характера в плане прогностики их поведения проявляют эксперты-криминалисты. В частности, Л. Г. Горшенин исследовал особенности совершения преступлений акцентуированными лицами и пришел к выводу, что действия таких лиц в основном отличаются по механизму совершения преступлений, а не по видам криминальных действий (Горшенин, 1993, с. 21, 30). Этот вывод не вполне корректен, так как установленные

”

Акцентуации характера влияют на появление и формирование тех потребностей, которые в неблагоприятной обстановке побуждают несовершеннолетних совершать преступные деяния.

“

указанным автором отличия по механизму совершения преступлений акцентуированными лицами лишь подтверждают криминогенность и криминотаксис акцентуаций.

Исследование преступного поведения акцентуантов доказывает, что эмоционально-неустойчивые лица не занимаются преступной деятельностью, требующей от исполнителя длительной и трудоемкой подготовки. Такие лица чаще всего совершают агрессивно-насиленные преступления, которые не требуют выполнения никаких подготовительных действий. При совершении агрессивных действий эмоционально-неустойчивые лица действуют хаотично, наносят потерпевшим множество ударов кулаками либо подручными средствами. Жертвами таких преступлений обычно выступают лица из ближайшего окружения, с которыми они вступили в конфликт по месту жительства.

⁴ Антонян, Ю. М., Юстицкий, В. В. (1996). *Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера: учебное пособие* (стр. 116). ВНИИ МВД России.

В качестве способа ухода от ответственности используется бегство, в том числе и в тех случаях, в которых оставление места происшествия не имеет никакого смысла.

Истероидные лица в раннем возрасте проявляют предрасположенность к совершению мошенничества путем обмана и злоупотребления доверием. В зрелом возрасте по мере приобретения криминального опыта такие лица проявляют профессиональные знания, умения и навыки при совершении не только мошеннических действий, но и других хищений. Демонстративные субъекты изобретательны и предпочитают хитроумные способы совершения имущественных преступлений. Обращает на себя внимание, что предметами их преступных посягательств являются не только деньги и ценности, но и всевозможные привлекательные безделушки и дешевые украшения.

Лица с эпилептоидной акцентуацией предрасположены к совершению типичных для них корыстно-насилованных преступлений после тщательной подготовки. Перед совершением преступных деяний они скрупулезно изучают место преступления, заранее изготавливают либо приискивают средства и орудия преступления. Особенности совершения преступлений эпилептоидами определяют их привычные навыки и шаблонность действий. Способами сокрытия улик выступают уничтожение одежды и обуви, в которой совершается преступление. При этом лица с эпилептоидной акцентуацией, как правило, скрываются по месту жительства женщин, с которыми имеют интимные связи.

Гипертимные субъекты в большинстве своем становятся лидерами преступных групп либо преступных организаций, так как обладают высокой активностью и организаторскими способностями. *Астеничные акцентуанты*, став участниками преступных групп, как правило, выступают в качестве пособников. Роли исполнителей они выполняют редко и только из страха перед другими соучастниками. Зачастую их используют в качестве укрывателей.

Другой не менее важной проблемой в плане прогностики поведения акцентуированных лиц является проблема кримиотаксиса акцентуаций. Судебные психиатры и криминологи, не используя понятие «кримиотаксис», тем не менее, отмечают обусловленность различных видов криминального поведения характерологическими особенностями конкретных акцентуаций и проявление устойчивой корреляции между типами акцентуаций и видами совершаемых преступлений.

Кримиотаксис акцентуаций представляет собой закономерную связь отличительных свойств акцентуантов с характерными для этих лиц преступными деяниями. Это означает, что кримиотаксис акцентуаций образуют не любые преступления, а только те, к которым предрасположены акцентуированные личности в силу

выраженных особенностей своего характера. Кримиотаксис отражает не только таксальные зависимости между типами акцентуаций и видами совершаемых преступлений, но и проявляется в типичном почерке преступных действий акцентуантов, который характеризует механизм совершения преступлений таких лиц.

Кримиотаксис акцентуаций несовершеннолетних на основе результатов, полученных автором и указанных в статье представителей социобиологического направления может быть представлен следующим образом:

1. *Гипертимная акцентуация*, которую отличает гиперактивность подростков, больше всего предрасполагает к совершению преступлений против общественного порядка и общественной безопасности, и гораздо меньше – к посягательствам на личность. Соответственно, хулиганские действия гипертимики совершают в два раза чаще, чем преступления против личности. Кражи эти лица совершают реже инертно-импульсивных подростков, но несколько чаще, чем неустойчивые субъекты из числа несовершеннолетних.

2. Особенности криминального поведения *истероидных подростков* связаны с тем, что они, совершая преступления, стремятся продемонстрировать мнимое бесстрашие. В действительности, эта лихая демонстративность не соответствует действительности, так как количество совершаемых ими грабежей, разбоев и даже угонов находится на низком уровне. Демонстративные подростки, бравлируя друг перед другом, зачастую совершают поступки, грубо нарушающие общественный порядок, которые квалифицируются как хулиганство. Их склонность к совершению краж обусловлена стремлением развлечься и получить удовольствие.

3. *Несовершеннолетние с неустойчивой (безвольной) акцентуацией* предрасположены к совершению групповых изнасилований, угонов, уголовно наказуемого хулиганства и нанесению телесных повреждений. Эти преступления подростки с неустойчивой акцентуацией совершают ради получения острых ощущений, необычных впечатлений и получения запретных удовольствий. Имущественные преступления подростки с неустойчивой акцентуацией совершают, чтобы завладеть чужим имуществом и деньгами, которые в дальнейшем используются для приобретения табачных изделий, спиртных напитков, наркотиков и сигарет, а угоны дают им острые ощущения, к достижению которых такие подростки стремятся в силу своего характера.

4. Виды преступлений, совершаемых *эпилептоидными подростками*, обусловлены свойственной для них, с одной стороны, возбудимостью, с другой стороны – склонностью к аффективной разрядке. В силу указанных свойств возбудимые подростки под воздействием возникшего гнева совершают тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, в том числе жестокие убийства. Более половины совершаемых ими

преступлений направлены против охраняемых законом благ – таких, как половая свобода, жизнь и здоровье. Вместе с тем подростки-эпилептоды реже других акцентуантов совершают посягательства на общественный порядок.

Проведенные исследования показывают, что криминогенность не указанных в этом обзоре акцентуаций несовершеннолетних настолько незначительна, что описание их криминотаксиса не имеет криминологического значения, поскольку релевантность полученных данных невысока и такие сведения не могут служить основой криминологического прогноза.

Заключение

Учет криминогенности и криминотаксиса акцентуаций имеет важное значение для раскрытия преступлений, их расследования, назначения наказания и применения иных мер уголовно-правового характе-

ра, а также для осуществления индивидуальной профилактики преступлений, оказания воспитательного воздействия на несовершеннолетних, которые находятся на спецучете в органах внутренних дел, либо отбывают наказание. Недооценка криминогенности и криминотаксиса акцентуаций способствует криминализации подростков, так как биологическим факторам поведения, которые создают предрасположенность к совершению противоправных действий, не придается должного значения. При традиционном подходе к причинам и условиям, способствующим совершению преступлений, привычно относятся «обострившиеся социально-экономические отношения в российском обществе, усилившийся разрыв в доходах различных групп населения и стирание нравственных запретов у граждан, перешагнувших за черту законопослушного поведения» (Готчина, 2021), то есть основное значение придается сугубо внешним факторам.

Список литературы

- Блейхер, В. М., Крук, И. В. (1995). *Толковый словарь психиатрических терминов*. Воронеж: МОДЭК.
- Горшенин, Л. Г. (1993). *Анализ поведения людей и методика моделирования предполагаемой ситуации*. Москва: Ассоциация «Профессиональное образование».
- Готчина, Л. В. (2021). *Преступность несовершеннолетних и молодежи: состояние и перспективы*. *Российский девиантологический журнал*, 1(2), 304–316. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-304-313>
- Конюхов, Н. И. (1996). *Словарь-справочник по психологии*. Москва.
- Леонгард, К. (2001). *Акцентуированные личности* (пер. с немец. В. Лещинский). Москва: Эксмо-Пресс.
- Личко, А. Е. (1999). *Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков*. Москва: Апрель-пресс: ЭКСМО-пресс.
- Назаренко, Г. В. (2021). *Уголовно-релевантные психические состояния*. Москва: Юрлитинформ.

References

- Blejher, V. M., Kruk, I. V. (1995). *Tolkovyy slovar' psichiatricheskikh terminov*. Voronezh: MODEK.
- Gorshenin, L. G. (1993). *Analiz povedeniya lyudej i metodika modelirovaniya predpolagaemoj situacii*. Moscow: Assotsiya "Professional'noe obrazovanie".
- Gotchina, L. V. (2021). *Prestupnost' nesovershennoletnih i molodezhi: sostoyanie i perspektivy*. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1(2), 304–316. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-304-313>
- Konyuhov, N. I. (1996). *Slovar'-spravochnik po psihologii*. Moscow.
- Leongard, K. (2001). *Akcentuirovannye lichnosti* (per. s nemec. V. Leshchin-skij). Moscow: Eksmo-Press.
- Lichko, A. E. (1999). *Tipy akcentuacij haraktera i psihopatij u podrostkov*. Moscow: Aprel'-press: EKSMO-press.
- Nazarenko, G. V. (2021). *Ugolovno-relevantnye psichicheskie sostoyaniya*. Moscow: Yurlitinform.

Информация об авторе:

Геннадий Васильевич Назаренко – профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, профессор.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 22.04.2022

Одобрена после рецензирования 05.06.2022

Опубликована 29.07.2022

About the author:

Gennady V. Nazarenko – Professor of the Department of Criminal Law, Doctor of law Sciences, Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted April 22, 2022

Approved after reviewing June 5, 2022

Accepted July 29, 2022

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-225-235

Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2022). Обзор международной научно-практической конференции

Антон Алексеевич Рожков

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
anrozkov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1890-0368

Статья включает
видеозаписи
выступлений

Виталия Александровна Юренкова

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
yvitaliya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4277

Аннотация

В статье представлен обзор научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения - 2022), которая посвящена памяти советского ученого-психолога, доктора психологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владислава Леонидовича Васильева. В процессе конференции были представлены результаты исследований научных школ Российской Федерации, Республики Узбекистан и Республики Беларусь по проблемам совершенствования психологической работы в системе морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, психологического сопровождения выполнения сотрудниками правоохранительных органов оперативно-служебных задач, интеграции достижений психологии в практику раскрытия и расследования преступлений, защиты сотрудников правоохранительных органов от деструктивного воздействия в информационно-коммуникативном пространстве, детерминант преступного поведения. Результаты конференции свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования практики применения достижений в области психологии в правоохранительной деятельности и важности поиска новых возможностей для развития научного потенциала в России и других странах, реализации различных форм сотрудничества и взаимодействия.

Ключевые слова

морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел, психологическое сопровождение выполнения оперативно-служебных задач сотрудниками правоохранительных органов, психологические технологии в раскрытии и расследовании преступлений, защита личного состава от деструктивного информационно-психологического воздействия, психология девиантного поведения

Для цитирования: Рожков, А. А., Юренкова, В. А. (2022). Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2022). Обзор международной научно-практической конференции. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 225–235. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-225-235.

Conference reviews

Anton A. Rozhkov

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
anrozkov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1890-0368

Vitaliya A. Yurenkova

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
yvitaliya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4277

Modern Topics in Psychology in the Field of Law Enforcement: Concepts, Approaches, Technologies (Vasiliev readings – 2022). Review of international research and practice conference

Abstract

The article reviews the research and practice conference “Modern Topics in Psychology in the Field of Law Enforcement: Concepts, Approaches, Technologies (Vasiliev readings – 2022) dedicated to the memory of the Soviet researcher, Doctor of Psychology, professor, honored scientist of the Russian Federation, Vladislav Leonidovich Vasiliev.

In the course of the conferences the researches presenting scientific schools of Russian Federation, Republic of Uzbekistan and Republic of Belarus have discussed the studies on the improvement of the psychological work in the law enforcement system, of the psychological support of the police officers, integration of the newest psychological approaches into the practical investigation of crimes, the protection of the law enforcement personnel from the destructive influence of the informational and communicative space, the determinants of the criminal behavior.

Conference results prove the need to improve further the practical application of the newest psychological approaches in the law enforcement activities and the need to search for the new opportunities to enrich the scientific potential of Russia and other countries and explore different forms of collaboration and cooperation.

Keywords

psychological guidance and support of police officers, psychological support of the police activities, tendencies of psychology in the field of crime investigation, protection from the destructive informational and psychological influence, psychology of deviant behavior

For citation: Rozhkov, A. A., Yurenkova, V. A. (2022). Modern Topics in Psychology in the Field of Law Enforcement: Concepts, Approaches, Technologies (Vasiliev readings – 2022). Review of international research and practice conference. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(2), 225–235. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-225-235.

Уважаемый читатель, стало доброй традицией ежегодно проводить в стенах Санкт-Петербургского университета МВД России международную научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения). Ее проведение посвящено светлой памяти советского уче-

ного-психолога, доктора психологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владислава Леонидовича Васильева (1930–2008 гг.), который сумел объединить в своей деятельности богатый опыт работы в следственных подразделениях, преподавания в образовательных организациях и научной деятельности, достигнув высоких результатов.

Конференция является знаковым международным событием для ведущих ученых в области психологии служебной деятельности и педагогики ведомственного образования. Она проводится в рамках реализации приоритетного профиля подготовки в Санкт-Петербургском университете МВД России «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел» и в соответствии с основными направлениями исследований научной школы «Психолого-педагогическая система профессионального становления кадров в органах внутренних дел Российской Федерации».

15 апреля 2022 г. в ней приняли участие более 100 человек, представителей научных школ Российской Федерации, Республики Узбекистан и Республики Беларусь. Среди них ведущие ученые – психологи и педагоги, представители ведомственного образования и научно-исследовательских организаций, практические сотрудники правоохранительных органов, адъюнкты, курсанты, слушатели и студенты. Такой состав участников позволяет специалистам обмениваться научными идеями, изучать и оценивать практический опыт правоохранительной деятельности, актуализировать проблемы и обсуждать способы их решения, а у обучающихся формировать научное мировоззрение и интерес к научной деятельности. Очный формат конференции позволил вновь встретиться со своими коллегами, друзьями и оппонентами, увидеть пытливые умы и заглянуть в горящие глаза молодого поколения будущих ученых.

С приветственным словом выступили заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации М. В. Бавсун и начальник учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, доцент, председатель диссертационного совета Л. Т. Бородавко. Ими были обозначены заявленные для обсуждения в рамках конференции приоритетные направления развития психологической науки и направления совершенствования практики правоохранительной деятельности, подчеркнута важность поиска новых возможностей для развития научного потенциала в России и других странах, реализации различных форм сотрудничества и взаимодействия.

В программу конференции вошли выступления участников на пленарном заседании, проведение мастер-классов ведущими специалистами и выпуск электронного сборника тезисов докладов участников конференции.

Предлагаем читателю обзор тематики выступлений и тезисов докладов, вызвавших наибольший интерес у научного сообщества.

С докладом на тему «**К вопросу об информационно-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел**» выступил профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, член-корреспондент Российской академии образования А. Г. Караяни. В своем выступлении Александр Григорьевич раскрыл проблему необходимости противостояния негативному информационно-психологическому воздействию, оказываемому на сотрудников органов внутренних дел в современных условиях. Основным способом противостояния он назвал развитие у сотрудников информационно-психологической устойчивости, которая по содержанию существенно отличается от психологической устойчивости. А. Г. Караяни описал 5 кластеров факторов, обеспечивающих информационно-психологическую устойчивость: когнитивный, мотивационно-ценностный, эмоционально-волевой, поведенческий, регулятивный. Раскрывая механизм формирования информационно-психологической устойчивости у сотрудников органов внутренних дел, он указал, что в социальных условиях она развивается на протяжении всей жизни человека в процессе социализации методом проб и ошибок, а у сотрудников она должна целенаправленно развиваться в процессе морально-психологического обеспечения служебной деятельности, в процессе обучения и воспитания сотрудников. В качестве своеобразных индикаторов нарушения информационно-психологической устойчивости А. Г. Караяни предлагает принять маркеры дезориентации, демотивации, деморализации и дезорганизации сотрудников органов внутренних дел, для выявления которых использовать существующие средства социальной диагностики (Караяни, 2022).

Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики, профессор кафедры общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, доктор психологических наук, профессор В. Ф. Енгальчев в своем докладе на тему «**О правовой обоснованности судебной экспертизы, имеющей отношение к составу преступления по ст. 354¹ УК РФ**» указал, что в правоприменительной практике, связанной с расследованием уголовных дел по составу преступления «Реабилитация нацизма», возникают проблемы в связи с неоднозначным пониманием категориально-понятийного аппарата, нашедшего отражение в соответствующей статье Уголовного кодекса Российской Федерации. Существует противоречие, которое вызвано необходимостью соблюдать конституционные права граждан на свободу мысли и слова,

учитывать личные оценочные суждения граждан и в то же время пресекать деяния, направленные на отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны.

В. Ф. Енгальчев раскрыл действия, которые должны рассматриваться как оконченный состав преступления по статье «Реабилитация нацизма», и квалифицирующие признаки. Он указал на необходимость проведения судебного экспертного исследования по данному составу преступления, которое должно иметь вид либо комплексной психолого-лингвистической экспертизы (если обнаружены только противоправные тексты), комплексной судебной психологолингвофоноскопической экспертизы (если в материалах уголовного дела имеются аудиофайлы) либо психологической экспертизы по видеоматериалам (если в материалах уголовного дела имеются видеофрагменты противоправных действий) (Енгальчев, 2022).

Ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат биологических наук, доцент А. Д. Белоусов в докладе на тему «Принцип “стимул–реакция” как основа для классификации манипулятивных воздействий на следователя в процессе проведения допроса», основываясь на анализе многолетней практики предварительного следствия, выявил, что следователи (дознаватели) часто подвергаются скрытому негативному противодействию допрашиваемых лиц. Чаще такой вид противодействия можно обнаружить со стороны граждан, ранее судимых, возбужденных и агрессивных, с высоким уровнем интеллекта.

Эмпирическое исследование способов негативных влияний со стороны допрашиваемых на следователя (дознавателя) позволило Алексею Дмитриевичу установить наиболее распространенные в следственной практике манипулятивные техники. К ним он отнес: провоцирование следователя (дознавателя) на эмоциональное реагирование (раздражение, гнев, месть и т. п.), попытки разжалобить, стремление доминировать в общении, перехватывать инициативу, частое переключение внимания на отвлеченные темы, предложение сделки (содействие следствию в обмен на уступки со стороны следователя или дознавателя), напоминание следователю (дознавателю) об общих знакомых или дружеских отношениях в прошлом, намеки на вознаграждение или благодарность (услуги, помощь, подарки и т. п.), использование идеологических убеждений или гражданских предпочтений, оказание внушающих воздействий.

А. Д. Белоусов обнаружил сходство данных негативных психологических интервенций допрашиваемых со

стимульным управлением поведением и классифицировал и описал манипулятивные психотехники на основе принципа «стимул–реакция». Он сделал обоснованный вывод о том, что систематическая практика следователя (дознавателя) в распознавании данных психотехник со стороны допрашиваемых лиц, овладение оптимальными способами реагирования на негативные стимулы, постепенное их доведение до автоматизма позволят следователю (дознавателю) противодействовать манипулятивным воздействиям и повысить эффективность допроса (Белоусов, 2022).

Заведующая кафедрой психосоматики и психотерапии Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета, доктор психологических наук, профессор И. А. Горьковая в докладе на тему «Изменение воспитательных практик в семьях подростков с устойчивым противоправным поведением в период с 1989 по 2020 гг.» изложила результаты своего тридцатилетнего сравнительного исследования воспитательных практик, реализуемых в семьях подростков с устойчивым противоправным поведением. Исследование было проведено совместно с доктором психологических наук, доцентом А. В. Микляевой при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Ирина Алексеевна отметила, что результаты исследований, проведенные в разных странах, убедительно доказывают, что существенный вклад в становление личности подростка-правонарушителя вносит характер семейных отношений. Дисфункциональное семейное воспитание и семейной неблагополучие в целом создают предпосылки для формирования склонности к правонарушениям. При этом по мере увеличения семейной дисфункциональности увеличиваются и индивидуальные поведенческие риски у детей.

Результаты собственного эмпирического исследования позволили И. А. Горьковой констатировать, что в течение последних десятилетий в сфере детско-родительских отношений, складывающихся в семьях подростков с устойчивым противоправным поведением, фиксируется сохранение тенденции к преобладанию позитивного интереса со стороны матери в отношении к сыну в сочетании с довольно высокой враждебностью и директивностью, при этом автономность и непоследовательность воспитательных практик матерей в последние годы сокращаются. В отношениях с отцами также наблюдается тенденция к снижению автономности и одновременно к сокращению проявлений позитивного интереса к сыну (Горьковая, Микляева, 2022).

Профессор кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент А. А. Урбанович в докладе на тему «Ресурсы реализации индивидуальной управленческой концепции руководителем в системе органов внутренних дел» изложил свои научные взгляды при от-

вете на вопрос «Каковы представления руководителей в системе внутренних дел о ресурсах (возможностях), позволяющих им реализовать свою индивидуальную управленческую концепцию?». Ответ был основан на результатах собственного эмпирического исследования, в котором приняли участие руководители органов внутренних дел, обучающиеся в Академии МВД Республики Беларусь по программе переподготовки по специальности «Управление органами внутренних дел». Результаты исследования позволили Алексею Аркадьевичу выделить три группы ресурсов: внутренние (личностные) ресурсы – к ним он отнес личностные качества, которые уже имеются у руководителей и которые необходимо «включить», задействовать в управленческой деятельности (например, требовательность к себе и к подчиненным, личная дисциплинированность, примерность и организованность, уважение к подчиненным, умение слушать и слышать, личная порядочность); деятельностные ресурсы, выступающие результатом первых шагов активной управленческой деятельности руководителей – к ним он отнес формирование своей команды, создание благоприятного социально-психологического климата в коллективе, оптимальную организацию деятельности подчиненных, инициативное стимулирование подчиненных за реальные успехи; и внешние (средовые) ресурсы – они не выступают доминирующими и играют роль фактора, способного при определенных условиях помочь в реализации управленческой деятельности (например, создание и укрепление материально-технической базы подразделения, создание хороших деловых отношений с руководителями районной администрации, руководителями подразделений других силовых ведомств, поддержка семьи, родных, близких).

А. А. Урбанович, подводя итог, заключил, что если руководитель ориентируется в управленческой деятельности прежде всего на внутренние (личностные) ресурсы, то, следовательно, он готов вместе с ролью руководителя брать на себя ответственность за результаты деятельности подчиненных и подразделения в целом, способен принимать самостоятельные решения. Именно поэтому важным направлением в подготовке руководителей органов внутренних дел является формирование у них личностных ресурсов (Урбанович, 2022).

Профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук Г. В. Марченко в докладе на тему «**Деструктивный характер современных информационных войн и минимизация их негативного воздействия на личный состав силовых структур**» на примере проведения специальной военной операции Вооруженных сил Российской Федерации по демилитаризации и денацификации Украины изложил особенности современных информационных войн.

Описывая механизм ведения информационных войн, Геннадий Викторович обратил внимание аудитории, что на определенном этапе информационная война против враждебного государства начинает вестись в рамках «гибридной войны», когда агрессивная риторика перерастает в эскалацию вооруженного конфликта на ограниченной территории, после чего появляется возможность втягивания противника в военные действия. Подготовку информационной войны подтверждают такие признаки, как наличие политических коалиций против государства-противника, оказание мощного давления в сфере экономики (введение санкций), установление информационной блокады, размещение компрометирующих материалов против первых лиц государства.

В своем докладе он также сделал акцент на том, что целью информационной войны является снижение морально-психологической готовности военнослужащих и сотрудников силовых структур к выполнению служебных задач, ослабление доверия граждан к деятельности органов государственной власти, дезорганизация управления воинскими и служебными коллективами за счет распространения недостоверной и провокационной информации.

Рассматривая некоторые особенности информационной войны против России, инициированной Западом, Г. В. Марченко отметил, что западной и украинской пропаганде удалось добиться определенной информационной блокады действий российских войск в ведущих мировых электронных и печатных средствах массовой информации. Украинскими специалистами в сфере информационных технологий организуются постановочные акции, направленные на формирование негативного общественного мнения в отношении действий российской армии (события в Мариуполе, Буче, Краматорске), организуется активный вброс информационных фейков различного содержания через социальные сети и мессенджеры.

В целях нивелирования негативных последствий от участия в информационной войне он предложил учесть практику работы должностных лиц органов управления и подразделений силовых структур в новых условиях и выделил в деятельности командиров (начальников) силовых структур по противодействию негативным информационным воздействиям три основных аспекта – организационный, правовой и информационно-пропагандистский.

Организационный аспект включает проведение должностными лицами мероприятий по определению источников и перекрытию каналов поступления негативной информации, подготовку соответствующих кадров (специалистов) в сфере информационного противодействия, организацию обучения военнослужащих и сотрудников других силовых структур приемам защиты от информационного манипулирования, про-

ведение мониторинга социальных сетей, выявление носителей деструктивной информации и принятие по ним кадровых решений.

Правовой аспект предполагает прежде всего активизацию правового воспитания с доведением и разъяснением личному составу соответствующих положений и норм законодательства об ответственности за совершение действий экстремистского и террористического характера, а также перечня запрещенных экстремистских материалов, изучение и выполнение личным составом требований ведомственных приказов об ограничениях и запретах в период прохождения службы.

Основу информационно-пропагандистского аспекта составляет деятельность по формированию государственно-патриотического мировоззрения и гражданской ответственности у личного состава, воспитание сотрудников на традициях героической защиты своего Отечества, ведение активной контрпропаганды (Марченко, 2022).

Начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор В. Л. Цветков в докладе на тему «**Психологические проблемы адаптации молодых сотрудников ОВД на этапе профессионального становления**» выделил и описал компоненты процесса адаптации молодых сотрудников. Он обратил внимание на значимость на этапе профессионального становления сотрудников адаптации к содержанию деятельности, служебному коллективу и первичной (малой) группе сослуживцев, к отношениям с руководством, условиям реальности, необходимость обеспечить включенность сотрудника в процессы профессионального саморазвития.

Вячеслав Лазаревич представил результаты проведенного эмпирического исследования, направленного на выявление трудностей, с которыми сталкиваются молодые сотрудники органов внутренних дел в процессе адаптации. Молодые сотрудники положительно оценили удовлетворенность содержанием профессиональной деятельности и социально-психологическим климатом в коллективе, отметили, что серьезную поддержку в период адаптации им оказали непосредственный руководитель, наставник и коллеги по службе. Среди значимых трудностей при адаптации они выделили большой объем работы и широкий спектр должностных обязанностей, ненормированность рабочего дня, недостаточность правовых знаний, необходимость совершенствования умений составлять процессуальные документы, отсутствие навыков профессионального общения.

В. Л. Цветков указал на необходимость в процессе профессиональной подготовки специалистов для органов внутренних дел уделять больше внимания преодолению трудностей, выявленных у молодых сотрудников в процессе эмпирического исследования.

Доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук Н. В. Мешкова в докладе на тему «**О результатах исследования возрастных особенностей антисоциальной креативности**» представила результаты исследования антисоциальной креативности на выборке, которую составили подростки, студенты и сотрудники органов внутренних дел. Для исследования антисоциальной креативности Наталья Владимировна использовала батарею методик: блоки социальных ситуаций, адаптированный опросник вредоносной креативности, NEO-5 FFI, опросник Мак-IV, опросник эмоционального интеллекта ЭМИн, опросник враждебности (Басса-Перри), опросник ценностей (Ш. Шварц), опросник моральной идентичности.

Результаты эмпирического исследования позволили ей определить психологические профили антисоциальной креативности. Отличительными особенностями данных профилей являются: у мужчин – враждебность, у женщин – агрессия; у подростков – низкий уровень развития личностных черт «Согласие» и «Добросовестность», высокая агрессивность, враждебность, гнев, макиавеллизм, низкий уровень понимания собственных эмоций; у курсантов образовательной ведомственной организации (мужчин) – низкая моральная идентичность, враждебность, непонимание собственных эмоций, озабоченность своими потребностями, игнорирование интересов и норм группы, приоритет собственных принципов и склонность к манипулированию, у сотрудников органов внутренних дел – макиавеллизм (положительный предиктор) и низкие значения сотрудничества (у имеющих высшее образование респондентов) и низкие значения сотрудничества (у имеющих среднее образование).

Выделенные особенности профиля антисоциальной креативности и их характеристики Н. В. Мешкова рекомендует использовать при составлении программ профилактики девиантного поведения. Она предложила «Программу коррекции девиантного поведения», которая включает в себя три блока – психодиагностический, профилактический и психокоррекционный. Задачей психодиагностического блока является изучение уровня сформированности структурных компонентов, способствующих антисоциальному поведению. По результатам диагностики в зависимости от уровня сформированности структурных компонентов антисоциальной креативности всех участников коррекционной программы следует разделить на группы с высоким, средним и низким уровнем склонности к антисоциальному поведению. С участниками, имеющими низкий уровень склонности к антисоциальному поведению, предполагается проведение профилактических и просветительских мероприятий, с высоким

и средним уровнем – проведение профилактических, просветительских, индивидуальных и групповых психокоррекционных мероприятий. Психокоррекционный блок может включать в себя использование техник и приемов психологического воздействия на личность с целью научить ее преодолевать враждебность и понимать собственные эмоции, использовать рефлексивные приемы, сформировать адекватную самооценку (Мешкова, 2022).

Начальник группы по работе с личным составом Управления специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе Е. В. Ершов в докладе на тему **«Информационное противоборство в современном мире с учетом проведения специальной военной операции»** изложил историю ведения информационного противоборства между странами в условиях глобальной конкуренции, в том числе в период ведения кровавых войн. Он указал, что на современном этапе развития цивилизации «гибридная война», под которой понимается военная стратегия, объединяющая в себе как единое целое обычную войну, малую войну и кибервойну, стала основным способом разрешения конфликтов в мире. В этих условиях обеспечение информационной безопасности граждан Российской Федерации и государственных институтов является чрезвычайно важной задачей государственного уровня.

Евгений Владимирович описал модель информационно-психологического воздействия на психику человека, перечислил и охарактеризовал виды информационно-психологического оружия, раскрыл роль средств массовой информации и различных веб-сервисов в информационно-психологическом противоборстве, содержание технологий управления групповым и массовым поведением, изложил практики обеспечения информационно-психологической безопасности.

Преподаватель кафедры воспитательно-психологической деятельности Академии МВД Республики Узбекистан Р. Р. Ковеев в докладе на тему **«Коммуникативная компетентность как навык успешного общения в профессиональной деятельности следователя»** выделил важную особенность, которая заключается в том, что коммуникативная компетентность следователя выполняет роль регулятора во взаимоотношениях, складывающихся в процессе расследования уголовных дел.

Руслан Рустамович отметил, что эффективность решения следователем служебных задач зависит от его умения учитывать психологические особенности человека, с которыми он контактирует, умения использовать психологические знания в служебной деятельности, контролировать следственную ситуацию и воздействовать на нее. Он выделил качества и умения, которыми должен обладать следователь. Среди них – способность расположить к себе человека, вызы-

вать у него чувство доверия; способность к быстрому установлению доверительных отношений с незнакомыми людьми; умение быстро оценивать эмоциональное состояние собеседника и подбирать целесообразную формулу общения; умение слушать и тактически грамотно переводить разговор на значимые темы; умение вживаться в роль, способность к перевоплощению; умение отстаивать свою точку зрения; умение применять психологические приемы с целью выявления значимой информации (Ковеев, 2022).

Исполняющий обязанности заведующего кафедры общей психологии психологического факультета Башкирского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент В. Л. Линевиц в докладе на тему **«Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в условиях “информационной войны”»** сделал акцент на процессе формирования профессиональной психологической устойчивости у сотрудников органов внутренних дел.

Указанный процесс Владимир Леонтьевич условно разделил на три этапа: подготовительный (фоновую подготовку), этап выполнения профессиональной задачи (мобилизационную подготовку и морально-психологическую поддержку) и заключительный – преодоление сложной ситуации (морально-психологическую разрядку). Целью фоновой морально-психологической подготовки он считает обеспечение возможности каждому сотруднику органов внутренних дел заблаговременно психологически подготовиться, настроить себя на выполнение поставленной задачи, изучить варианты ее решения, оценить наиболее потенциально опасные моменты, сформировать четкое представление о модели поведения. Мобилизирующий этап психологической подготовки может проходить в разных вариантах, что определяется содержанием задачи и временем ее выполнения. Ключевым моментом на данном этапе является активизация психических и физических возможностей сотрудников, формирование у них чувства уверенности в успешном выполнении поставленной задачи, осознание персональной ответственности. Этот этап психологической подготовки включает также морально-психологическую поддержку сотрудников и изучение их настроений с учетом возрастных, гендерных, психосоциальных, этнических и других особенностей. Морально-психологическая разрядка должна быть направлена на снятие морально-психологического напряжения у сотрудников органов внутренних дел и восстановление работоспособности. В. Л. Линевиц обратил внимание, что вышеперечисленные элементы формирования профессиональной психологической устойчивости должны сопровождаться развитием у сотрудников знаний и навыков в области противодействия ложной, деструктивной информации (Линевиц, 2022).

Доцент кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени А. Н. Сергеева, кандидат психологических наук О. В. Малыгина в докладе на тему «**Некоторые аспекты проблемы комплектования в органах внутренних дел на современном этапе**» обозначила проблемные вопросы комплектования органов внутренних дел с целью сохранения опытных сотрудников, профессионалов своего дела, и проведения мероприятий по отбору наиболее подготовленных молодых специалистов. Ольга Валерьевна указала на важность в кадровой работе изучения личных и деловых качеств кандидатов, поступающих на службу в органы внутренних дел, обеспечение психологического сопровождения стажеров в органах внутренних дел, индивидуальное обучение стажера до назначения его на замещаемую должность.

Ею было проведено мониторинговое исследование слушателей, проходящих обучение по программе профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский», которое выявило существенные различия в уровне их подготовленности и интереса к выбранной профессии. В этой связи О. В. Малыгина поставила вопрос о недопущении формального подхода со стороны руководителей и сотрудников подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел к организации и проведению индивидуального обучения стажеров. В своем докладе она раскрыла организационно-практический и психологический аспекты обучения стажеров, указала на важность получения промежуточных срезов знаний у стажеров и организацию дифференцированных зачетов, которые позволят им провести самоанализ и самооценку изучаемого материала, а наставнику – скорректировать обучение молодого сотрудника. Выполнение индивидуальных заданий наставника и поручений, по мнению О. В. Малыгиной позволят стажерам приобрести необходимые профессиональные навыки в соответствии с замещаемой должностью (Малыгина, 2022).

Старший преподаватель кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России О. В. Гарманова в докладе на тему «**Психологические особенности профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел к выполнению задач по охране общественного порядка**» заметила, что проблема профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел остается актуальной. Игнорирование профессиональных затруднений у сотрудников, нежелание или невозможность находить конструктивные формы решения служебных задач затрудняют процесс профессионального становления и приводит к профессиональным кризисам и деформациям.

Ольга Викторовна обратила внимание, что профессиональные затруднения чаще возникают у сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел. Это обстоятельство можно объяснить отсутствием у молодых сотрудников сформированных алгоритмов деятельности, повышенной психической напряженностью, которая вызвана неуверенностью в своих действиях и непредсказуемостью развития служебных ситуаций.

Учитывая особенности выполнения задач по охране общественного порядка, а также трудности профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел, О. В. Гарманова предложила в процессе профессиональной подготовки сотрудников ориентировать их на неукоснительное соблюдение требований нормативных правовых актов, строгое соблюдение служебной дисциплины и законности, этических и антикоррупционных стандартов поведения; воспитывать у сотрудников волевые качества, формировать чувство долга и ответственности, понимание социального значения профессии; поддерживать положительную мотивацию к службе в органах внутренних дел, развивать профессионально важные качества личности; обсуждать условия наступления рисков отклоняющихся форм поведения и условий нарушения служебной дисциплины и законности; обучать сотрудников техникам конструктивного общения, приемам саморегуляции, визуальной психодиагностики лиц с признаками агрессивного и противоправного поведения; проводить разъяснительную работу по возможному проявлению со стороны граждан различных форм психологического воздействия с целью формирования негативных эмоциональных состояний, снижения имиджа и авторитета органов внутренних дел; обучать навыкам взаимодействия с гражданами в условиях их провокационного поведения; проводить психологическое консультирование при возникновении сложных ситуаций, формировать уверенность в себе, развивать внимание; разрабатывать, обсуждать и проигрывать алгоритмы действий сотрудников органов внутренних дел в различных ситуациях служебной деятельности (Гарманова, 2022).

В соответствии с программой конференции были проведены мастер-классы по следующим направлениям: «Психофизиологическая диагностика с использованием технологии айтрекинга в деятельности органов внутренних дел», «Буллинг, моббинг, колумбайн: профилактика, выявление и работа с последствиями», «Молодежь и современные интернет-риски».

Мастер-класс «Психофизиологическая диагностика с использованием технологии айтрекинга в деятельности органов внутренних дел» провели руководитель ООО «Нейроэконика Ассистив», кандидат медицинских наук К. Ю. Шелепин и его ассистенты П. П. Васильев, К. А. Скурагова, В. С. Зуева.

Константин Юрьевич Шелепин рассказал аудитории о технологии айтрекинга (видеоокулографии), представ-

ляющей собой технологию отслеживания и записи движений глаз человека и отвечающей на вопрос: «Куда и как долго смотрел испытуемый?». Он описал возможные направления ее использования в социальной практике, привел примеры научных исследований использования технологии айтрекинга в решении правоохранительных задач, продемонстрировал техническое оборудование. Мастер-класс проводился в интерактивной форме. Каждому участнику была предоставлена возможность на стимульном материале изучить движения своих глаз при исследовании разного рода объектов (людей, животных, неодушевленных предметов), а также сравнить свои результаты с результатами других участников мастер-класса. Живой интерес вызвали полученные результаты рассматривания мужчинами изображения женщины, а женщинами – изображений мужчин. В завершение знакомства участников мастер-класса с технологией айтрекинга были обсуждены перспективы применения технологии в органах внутренних дел в целях раскрытия и расследования преступлений.

Ведущими мастер-класса «**Буллинг, моббинг, колумбайн: профилактика, выявление и работа с последствиями**» являлся старший научный сотрудник научно-организационного отделения Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева Минздрава России, психиатр, врач высшей категории, кандидат медицинских наук, доцент И. В. Добряков. Игорь Валерьевич представил для обсуждения аудитории проблему последствий фундаментальных социальных изменений в обществе, которые произошли в связи информационно-коммуникационной революцией и экстраординарными устойчивыми значимыми различиями между поколениями. Он обозначил, что в российском обществе психиатрами отмечаются рост базальной тревоги, повышение уровня ауто- и гетероагрессии, которые являются закономерной ответной реакцией на дефицит или избыток информации. Распространенными формами проявления агрессии становятся буллинг, моббинг, колумбайн, что потребовало со стороны научного сообщества и практиков разработать общие подходы по нивелированию последствий данных социально-психологических явлений. Мастер-класс проходил в форме живой дискуссии, обсуждения примеров проявления ауто- и гетероагрессии, ставших резонансными. В обсуждении преобладал психиатрический, медицинский подход в анализе причин проявления крайних форм агрессии. Участие в данном мастер-классе позволило участникам конференции на профессиональном уровне обсудить формы проявления агрессии у людей, услышать мнение специалистов, познакомиться с разновидностями таких социально-психологических явлений как «буллинг», «моббинг», «колумбайн», определить роль психологов в решении задач по профилактике социального напряжения.

Мастер-класс «**Молодежь и современные интернет-риски**» вел председатель совета региональной

общественной организации «Центр защиты и развития личности» («Молодежная служба безопасности») Л. А. Армер, который длительное время занимается проблемой выявления экстремизма в социальных сетях и противодействия вовлечению молодежи в совершение преступлений с помощью различных интернет-ресурсов. Леонид Алексеевич в ходе мастер-класса обсудил с аудиторией различные формы вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность через интернет, осветил наиболее распространенные способы вовлечения и механизм преступного поведения, раскрыл отдельные причины, по которым несовершеннолетние не могут самостоятельно противостоять вовлечению их в преступную деятельность. Участие в мастер-классе вызвало неподдельный интерес и позволило участникам конференции узнать о скрытых социальных угрозах для молодежи.

Подводя итог конференции, следует выделить наиболее обсуждаемые профессиональным и научным сообществом направления в области психологии правоохранительной деятельности на современном этапе. Они были установлены при анализе содержания докладов, мастер-классов и статей, представленных для опубликования в сборнике конференции. Данные направления расположены в ранговом порядке (от более обсуждаемого направления к менее обсуждаемому).

1. Информационно-психологическое воздействие на сотрудников правоохранительных органов, обеспечение информационно-психологической безопасности и информационно-психологической устойчивости сотрудников.
2. Причины и условия девиантного поведения, профилактика девиантного поведения среди несовершеннолетних.
3. Профессиональная и психологическая подготовка кадров для правоохранительных органов.
4. Профессиональный стресс, психологическое обеспечение безопасности сотрудников органов внутренних дел, сохранение и поддержание профессионального здоровья.
5. Психологическое сопровождение сотрудников правоохранительных органов.
6. Профессиональный психологический отбор на службу в правоохранительные органы.
7. Профилактика нарушений служебной дисциплины и законности среди сотрудников правоохранительных органов.
8. Адаптация молодых сотрудников к службе в правоохранительных органах.
9. Судебно-психологические экспертные исследования.
10. Применение специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа в правоохранительных органах.
11. Психология допроса и другие.

Список литературы

- Белоусов, А. Д. (2022). *Принцип «стимул-реакция» как основа для классификации манипулятивных воздействий на следователя в процессе проведения допроса*: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2022) (стр. 50-55). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Гарманова, О. В. (2022). *Психологические особенности профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел к выполнению задач по охране общественного порядка*: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения - 2022) (стр. 124-128). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Горьковая, И. А., Микляева, А. В. (2022). *Изменение воспитательных практик в семьях подростков с устойчивым противоправным поведением в период с 1989 по 2020 гг.*: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2022) (стр. 166-171). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Енгальчев, В. Ф. (2022). *О правовой обоснованности судебной экспертизы, имеющей отношение к составу преступления по ст. 354.1 УК РФ*: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2022) (стр. 220-227). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Караяни, А. Г. (2022). *К вопросу об информационно-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел*: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2022) (стр. 282-287). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Ковеев, Р. Р. (2022). *Коммуникативная компетентность как навык успешного общения в профессиональной деятельности следователя*: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2022) (стр. 330-334). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Линевич, В. Л. (2022). *Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в условиях «информационной войны»*: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения - 2022) (стр. 389-392). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Малыгина, О. В. (2022). *О некоторых аспектах проблемы комплектования в органах внутренних дел на современном этапе*: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения - 2022) (стр. 412-418). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Марченко, Г. В. (2022). *Деструктивный характер современных информационных войн и минимизация их негативного воздействия на личный состав силовых структур*: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2022) (стр. 419-425). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Мешкова, Н. В. (2022). *О результатах исследования возрастных особенностей антисоциальной креативности*: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2022) (стр. 435-438). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Урбанович, А. А. (2022). *Ресурсы реализации индивидуальной управленческой концепции руководителем в системе органов внутренних дел*: материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2022) (стр. 551-557). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.

References

- Belousov, A. D. (2022). *Princip «stimul-reakciya» kak osnova dlya klassifikacii manipulyativnyh vozdeystvij na sledovatelya v processe provedeniya doprosa*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye prob-

- lemy psichologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii» (Vasil'evskie chteniya – 2022) (str. 50-55). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Garmanova, O. V. (2022). *Psichologicheskie osobennosti professional'noj adaptacii sotrudnikov organov vnutrennih del k vypolneniyu zadach po ohrane obshchestvennogo poryadka*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy psichologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii» (Vasil'evskie chteniya - 2022) (str. 124-128). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Gor'kovaya, I. A., Miklyaeva, A. V. (2022). *Izmenenie vospitatel'nyh praktik v sem'yah podrostkov s ustojchivym protivopravnym povedeniem v period s 1989 po 2020 gg.*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy psichologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii» (Vasil'evskie chteniya – 2022) (str. 166-171). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Engalychev, V. F. (2022). *O pravovoj obosnovannosti sudebnoj ekspertizy, imeyushchej otnoshenie k sostavu prestupleniya po st. 354.1 UK RF*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy psichologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii» (Vasil'evskie chteniya – 2022) (str. 220-227). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Karayani, A. G. (2022). *K voprosu ob informacionno-psichologicheskoy ustojchivosti sotrudnikov organov vnutrennih del*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy psichologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii» (Vasil'evskie chteniya – 2022) (str. 282-287). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Koveev, R. R. (2022). *Kommunikativnaya kompetentnost' kak navyk uspehnogo obshcheniya v professional'noj deyatel'nosti sledovatelya*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy psichologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii» (Vasil'evskie chteniya – 2022) (str. 330-334). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Linevich, V. L. (2022). *Psichologicheskoe obespechenie professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del v usloviyah «informacionnoj vojny»*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy psichologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii» (Vasil'evskie chteniya - 2022) (str. 389-392). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Malygina, O. V. (2022). *O nekotoryh aspektah problemy komplektovaniya v organah vnutrennih del na sovremennom etape*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy psichologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii» (Vasil'evskie chteniya - 2022) (str. 412-418). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Marchenko, G. V. (2022). *Destruktivnyj harakter sovremennyh informacionnyh vojn i minimizaciya ih negativnogo vozdejstviya na lichnyj sostav silovyh struktur*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy psichologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii» (Vasil'evskie chteniya – 2022) (str. 419-425). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Meshkova, N. V. (2022). *O rezul'tatah issledovaniya vozrastnyh osobennostej antisocial'noj kreativnosti*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy psichologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii» (Vasil'evskie chteniya – 2022) (str. 435-438). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Urbanovich, A. A. (2022). *Resursy realizacii individual'noj upravlencheskoj koncepcii rukovoditelem v sisteme organov vnutrennih del*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy psichologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii» (Vasil'evskie chteniya – 2022) (str. 551-557). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.

Информация об авторах:

Антон Алексеевич Рожков – кандидат педагогических наук, доцент.

Виталия Александровна Юренкова – кандидат психологических наук, доцент.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 11.05.2022

Одобрена после рецензирования 19.06.2022

Опубликована 29.07.2022

About the authors:

Anton A. Rozhkov – Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor.

Vitaliya A. Yurenkova – Candidate of psychological Sciences, Associate Professor.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted May 11, 2022

Approved after reviewing June 19, 2022

Accepted July 29, 2022

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-236-242

Психолого-педагогические детерминанты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних

Рецензия

на монографию Филипенко Е. В. Психолого-педагогические детерминанты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних: монография. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. – 186 с.

Ерофеева Мария Александровна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
erofeeva-ma72@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7176-513X

Аннотация

В статье рассматриваются психолого-педагогические детерминанты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних с целью предотвращения правонарушений, что, в свою очередь, приведет к снижению уровня подростковой преступности. При этом существенным «идеальным» моментом является посыл, направленный не столько на предотвращение девиантного поведения, сколько на изменение, «перезагрузку» сознания, мировоззрения, мотивов подростка, направленных на формирование здорового полноценного члена общества. Проведен теоретический анализ результатов глубокого и разностороннего исследования девиантного поведения детей, подростков и молодежи, на основании которого сделан вывод о необходимости своевременной профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних. Рассмотрены и проанализированы специфика и сущность превентивной работы, ее функции, проблемы, принципы и основные направления. Автором справедливо отмечено, что для решения поставленных задач необходимо проводить работу прежде всего с родителями (законными представителями), поскольку именно их влияние на ребенка может сыграть ключевую роль в предотвращении развития девиаций. В связи с этим проведен анализ результатов экспериментального исследования по формированию положительных детско-родительских отношений, как условия профилактики отклоняющегося поведения. Предлагаются возможные оптимальные пути профилактики девиантного поведения детей, подростков и молодежи, распространение и внедрение эффективных практик и позитивного опыта в данном направлении.

Ключевые слова

профилактика, девиантное поведение, несовершеннолетний, возрастные особенности, правосознание, просветительская работа, детско-родительские отношения, ответственность, психолого-педагогическая детерминанта, педагогическое взаимодействие

Для цитирования: Ерофеева, М. А. (2022). Психолого-педагогические детерминанты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 236–242. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-236-242.

Reviews

Mariya A. Erofeeva

Moscow University
of the MIA of Russia named
after V.Ya. Kikotya
(Moscow, Russia)
erofeeva-ma72@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7176-513X

Psychological and pedagogical determinants of prevention of deviant behavior of minors

Review

of the monograph by Filipenko E. V. Psychological and pedagogical determinants of prevention of deviant behavior of minors: monograph. – St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. – 186 p.

Abstract

The work discusses the psychological and pedagogical determinants of the prevention of deviant behavior of minors as a measure to control the offenses, and, in turn, to decrease the level of juvenile delinquency. Moreover, the essential «ideal» moment is a message aimed not so much to prevent the deviant behavior, as to change, to «reset» the consciousness, worldview, motives of a teenager, and to form a healthy fully equipped member of society. The author completed a theoretical analysis of the results of a deep and comprehensive study of deviant behavior of children, adolescents, and youth, and made conclusions about the need for timely prevention of deviant behavior of minors. The specifics and essence of preventive work, its functions, problems, principles, and main directions have been also considered and analyzed. The author rightly noted that to solve the tasks set, it is necessary to work, first, with parents (legal guardians), since their influence on the child can play a key role in preventing the development of deviations. In this regard, the author analyzed the results of an experimental study on the formation of positive child-parent relationships as a condition for the prevention of deviant behavior. Possible optimal ways of preventing deviant behavior of children, adolescents and youth, dissemination and implementation of effective practices and positive experience in this direction are proposed.

Keywords

prevention, deviant behavior, minor, age characteristics, legal awareness, educational work, child-parent relations, responsibility, psychological and pedagogical determinant, pedagogical interaction

For citation: Erofeeva, M. A. (2022). Psychological and pedagogical determinants of prevention of deviant behavior of minors. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(2), 236–242. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-236-242.

Статистика числа несовершеннолетних, совершивших преступления за последние годы, говорит о некотором снижении показателей, что не может не радовать¹. Однако в эту статистику не попали дети, чье поведение расценивается как девиантное и которые потенциально могут нарушить закон. Речь идет о таких распространенных явлениях среди несовершеннолетних, как алкоголизм, табакокурение, потребление наркотических средств, психотропных веществ и их

аналогов, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ, суицидальное поведение, токсикомания, сниффинг, интернет-зависимость, агрессивное и опасное для жизни и здоровья поведение, буллинг и кибербуллинг.

Психолого-педагогическое сообщество в последнее время констатирует рост числа детей и подростков, чье поведение расценивается как девиантное. Поскольку безопасность государства обеспечивается в том числе

¹ Число несовершеннолетних, совершивших преступления в России с 2010 по 2021 год <https://www.statista.com/statistics/1045228/russia-number-of-crimes-committed-by-underage/>

и здоровьем его граждан, то первоочередным приоритетом является сохранение молодежи как стратегического ресурса России путем создания всех необходимых для этого условий. В связи с этим профилактика девиантного поведения детей, подростков и молодежи приобретает особую значимость, в том числе на государственном уровне. В частности, в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 18 марта 2021 г. № 656-р², в Федеральном Законе от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» были обозначены основные направления и меры профилактического характера, а также указана степень ответственности федеральных органов, министерств и ведомств в организации и профилактической работы. Согласно вышеуказанным документам, важнейшим социальным заказом общества является планомерное, целенаправленное, своевременное проведение профилактической работы с несовершеннолетними по предупреждению их правонарушений.

Актуальность заявленного монографического исследования является очевидной, поскольку проблема профилактики девиантного поведения несовершеннолетних неизменно сохраняет свою злободневность на всех этапах эволюционного развития социума. Усиление фрустрационных явлений в условиях социальной нестабильности детерминирует негативные процессы в подростково-молодежной среде, что находит свое выражение в различных поведенческих девиациях и отклонениях от норм социально одобряемого поведения – все это требует пристального внимания к проблеме как со стороны государства, так и стороны научной общественности, педагогов-практиков, родителей подростков.

Монография состоит из трех глав, последовательно раскрывающих вопросы теории и практики профилактики девиантного поведения несовершеннолетних.

Первая глава монографического исследования посвящена подробному анализу таких феноменов, как девиантное поведение и его профилактика.

Я. И. Гилинский, В. С. Афанасьев и другие ученые «...предметом научного анализа избрали именно девиантное поведение, определяя девиацию как поступок или действия человека, не соответствующие нормам официально принятых в обществе идеологии, морали и права» (Гилинский, 2004). Отметим, что сам термин «девиантное поведение» был введен в научный оборот тем же Я. И. Гилинским. До этого исследователи оперировали понятиями «отклоняющееся поведение», «нежелательное поведение», «социально неодобряемое поведение», «дисфункциональное поведение», «деструктивное поведение» и т. п. Понимая,

что структурообразующим феноменом здесь является категория «поведение», они исходили из научных воззрений Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, которые единодушно трактовали данное поведение как синоним деятельности, подразумевая под этим жизненную активность индивида, выстраиваемую согласно нравственно-правовым императивам общества» (Филипенко, 2022, с. 8).

«...Проявляться противоправное поведение может в самых различных формах, например, в пренебрежении нормами права, игнорировании прав и свобод окружающих, участии в буллинге (травле более слабых подростков), в использовании ненормативной лексики, вандализме, грабежах, кражах, употреблении и распространении наркотиков и пр. «Преступность несовершеннолетних, – пишет Я. Г. Ищук, – напрямую связана с неблагоприятными изменениями образа современной жизни, которая резко сменила ориентиры ценностей для несовершеннолетних. Виртуальное пространство также предлагает новые ценности и ориентиры для молодого поколения, такие как: популяризация своего имиджа любыми средствами, безнравственность к окружающим, отчуждение человеческих достоинств, пропаганда жестокости, цинизма, призывов экстремистского характера и т. д.» (Некрасов и др., 2013). И главными детерминантами, как нам видится, здесь выступают отсутствие должного контроля со стороны взрослых и сформированное чувство собственной безнаказанности (Филипенко, 2022, с. 9).

«Решающая роль в осуществлении поставленной задачи принадлежит системе образования, призванной реализовать социальный заказ на воспитание человека с высоким уровнем правовой культуры, способного успешно функционировать в обществе в соответствии с нормами и принципами общечеловеческого бытия», – пишет автор монографии. В связи с этим возникает вопрос: какова в данном случае роль родителей, которые по закону «...несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей»³. Автор считает, что принятие превентивных мер требует комплексного подхода и участия прежде всего родителей (законных представителей), а также специалистов, отвечающих за формирование социально значимых качеств личности, профилактику и коррекцию их отклонений.

Проблема профилактики отклоняющегося поведения не нова. Вопросами изучения природы девиантного поведения детей и мерами по его предотвращению занимались многие ученые, опираясь на мнение которых автор монографии указывает, что «сущностным признаком девиантного поведения является его про-

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18.03.2021 г. № 656-р <http://government.ru/docs/all/133372/>

³ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/6ef44561bc44714ff21426ceca1e8390b9e970cf/

тиворечие общепринятым в социуме нормам и правилам» (Филипенко, 2022, с. 9). С юридической точки зрения «девиантное поведение нередко рассматривается как вид отклоняющегося поведения неправомерного характера, не соответствующего правовым установлениям и приводящего индивида к преступной деятельности» (Филипенко, 2022, с. 10). По мнению автора, упущен некий феномен, которым характеризуется современное общество – скорость изменения норм морали, нравственности, правил поведения и взаимоотношений между людьми, отсутствие ценностных ориентаций и критериев. Кроме того, теория и законодательство далеко отстают от реальности. В связи с этим нередко сложно понять поведение современных детей и подростков, объяснить причины, ведущие к девиациям, а также квалифицировать действия и поступки детей как не соответствующие нормам или применить закон к несовершеннолетнему, совершившему противоправное деяние.

Однако автор согласен с мнением Ю. А. Клейберга, что девиантное поведение – это «специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью (социальной группой) ценностного отношения к ним».

Проведенный в монографии анализ теоретических исследований показал, что внимание современных ученых – таких как Е. В. Филипенко, Г. А. Витольник, Е. В. Душкина и др. – сосредоточено в большей степени на коррекционных мерах, нежели на превентивных. В связи с этим ценность монографического исследования заключается в следующей установке: «Педагогическая профилактика (превенция) должна быть ориентирована не столько на «пресечение» и «искоренение» отклоняющихся форм поведения, сколько на изменение мотивации, мировоззренческих позиций, ценностных ориентаций, изменение среды коммуникации и взаимодействия несовершеннолетних, выработку здорового образа и стиля жизни в целом. Поэтому важно, чтобы педагогическая профилактика предусматривала прежде всего систему развития здоровых, адаптивных форм поведения, направленных на решение возрастных психологических и социальных задач» (Филипенко, 2022, с. 16).

В связи с этим нельзя не согласиться с автором о преобладающей роли первичной превенции, применяемой по отношению ко всем несовершеннолетним, поскольку она обеспечивает необходимые психолого-педагогические условия и благоприятную безопасную среду, направленную на обеспечение деятельности и полноценного развития ребенка, реализацию его интересов и талантов, на защиту и «предупреждение негативного воздействия социальных факторов окружающей среды на социальное становление личности» (Филипенко, 2022, с. 15).

Несомненно, в систему первичной профилактики должны входить: установки на формирование здо-

рового образа жизни и правовых знаний, вовлечение в социально значимые виды деятельности, воспитание морально-нравственных принципов и общечеловеческих ценностей, воспитание черт и качеств личности, позволяющих противостоять негативному внешнему воздействию окружающей среды. «Ранняя профилактика – ядро всей системы предупреждения, она и должна определять преобладание мер помощи и поддержки, защиты прав несовершеннолетних, мер воспитательно-педагогического воздействия по сравнению с принудительными мерами воспитательного характера и иными мерами принуждения, и тем более уголовным наказанием» [первичная профилактика].

Вторичная превенция предполагает выявление «негативных изменений в поведении несовершеннолетних с целью своевременного предупреждения дальнейшего развития девиантных форм поведения». Выявить проблемы в поведении несовершеннолетнего помогают различные методики диагностики, позволяющие изучить приоритеты, интересы, особенности жизнедеятельности подростка, провести глубокий анализ причин и обстоятельств, повлиявших на отклонения в поведении.

Третичная превенция касается тех подростков, чье отклоняющееся поведение находится на грани перехода в более тяжелую форму. В данном случае работа основана на индивидуальном, личностно ориентированном подходе и включает комплекс психолого-педагогических, социальных, правовых, медицинских и иных мероприятий.

Считаем абсолютно логичным в решении проблем профилактики девиантного поведения несовершеннолетних учет возрастных особенностей подростков. Несмотря на то, что отечественная и зарубежная наука подробно описала признаки и психолого-педагогические особенности подросткового возраста, проблем в работе с этой категорией несовершеннолетних не стало меньше. Возможно, это связано со стереотипом, что подростковый возраст какой-то особенно сложный. В данном случае мы поддерживаем мнение автора монографии, что «кризис подросткового возраста есть своего рода психологическая норма, а вовсе не аномалия, препятствующая полноценному развитию формирующейся личности», поскольку противоречие является условием функционирования и развития человека в частности и общества в целом, и только благодаря успешному (и обязательному) преодолению кризисного состояния и явлений происходит переход индивида на новую, более совершенную стадию развития. Понимание этих процессов должно научить взрослых адекватно реагировать на возрастные поведенческие проявления подростка, которые выражаются в эмоциональной неуравновешенности, склонности к депрессии, стремлении к автономии, проявлении эмансипации, повышенной тревожности, социальной незрелости, стрем-

лении к доминированию и многих других, характерных для подросткового возраста, чертах.

Негативные отклонения по сути своей глубоко дисфункциональны, поскольку дезорганизуют социальную систему вплоть до ее полного разрушения, что и обуславливает девиантное поведение. «Девиации, – отмечают Е. В. Змановская и В. Ю. Рыбников, – вызывают напряжение в самой социальной системе, нарушая ее гомеостаз и вызывая ответное закономерное стремление последней устранять отклонения»⁴ (Филипенко, 2022, с. 10).

Особое внимание уделено рассмотрению психологических особенностей подросткового возраста и связанных с ним кризисов. По мнению автора, наиболее эффективной в решении задач профилактики отклоняющегося поведения является ранняя профилактика, которую важно рассматривать не столько с позиции социального контроля, сколько с позиции предупреждения и управления процессом социального становления несовершеннолетних, нейтрализации как прямых, так и косвенных десоциализирующих влияний на личность.

Ученые Е. В. Филипенко, Г. А. Витольник, Е. В. Душкина отмечают, что, несмотря на активную разработку, в науке проблемы отклоняющегося поведения преимущественно решалась традиционно: не столько в превентивном, сколько в коррекционном аспекте. При этом необходимость проведения профилактической работы однозначно признавалась, но основное внимание по-прежнему уделялось именно анализу социально-педагогических и психологических девиаций и вопросам их эффективной коррекции (Филипенко, 2022, с. 12). В связи с этим категориально-терминологический аппарат профилактики девиантного поведения характеризуется относительной несогласованностью научных позиций и широким применением синонимичных понятий (Филипенко, Витольник, Душкина, 2021).

Как отмечает автор, «главной задачей перечисленных превенций является формирование единого профилактического пространства, включающего объединенные усилия всех заинтересованных субъектов образовательной среды с целью обеспечения комплексного воспитательного и профилактического воздействия как на благополучных, так и трудновоспитуемых несовершеннолетних» (Филипенко, 2022, с. 16).

Рассматривая сущность и содержание девиантного поведения, автор берет за основу определение Ю. А. Клейберга, «который понимает девиантное поведение как результат деформации ценностных ориентаций и ценностно-нормативных представлений,

т.е. системы внутренней регуляции поведения, как специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью (социальной группой) ценностного отношения к ним»⁵ (Филипенко, 2022, с. 43).

По мнению автора, важно, чтобы первичная педагогическая профилактика предусматривала прежде всего систему создания необходимых условий для развития здоровых, адаптивных форм поведения, направленных на решение возрастных психологических и социальных задач подростков.

Вторая глава монографии посвящена вопросам формирования правового самосознания и правомерного поведения несовершеннолетних, что является неотъемлемым условием эффективной воспитательно-профилактической работы, которая, по мнению автора, должна начинаться в семье и не может быть полноценно реализована без участия родителей.

Рассматривая сущностные особенности гражданского общества, К. С. Сердобинцев трактует его не как «некую совокупность автономно-эгоистических, сфокусированных на собственном “Я”, перманентно конкурирующих между собой, эгоцентрически настроенных индивидов, а как исключительно позитивную сферу истинной гражданской свободы, функционирующей на принципах гласности, плюрализма, социальной солидарности и правового нормотворчества, обеспечивающих положительное воздействие не только на политическую, но и потенциально экономическую ситуацию в том числе» (Сердобинцев, 2011; Филипенко, 2022, с. 46).

Р. С. Немов отмечает, что «при адекватной (верной) самооценке индивид склонен объективно воспринимать и оценивать себя и собственные потенции. Человеку с заниженной самооценкой свойственны различные комплексы, мешающие позитивно относиться к себе и правильно оценивать личные возможности. В случае завышенной самооценки индивид преувеличивает свои достоинства и преуменьшает недостатки – он видится себе в лучшем свете, чем есть в реальности» (Немов, 2007).

Анализируя вопрос эффективного развития правового самосознания подростков, следует помнить, что осуществление поставленной задачи будет значительно затруднено, если не опираться при этом на систему научно-обоснованных критериев сформированности правосознания, в числе которых традиционно выделяют нижеследующие:

- основы нормативного поведения (2–13 лет);
- социальная нормативность в собственном поведении (10–15 лет);

⁴ Змановская, Е. В., Рыбников, В. Ю. (2010). *Девиантное поведение личности и группы*: учебное пособие (стр. 16). Питер.

⁵ Клейберг, Ю. А. (2017). *Психология девиантного поведения*: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. (стр. 26). Юрайт.

- наличие навыков социально-правового (само) управления (12–18 лет);
- наличие устойчивых навыков взаимодействия с социальными институтами (15 лет и старше);
- наличие представлений об относительности социальных норм и инструментах их реализации в обществе (15 лет и старше);
- наличие глубоких представлений об объективном праве, его назначении и роли в жизни каждой личности (15 лет и старше) (Кущенко, 2012; Филипенко, 2022, с. 53).

Автор уделяет особое внимание просветительской работе родителей, повышению их психолого-педагогической культуры.

В процессе успешной внутрисемейной коммуникации реализуется самая разнообразная палитра семейных взаимоотношений. М. М. Миннегалиев выделяет «четыре основных типа семейных отношений, учет которых позволяет родителям правильно выстроить систему профилактической работы с подростками в ходе предупреждения личностных девиаций:

- психофизиологические отношения, суть которых состоит в установлении биологического родства и обеспечении полового удовлетворения;
- психологические отношения, требующие максимальной открытости, доверия, внутрисемейной солидарности, морально-эмоциональной поддержки и участия;
- социальные отношения, предусматривающие некую статусность, задающие изначальную ролевую и половую иерархичность и построение экономической зависимости от конкретных членов семьи в ходе повседневной жизнедеятельности;
- культурные отношения, специфика которых заключена в трансляции обычаев, традиций и норм, определяющих характер семейных отношений (Миннегалиев, 2012; Филипенко, 2022, с. 66).

При реализации программы родительского просвещения по вопросам профилактики отклоняющегося от нормы поведения подростков У. Г. Егорова предлагает реализовывать ее в трех разделах – теоретическом, практическом и психологической поддержки (Егорова, 2014). Каждый из названных разделов актуализирует мотивационно-смысловое содержание деятельности.

Данная глава представляет интерес и с методической точки зрения, поскольку автор, опираясь на собственный практический опыт организации воспитательно-профилактической работы с обучающимися

ся, анализирует систему различных форм и методов воспитательного процесса, описывает педагогические технологии, реализация которых позволит не только нейтрализовать имеющиеся недостатки в поведении подростков, но и целенаправленно формировать их правовую культуру в целом.

Несомненным достоинством третьей главы монографии является разработанная автором «Программа по формированию положительных детско-родительских отношений как центральной детерминанты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних», которая была успешно внедрена в практику образовательной организации. Проведенное автором экспериментальное исследование подтвердило эффективность проделанной работы и дало основание утверждать, что целенаправленная воспитательно-профилактическая работа с обучающимися, сотрудничество семьи и школы содействуют не только стабильности социально одобряемого поведения подростков, но и формированию у них устойчивости к негативным влияниям окружающей среды, повышению социальной ответственности, что в совокупности выступает значимым фактором, определяющим их дальнейшую деятельность в целом.

Разработанная автором программа по формированию положительных детско-родительских отношений как центральной детерминанты профилактики девиантного поведения подростков является эффективной, поскольку ее реализация позволила наладить контакт между подростками и их родителями, добиться формирования у детей устойчивой установки на правомерное поведение, что и подтвердил анализ динамики полученных результатов.

Материалы монографии найдут применение в содержании учебных курсов, спецкурсов и спецсеминаров, посвященных различным аспектам девиантологии, в процессе преподавания дисциплин психолого-педагогического цикла в образовательных организациях высшего образования, а также в практике психологического консультирования по актуальным проблемам трудновоспитуемости детей и подростков, в организации воспитательной работы с ними и их родителями.

Монография рассчитана на широкий круг читателей, педагогических работников, адъюнктов, а также будет полезна сотрудникам ОВД, включенным в процесс взаимодействия с различными категориями граждан, в том числе несовершеннолетними.

Список литературы

- Гилинский, Я. И. (2004). *Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс.
- Егорова, У. Г. (2014). Просвещение родителей в вопросах профилактики отклоняющегося поведения подростков. *Вестник Самарского государственного университета*, 9(120), 232-236.

- Кущенко, Д. Л. (2012). Становление правосознания в подростковом и юношеском возрасте. *Психология и психотехника*, 3(42), 86-92.
- Миннегалиев, М. М. (2012). Роль семейного воспитания в профилактике девиантного поведения подростков. *Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки*, 7(111), 213-218.
- Некрасов, Д. Е., Ханахмедов, А. С., Бадалянци, Э. Ю., Ищук Я. Г., Чистотина, О. Н. и Шкабин, Г. С. (2013). *Актуальные вопросы предупреждения правонарушений несовершеннолетних подразделениями полиции в Рязанской области: монография*. Москва: Московский университет МВД России.
- Немов, Р. С. (2007). *Психология: Словарь-справочник: В 2 ч.* Москва: ВЛАДОС-Пресс.
- Сердобинцев, К. С. (2011). Взаимодействие общества и власти в контексте проблем модернизации и развития институтов гражданского общества в России. *Вопросы философии*, 4, 31-40.
- Филипенко, Е. В. (2022). *Психолого-педагогические детерминанты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних: монография*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Филипенко, Е. В., Витольник, Г. А., Душкина, Е. В. (2021). Проблема профилактики девиантного поведения несовершеннолетних как предмет психолого-педагогического анализа. *Вестник Уфимского юридического института МВД России*, 2 (92), 208-219.

References

- Gilinskij, Ya. I. (2004). *Deviantnost', prestupnost', social'nyj kontrol'. Izbrannye stat'i*. Saint Petersburg: Yuridicheskij centr Press.
- Egorova, U. G. (2014). Prosveshchenie roditel'ev v voprosah profilaktiki otklonyayushchegosya povedeniya podrostkov. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 9(120), 232-236.
- Kushchenko, D. L. (2012). Stanovlenie pravosoznaniya v podrostkovom i yunosheskom vozraste. *Psihologiya i psihotekhnika*, 3(42), 86-92.
- Minnegaliev, M. M. (2012). Rol' semejnogo vospitaniya v profilaktike deviantnogo povedeniya podrostkov. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*, 7(111), 213-218.
- Nekrasov, D. E., Hanahmedov, A. S., Badal'yanc, E. YU., Ishchuk YA. G., Chistotina, O. N. i Shkabin, G. S. (2013). *Aktual'nye voprosy preduprezhdeniya pravonarushenij nesovershennoletnih podrazdeleniyami policii v Ryazanskoj oblasti: monografiya*. Moscow: Moskovskij universitet MVD Rossii.
- Nemov, R. S. (2007). *Psihologiya: Slovar'-spravochnik: V 2 ch.* Moscow: VLADOS-Press.
- Serdobincev, K. S. (2011). Vzaimodejstvie obshchestva i vlasti v kontekste problem modernizacii i razvitiya institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossii. *Voprosy filosofii*, 4, 31-40.
- Filipenko, E. V. (2022). *Psihologo-pedagogicheskie determinanty profilaktiki deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih: monografiya*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Filipenko, E. V., Vitol'nik, G. A., Dushkina, E. V. (2021). Problema profilaktiki deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih kak predmet psihologo-pedagogicheskogo analiza. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2 (92), 208-219.

Информация об авторе:

Мария Александровна Ерофеева – доктор педагогических наук, профессор.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 11.04.2022

Одобрена после рецензирования 20.05.2022

Опубликована 29.07.2022

About the author:

Mariya A. Erofeeva – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted April 11, 2022

Approved after reviewing May 20, 2022

Accepted July 29, 2022